А. Т. ТВАРДОВСКИЙ 2

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

2

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1977

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1940—1945)

ПОЭМЫ

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

ДОМ У ДОРОГИ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1977

Р 2
Т 26

Примечания
Ю. БУРТИНА И Р. РОМАНОВОЙ

Оформление художника
Г. ЧЕХОВСКОГО

Т $\frac{70402-192}{028(01)-77}$ подписное

СТИХОТВОРЕНИЯ

В ПОДБИТОМ ТАНКЕ

Застиг и нас тяжелый час,
Пришел и наш черед.
В подбитом танке трое нас,—
Все ясно наперед.

Ну что ж, сидим.
Мотор умолк.
Готов и я к концу,
Чтоб встретить так его, как долг
И честь велят бойцу.

Ни вылезть нам, ни люк открыть —
Такой огонь чесал.
Прошу я:
— Дайте закурить,
Товарищ комиссар.

Покурим, думаю, а там —
Проститься есть резон
По-братски, попросту...
— Не дам,—
Вдруг отвечает он.—

Не дам тебе я закурить,
И даже думать брось.
К своим пробьемся,— говорит,—
Накуришься авось...

Ну что ж, сидим.
И то сказать:
Сидим в своем дому.

Однако ж надо вылезать,
Чинить мотор.
Кому?

Кому охота под огонь,
Где рядом смерть твоя,
Где пули щелкают о бронь?
Кому ж?
Механик — я.

Добрался к части ходовой,
Дополз кой-как с ключом,
А пули шьют над головой,
Над поднятым плечом.

Не о починке разговор:
Я быстро сладил с ней.
Но завести, пустить мотор —
Тут было потрудней.

Потели мы над ним полдня,
Побил я руки в кровь,
Завел.
И вижу сам, что я —
Покамест жив-здоров.

И верный слову человек,
Товарищ комиссар,
Помятый достает «Казбек»
И угощает сам.

— Теперь, пожалуй, затянись,—
И добавляет вдруг:
— Да никогда не торопись
Прощаться с жизнью, друг.

И слов простых мне не забыть,
Они всегда со мной:
— Врага должны мы насмерть бить,
А сами жить, родной.

1940

ГРИГОРИЙ ПУЛЬКИН

Когда кузнец — кузнец хороший,
В искусстве ковочном горазд,
Любой крови любая лошадь
Ему с охотой ногу даст.

Когда рука его набита,
Он лишь прищурится слегка —
И посылает гвоздь в копыто
Одним ударом молотка.

И у него в дивизионе,—
Проверь на самый строгий глаз,—
В порядке все — обуты кони
По мерке, точно, в самый раз.

И на крутом подъеме тяжком,
Когда орудье вниз рванет,
Артиллерийская упряжка
Не будет зубы бить об лед.

...Мороз. В лесу звенят сосульки,
Подкова рубит лед сухой,
Твоей она, Григорий Пулькин,
Умелой пригнана рукой.

Но сам он это в счет не ставил.
Случился день, когда в бою
И сверх того еще прославил
Кузнец фамилию свою.

Кругом земля стонала стоном,
И осыпь дымная с ветвей
Ложилась белою попоной
На спины потные коней.

Глотали люди снег с устатку,
Любой работал за троих,
Но приходилось по десятку
Врагов на каждого из них.

У ног живых в снегу лежали
Убитые. Редел народ.
Носилок раненые ждали,—
Не доходил до них черед.

В разгаре боя у опушки
Вдруг увидал кузнец в дыму,
Что остается возле пушки
Один наводчик. И к нему —
Помочь. Ну что ж, не гнать обратно.
— Гляди — шнурок. Вперед не лезь.
Как крикну — дергай.
— Есть! Понятно.
— Да сам пригнись.
— Понятно. Есть.

И хоть впервые с пушкой рядом
Стоял кузнец, однако смог
Таскать наводчику снаряды,
По знаку дергать за шнурок.

Казалось так: покуда живы,
Решили разом тот и тот,
Уговорились молчаливо
Стоять вдвоем за весь расчет.

И знали оба, что, быть может,
Они уже окружены,
Что только жизни подороже
Свои отдать они должны.

А вражья цепь все ближе, ближе
Ползла, росла из-за кустов,
Штыки, халаты, каски, лыжи,
Дыханья пар из сотен ртов —
Уже вблизи. Но двое грудью
Атаку встретили.

— Огонь! —
Прямой наводкой из орудья
Внезапно дали раз, другой...

Угрюмо вниз глядело дуло.
Кого осколок не сразил,
Того волной воздушной сдуло —
С тех пор он хлеба не просил.

Столбами черными в пожаре
Взлетала мерзлая земля,
Вдвоем атаку отражали
Они, как два богатыря.

И так в бою кузнец старался,
Так управлялся в свой черед,
Что мельком даже улыбался
Наводчик, утирая пот.

Когда ж от наших пулеметов
Пошла в лесу трещать кора
И понесла вперед пехота
Свое родимое «ура!»,
Когда бойцы вздохнули вместе
И стихнул пуль последний свист,—
Он похвалил его по чести,
Толкнул в плечо:
— Артиллерист!..

Тот к пушке подошел устало.
Металл был тепел под рукой,
И пахло, точно в кузне старой,
Огнем, окалиной сухой,
Землей натоптанной. Работа
Была похожая вполне.
На сером ватнике от пота
Пробился иней по спине.

Ломила усталь в пояснице,
Дрожмя дрожали пальцы рук.
И снегу чистого — помыться—
Ни горсти не было вокруг...

Уже у всех кузнец в помине,
Уже с людьми какими в ряд!
Уже родители о сыне,
Наверно, речи говорят.

А он у дела, как обычно,
На службе срочной. И порой
Ему в героях непривычно,
Но как бы ни было — герой.

И у него в дивизионе,—
Проверь на самый строгий глаз,—
В порядке все — обуты кони
По мерке, точно, в самый раз.

1940

ШОФЕР АРТЮХ

Поначалу вроде
Песенки простой:
Жил Артюх Володя,
Парень холостой.

Жил, служил шофером,
За рулем был строг,
Впору, к разговору,
Также выпить мог.

Только все и знали:
Есть такой шофер.
Вдруг его призвали
На военный сбор.

Много или мало
Дней прошло — война.
А ему сказала
Женщина одна:

— Хоть и посмеешься,
Может, надо мной,
Верю, что вернешься
С орденом домой.

Отвечал: — Не гордый,
Буду жив — вернусь,
А сказать про орден...
Я и не гонюсь...

И у переправы
В памятном бою
Не гадал про славу
Парень про свою.

Берег недалекий
Под огнем врага.
Тайпалеен-Йоки —
Быстрая река.

Позади колонна —
Сотни грузовых,
И полупонтоны
Шапками на них.

Впереди запнулись,
Некуда назад,
В очередь под пули
Сбились и стоят.

Все к тому приспело —
Вырвись, путь открой.
Для такого дела
Нужен был герой.

Время дорогое,
Путь в огне, в дыму.
Где ж искать героя? —
Надо самому.

Смотрят белофинны,
Ошеломлены:
Мчит на них машина
С нашей стороны.

То не танк, не грозный
Катит броневик —
То простой обозный
Серый грузовик.

Мчит без остановки
Впереди машин.
Человек с винтовкой
За рулем — один.

А пока шюцкоры
Были в столбняке,
Наши понтонеры
Бросились к реке.

И кипит работа
Живо под огнем.
И — садись, пехота,
Вмиг перевезем.

Стремя на протоке
Гонит и кружит,
Тайпалеен-Йоки
Позади лежит.

Наши с места в гору
Налегке спешат,
Руку жмет шоферу
Артюху комбат.

Парень отличился —
На три дня домой.
С орденом явился,
С «Золотой Звездой».

Вот он, возмужалый,
Но как был с лица.
Та, что провожала,
Рада без конца.

Гостя усадила,
Стол ему накрыт.
— Что ж, не страшно было?
— Страшно,— говорит.—

Страшно, только нужно...—
И об этом смолк.
Служба — это служба,
Подвиг — это долг.

1940

НАСТУПЛЕНИЕ

Сто двадцать третьей
ордена Ленина дивизии
посвящается

Еще курились на рассвете
Землянок редкие дымки,
Когда полки Сто двадцать третьей
К опушке вынесли штыки.

В лесу, не стукнув, сняли лыжи,
Исходный заняли рубеж.
Был воздух сух, морозом выжат
И необычно детски свеж.

А тишина была такая,
Как будто все, что есть вокруг,
Весь мир от края и до края
Прислушивался...
И вдруг
Земля — вперед! Качнулись сосны,
А иней — точно дым с ветвей.
Огонь рванулся смертоносный
С укрытых наших батарей.

И шепелявый визг металла
Повис над самой головой.
И лес оглох. И ясно стало,
Что — началось, что это — бой.

И небо всех и все пригнуло
К земле, как низкий потолок.
И в блиндажах со стен от гула
Потек песок...

Под канонаду со стоянки
В снегу, как в мельничной пыли,
С разгону вздыбленные танки,
Почти неслышные, прошли.

И вслед за огневым налетом
К высотам, где укрылся враг,
Пошла, пошла, пошла пехота,
Пошла, родимая!
Да как!

Еще орудья не остыли
От краткой яростной пальбы,
Еще стволы деревьев ныли,
Как телеграфные столбы,—

Бойцы уже едва виднелись
На сером вспаханном снегу.
Бежали в рост, у самой цели,
Шинели сбросив на бегу.

Одни из тех, что шли вначале,
На полпути еще легли.
Живые знамя расправляли
В дыму, вдали.

И к тем живым — свои, живые
Бежали, шли, тянули связь,
И даже кухни полевые
В тылу подвинулись, дымясь.

Вперед, вперед катилась лавой
Дивизия. Была она
Своей сегодняшнею славой
Еще в тот день озарена.

1939—1940

ВЫСШАЯ ЧЕСТЬ

С бомбежки летит эскадрилья до дому,
Морозное небо винтами гребет.
Вдруг видят товарищи: правый ведомый
От строя отстал самолет.

Казалось бы, что же? Простой непорядок,
Но тут, под обстрелом, иной разговор:
В машине Мазаева финским снарядом
Вдруг выведен правый мотор.

На правую плоскость огонь выбегает.
Идти на посадку решает пилот.
И вслед за подбитой машиной другая —
На помощь Лобаев идет.

Куда он, парнишка, почти что безусый?
Тут летчик постарше и опытней был.
Фамилия летчика этого Трусов,
А имя его — Михаил.

Минует минута, другая и третья,
И каждая так дорога!
Мазаев площадки еще не приметил,
А пламя по плоскости выстелил ветер,
И все на глазах у врага.

И только что сесть удалось самолету,
Верхушки дерев задевая огнем,
С опушки строчат по нему пулеметы,
Бегут к озерку белофинские роты,
Троих оцепляют кругом.

Машина пылает. Стоят они трое:
Мазаев, да Климов, да Пономарев,
А вся эскадрилья встревоженным строем
Кружится над ними: не кинем, укроем!
И с воздуха рубит врагов.

Штурмуя опушку, с лихою ухваткой
Над лесом машины дают виражи.
Противник уже наступает с оглядкой.
Но что это? Трусов идет на посадку.
Возьми его! Вот он, держи!

И все остальное проходит так быстро,
Быстрее, чем этот рассказ:
Один в бомболюки, а двое к радисту —
И все в самолете. И — газ!

Тут дерзости мало одной удивляться,
Хоть это и редкий пример.
Тут самое трудное было подняться,
Но Трусов и это сумел.

Поднялся, пристроился правым ведомым,
И вновь эскадрилья вперед понеслась
Так стройно, как будто над аэродромом,
Над полем советским, родным и знакомым,
Минуту назад поднялась.

Все сделано чисто. Куда еще чище?
Друзья спасены, а врагу
Осталось на озере только огнище
Да след самолета на белом снегу.

У летчиков наших такая порука,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить — большая заслуга,
Но друга спасти — это высшая честь.

1940

БАЛЛАДА О КРАСНОМ ЗНАМЕНИ

Там снег с землей, песок с золой
Перемешались кашей.
То был налет наш огневой,
Работа пушек наших.
Спешил снаряд снаряду вслед,
И было столько бито,
Что без отметки камня нет,
Вершка земли невзрытой.
Казалось, мы карьер вели
В обрушенном откосе,
И был отрыт из-под земли
Бетонный броненосец.
Он был отрыт, помят, подбит,
И мог увидеть всякий
На той броне из толстых плит
Ударов наших знаки.
Его мы доняли огнем,
Но за стеной бетонной
Еще дышал, дежурил в нем
Противник оглушенный.
Он не дремал, глаза разул,—
Чуть поднимись пехота —
Из уцелевших амбразур
Строчили пулеметы.
Укрыт броней, сидел в тепле,
А мы — в снегу сыпучем —
Ничком лежали на земле
У проволоки колючей.
И смельчаки из наших рот,
Бесценные ребята,
С рукой, протянутой вперед,
С винтовкой, в ней зажатой,
В сугробах сделав шаг, другой,

Навек закоченели,
И снег поземкою сухой
Присыпал их шинели.
Уже считалось: никому —
И храбрецу любому —
К откосу черному тому
Не добежать живому.
Но вот привстал еще один,
Другой — и мы за ними.
Был первый Шилов, командир,—
Запомним это имя!
На тот откос он знамя нес,
Он звал нас за собою.
— Ура! За Родину! — неслось
Над белым полем боя.
Когда ж убитым он упал,
Бежавший вслед с другими
Схватил древко боец Лупан,—
Запомним это имя.
— За мной, ребята! — крикнул он
И кинулся на взгорок.
Не добежав, он был сражен,
Но шаг и тот был дорог.
И третий знамя подхватил,
Как в беге эстафету.
Героем третьим Зубец был,—
Запомним имя это.
Его противник не скосил,
Он жив — и ныне с нами.
Он добежал, он водрузил
На взгорке наше знамя.
Еще на этом рубеже
Держался враг упорно,
Но знамя красное уже
Вилось над башней черной.
И подползти, подлезть к нему
С незанятой опушки
Мы не давали никому,
Держали всех на мушке.
Бойцы, отменные стрелки,
Следили неотрывно,
Чтоб протянуть к нему руки
Не мог, не смел противник.

Тут было сказано: «Не тронь!»
И наше слово точно.
А он по знамени — огонь.
А мы огонь — по точкам.
И вновь ему — ни встать, ни сесть,
Ложись, забудь забаву.
Мы охраняли нашу честь
И наших братьев славу.
Мы не щадили ничего
В бою за знамя наше,
Чтоб подвиг павших за него
Был памятней и краше.
И в тыл к врагу неслася весть
Тревожная, большая.
Забыл он пить, забыл он есть,—
Земля под ним чужая.
Не до воды, не до еды,
Как ворвались с гранатой
В его подземные ходы
Советские ребята.
И для раздумья срок был мал,
Помедлишь тут едва ли.
Кто сразу рук не поднимал,
— Отжил! — рапортовали.
Пробился зимний свет в дыру,
Где днем темно и ночью...
И знамя наше поутру
Чуть колыхалось на ветру,
Простреленное в клочья.

1940

* * *

Встала рано. День хороший.
Поскорей достать воды.
Замело крупой-порошей
Все дорожки, все следы.

Знать, чтоб день такой отметить,
Смотрит — верится едва —
Санитар несет пакетик:
— Не отдам, спляши сперва.

Подбежала с полотенцем,
Вырывает — не дает.
Ладно, сделала коленце,
Будто вышла в хоровод.

Только вскрыла — побледнела,
Закричала с первых строк.
Санитар оторопелый
Смотрит, что же он наделал,
Отступает за порог...

1940

ЖЕРЕБЕНОК

Гнедой, со звездочкой-приметой,
Неровно вышедшей на лбу,
Он от своих отбился где-то,
Заслышав первую стрельбу.

И суток пять в снегу по брюхо
Он пробирался по тылам.
И чуть живой на дым от кухонь,
Как перебежчик, вышел к нам.

Под фронтовым суровым небом
Прижился он, привык у нас,
Где для него остатки хлеба
Бойцы носили про запас.

Бойцы ему попонку сшили —
Живи, расти, гуляй пока,
И наши лошади большие
Не обижали стригунка.

И он поправился отменно,
Он ласку знал от стольких рук,
Когда один из финских пленных
Его у нас увидел вдруг...

Худой, озябший, косоротый,
Он жеребенка обнимал,
Как будто вечером в ворота
Его шутливо загонял.

А тот стоит и вбок куда-то
Косит смущенно карий глаз.
Его, хозяина, солдатом
Он здесь увидел в первый раз.

1940

* * *

Зима под небом необжитым
Застала тысячи людей.
И от зимы была защита
Земля. Что глубже, то теплей.

Две-три ступеньки для порядка,
Пригнись пониже всякий раз.
Заиндевелою палаткой
Завешен в землю темный лаз.

А там внизу, под тем накатом,
Под потолком из кругляшей,
Там, как вползешь,— родная хата,
Махорки дым и запах щей.

Там рай земной. И в самом деле,
Зима любая не страшна.
И на разостланной шинели
Считает сахар старшина.

И, шевеля в губах окурок,
Сонливо глядя на огонь,
Боец, парнишка белокурый,
Тихонько трогает гармонь.

И все пришедшие погреться
Сидят сговорчивым кружком,
Сидят на корточках, как в детстве,
Как в поле где-нибудь, в ночном...

1940

СПИЧКА

Запас огня, залог тепла,
Она одна при мне была.

Одна в просторном коробке —
Как в горнице сухой.
Одна во всей глухой тайге.
Зажги — и нет другой.

Застыла коробом шинель,
Метет за воротом метель.

Вторую ночь в лесу встречай —
Той ночи нет конца.
Ну, спичка, спичка, выручай,
Не подведи бойца...

И чует жесткая ладонь,
Что уцелел под ней огонь.

И завились, как червячки,
Сучки — сушья пучок.
Трещат, как спелые стручки,
Стреляют в кожу щек.

Дымком повитое тепло
Под рукава ползком зашло.

Разута правая нога.
Что ночь, что холод мне!

Вот как бывает дорога
И спичка на войне.

1940

* * *

Не дым домашний над поселком,
Не скрип веселого крыльца,
Не запах утренний сенца
На молодом морозце колком,—

А дым костра, землянки тьма,
А день, ползущий в лес по лыжням,
Звон пули в воздухе недвижном,
Остекленевшем — вот зима...

1940

* * *

То к сыну старик, то к шинели сыновней,
То сядет за стол, то к порогу опять.
— Нет, шутка ли слово такое: полковник!
Полковник! Герой! Это надо понять.

И смотрит на сына с тревогой любовной,
И снова встает, не уймется отец.
— Полковник! А скажем и так: ну, полковник,
Ну, даже полковник! А я вот кузнец.

Ну что ж, повстречались. Ну, выпили вместе
За милого гостя в отцовской избе.
А то что касается службы да чести,
Ты — сам по себе, я — сам по себе.

1940

ТАНК

Взвоют гусеницы люто,
Надрезая снег с землей,
Снег с землей завьется круто
Вслед за свежей колеей.

И как будто первопуток
Открывая за собой,
В сталь одетый и обутый,
Танк идет с исходной в бой.

Лесом, полем мимолетным,
Сам себе кладет мосты,
Только следом неохотно
Выпрямляются кусты.

В гору, в гору, в гору рвется,
На дыбы встает вдали,
Вот еще, еще качнется,
Оторвется от земли! —

И уже за взгорьем где-то
Путь прокладывает свой,
Где в дыму взвилась ракета,
Где рубеж земли,
Край света —
Бой!..

1940

* * *

— Давай-ка, товарищ, вставай, помогу,
Мороз подступает железный.
На голом снегу лежать на боку
Совсем тебе не полезно.

Держись-ка за шею, берись вот так,
Шагаем в полном порядке.
Замерзли руки? Молчишь, чудак,
Примерь-ка мои перчатки.

Ну как, товарищ? Опять — плечо?
А вот и лесок. Постой-ка.
Теперь пройти нам столько еще,
Полстолько да четвертьстолько.

Ты что? Оставить тебя в лесу?
Да ты, дорогой, в уме ли?
Не хочешь идти — на себе донесу.
А нет — дотащу на шинели.

1940

* * *

Велика страна родная,
Так раскинулась она,
Что и впрямь — война иная
Для нее как не война.

Но в любой глухой краине,
Но в любой душе родной
Столько связано отныне
С этой, может, не войной.

Пусть прибитый той зимою
След ее травой порос,
И прибой залива моет
Корни сосен и берез,

Пусть в тот край вернулись птицы,
И пришло зверье в леса,
И за старою границей
День обычный начался,—
Там...

Там, в боях полубезвестных,
В сосняке болот глухих,
Смертью храбрых, смертью честных
Пали многие из них.

1941

ТЕБЕ, УКРАИНА

Какие хлеба поднялись от границы,
Как колосом к колосу встали они,
Как пахнут поля этой ржи и пшеницы
На утреннем солнце. Всей грудью вздохни.

Вздохни, оглянись — и увидишь впервые,
Как вольно раскинулась эта земля —
Поля золотые, леса молодые,
Луга заливные и снова поля.

Как мирно стоят эти белые хаты,
Скамьи у ворот — отдыхай, пешеход!
Какой это край обжитой и богатый!
Какой урожайный он встретил бы год.

Земля золотая, долины и горы,
Заводы и села, хлеба и луга,
В суровую эту и грозную пору
Ты сердцем любому стократ дорога.

Как будто я сам в Украине родился
И белую пыль эту с детства топтал,
И речи родимой, и песням учился,
И ласку любимой впервые узнал.

Пускай я иной уроженец и житель
И травы у нас не такие цветут,
В просторе степей, в созревающем жите
И детство, и все мое милое — тут.

С твоими сынами и я посвящаю
Тебе, Украина, дыханье и кровь.
Не край мы один от врага защищаем,
А Родину — мать всех родимых краев.

1941

ТРОЕ

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1941 г. присвоено звание Героя Советского Союза командиру звена младшему лейтенанту Здоровцеву С. И., летчику мл. лейтенанту Жукову М. И., летчику мл. лейтенанту Харитонову П. Т.

Блистают зарницы великой войны,—
И вот они первые трое,
Отмеченных высшей наградой страны —
«Звездой Золотою» Героя.

В тревожное небо, в грозовую высь,
С укатанной взлетной площадки,
Они на машинах своих поднялись
С врагами померяться в схватке...

Когда провожает машину твой взгляд,
Скользя по невидному следу,
Как хочется верить, что скоро назад
Вернется товарищ с победой.

Все трое с победой вернулись они,
И день этот — ныне вчерашний.
И новые, новые ночи и дни
Проходят в работе бесстрашной.

И столько себя еще в схватках лихих
Покажут советские люди.
Мы многих прославим, но этих троих
Уже никогда не забудем.

Мы в них подведем нашим подвигам счет,
Победам над силой коварной,
И будет всегда называть их народ
С любовью своей благодарной.

Запомним же русские их имена,
Что дороги будут для внуков,
Здоровцев Степан — командир их звена,
Пилот Харитонов и Жуков.

Родные! Вы служите славно стране,
В боях за штурвалами сидя.
Пусть матери ваши и жены во сне
Всегда вас веселыми видят.

1941

ПЕСНЯ О ПОЛКОВОМ ЗНАМЕНИ

Красноармеец 3-й пулеметной роты Н-ского полка Степан Валенко спас полковое знамя, бросившись за ним на машину, подожженную снарядом противника.

Из боевого донесения

Бой жестокий был в разгаре,
Бился полк передовой.
Вражий вдруг снаряд ударил
По машине грузовой.
Черный дым, рудое пламя,
А на том грузовике —
Полковое наше знамя
Сохранялось на древке.

Знамя — воинская слава,
Верность пули и штыка.
Знамя — сила, знамя — право,
Знамя — долг и честь полка.

Бьют снаряды вперемешку,
Грузовик в огне, в дыму.
И боец Степан Валенко
Первым бросился к нему.

Завиваясь воет пламя,
Пули шьют над головой.
Подхватил с машины знамя
Пулеметчик молодой.

Знамя — воинская слава,
Верность пули и штыка.
Знамя — сила, знамя — право,
Знамя — долг и честь полка.

По канаве вдоль дороги
Пробирался до конца.
Ночью, раненного в ноги,
Санитар нашел бойца.
Ослабевшими руками
Он, казалось, все сильней
В трубку свернутое знамя
Прижимал к груди своей.

Знамя — воинская слава,
Верность пули и штыка.
Знамя — сила, знамя — право.
Знамя — долг и честь полка.

1941

ОТЕЦ И СЫН

На днях к главнокомандующему Юго-Западным направлением Маршалу Советского Союза С. М. Буденному пришел старый конармеец Иван Александрович Трутнев вместе со своим сыном Алексеем. Отец и сын просили маршала зачислить их в одну из частей Действующей армии. Главнокомандующий удовлетворил просьбу Трутневых.

Из газет

Отец и сын июльским днем
Пришли к Буденному вдвоем.

На грудь повесил старина
Времен гражданской ордена.

Плечо в плечо отец и сын,
Хоть не укрыть отцу седин.

И тот хорош, и тот не слаб.
— А ну, сынок...— и входят в штаб.

Взглянул Буденный на отца,
Узнал рубаку-молодца.

И вспомянули о былом
Отец и маршал за столом.

Но время дорого — война.
— С какою просьбой, старина?

— С такой: с сегодняшнего дня
Хочу обратно на коня.

Обратно в конницу прошусь,
Еще, пожалуй, пригожусь.

Да и пришел я не один,
Товарищ маршал, вот мой сын.

Уважь ты просьбу старика,
Позволь вдвоем рубать врага.

И вот Буденный с места встал,
Обнял его, поцеловал.

— Спасибо, друг. А мой ответ:
Рубать врага — отказу нет...

И отдает приказ тотчас:
Двоих бойцов зачислить в часть

И снарядить коней в поход,
И на прощанье руки жмет.

И скачут к фронту сын с отцом,
Бойцы, похожие лицом.

Страна моя, земля моя,
Одна — родня, одна — семья.

В суровый час судьбы твоей
Ты стала нам стократ милей.

Стократ сильней теперь любя,
Встаем с оружьем за тебя.

Встают отцы и сыновья...
Страна моя, семья моя!

1941

СЕРЖАНТ ВАСИЛИЙ МЫСЕНКОВ

Дерется полк в кольце врагов,
Огня и хлеба нет.
Везет Василий Мысенков
В штаб корпуса пакет.

И помнит он, сказал майор,
Что смерть полка иль жизнь
В пакете том.
— Гони, шофер.
— Гоню, сержант. Держись.

Шофер газует веселей,
Сиди, про все забудь.
Чужой дорогой до своей
Пробиться как-нибудь.

Дорога будто бы пуста,
Но трудно верить ей.
— Добраться б только до моста...
— А там? — А там видней...

Глухой удар. Толкнуло в бок
Воздушною волной.
— Гони, шофер, гони, дружок,
Дороги нет иной.

Задача наша впереди,
Нам надо жить с тобой.
Вручим пакет, тогда — гвозди
С позиции любой.

Обстрел все гуще. Ни черта!
Видали не такой.
Добраться б только до моста,
А там — подать рукой.

Разрывы рядом. Бьет — не врет.
Точь-в-точь как на войне.
Последний взгорок, поворот,
И — мост. Но мост в огне.

Бушует пламя над рекой.
— В кусты, дружище, правь.
Ну что ж, дороги нет другой,
Прощай! Придется вплавь...

— Прощай.—
Разулся у куста,
В фуражку свой пакет.
И дым горящего моста
Его завесил след.

Плывет Василий Мысенков,
В дыму не видно берегов.
Вода темна, вода мутна.
Попробуй стать — не слышно дна...

Он выполз на берег глухой.
Безлюдье, рожь кругом.
Фуражку снял — пакет сухой.
Повеселел: — Живем...

Моя земля. Моя трава.
Мой луг, и лес, и рожь.
Ты здесь найди меня сперва,
Возьми-ка. Хрен возьмешь!

Я обойду тебя вокруг,
Я проползу ужом,
Мне каждый пень и кустик — друг,
Я — свой, а ты — чужой...

Идет Василий Мысенков,
Чуть жив к исходу дня.
Но знает: полк в кольце врагов,
Без хлеба и огня.

Пускай ты голоден, боец,
Но подвиг — это долг.
Пускай измучен ты вконец,
Но ты один, там — полк.

И можно встретить сто смертей
За жизнь, за дело их,
Родных, воюющих людей,
Товарищей твоих.

Да, все иначе на войне,
Чем думать мог любой,
И солью пота на спине
Проступит подвиг твой.

Щетиной жесткой бороды
Пробьется на щеке
И кровью ног босых следы
Отметит на песке...

Под утро в домике штабном
Он жадно воду пил
И хриплым голосом с трудом
По форме доложил.

И глубоко запавших глаз
Был чист и ясен свет...
Он знал, что выполнил приказ:
Доставил в срок пакет.

1941

КОГДА ТЫ ЛЕТИШЬ

Когда ты летишь
Поутру на работу,
С земли своего
Узнают по полету.

По крыльям знакомым,
По звуку мотора
Тебя узнают
На дороге шоферы.

Тебя провожают
Колхозницы в поле
Напутственным словом:
— Лети, наш соколик.

Лети, наш родимый,
На славу сражайся,
Живой, невредимый
Назад возвращайся...

И, спинкой мелькнув
Меж подсолнухов голой,
Бежит на задворки
Трехлетний Микола.

По грядкам бежит,
Спотыкаясь, мальчонка,
Он машет тебе
Загорелой ручонкой.

Он долго и жадно
Следит за тобой,
Он тоже тебя
Посылает на бой.

А там, за рекой,
За крутым поворотом,
Тебя уже видит
Родная пехота.

И лица усталые
Сразу моложе,
И если б ты слышал,
Услышал бы тоже:

— Наш славный товарищ,
За взгорком враги.
До них подобраться
Ты нам помоги.

Хвати их фугасом
По каскам литым.
Мы лишнего часу
Им жить не дадим.

Спасибо, товарищ,
За помощь в бою,
Спасибо, родной,
За работу твою...

И вот, развернувшись,
Летишь ты обратно.
Машина работает
Ровно и внятно.

И вновь под тобою —
Прибрежные села,
И щурится, глядя
Под солнце, Микола.

Кричит с огорода:
— Ой, баба, ой, мама,
Бегите, глядите —
Тот самый, тот самый!..

1941

* * *

Пускай до последнего часа расплаты,
До дня торжества — недалекого дня —
И мне не дожить, как и многим ребятам,
Что были нисколько не хуже меня.

Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

1941

РАССКАЗ ТАНКИСТА

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти — двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас как дорогих гостей,

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду ведрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы недозрелые суют...

Шел бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперед.
А он гвоздит — не выглянуть из башен, —
И черт его поймет, откуда бьет.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился,— столько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведал...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?..— А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждет.— Влезай сюда, дружище! —
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырем.

Подъехали.— Вот здесь.— И с разворота
Заходим в тыл, и полный газ даем.
И эту пушку, заодно с расчетом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозем.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шел большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал...

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

1941

ЗИМА НА ФРОНТЕ

Посеребрив щиты орудий,
Штыки, постромки, провода,
Идет зима по мерзлой груде,—
Кому — зима, кому — беда.
По фронтовым идет дорогам,
Рядит войска в единый цвет.
И то, что русскому — подмога,
    То немцу — нет!

Шуршит поземка, ветер резок,
Мороз в новинку, что огонь.
Особо зол вблизи железа —
Гляди, без варежки не тронь.
Зима всем ровно пригрозила,
Ее закон для всех один.
Но то, что русскому — под силу,
    То немцу — блин!

Зима под небом необжитым
Его застала на пути.
И от нее одна защита —
Земля,— вгрызайся и сиди.
И рукавичкой в рукавичку
Стучи — как вылез за порог...
Да, то, что русскому в привычку,
    То немцу — ох!..

Морозы русскому знакомы,
Зимует он в родных местах,
Он — у себя, он, русский,— дома,
А дома лучше, чем в «гостях».
Мы с детства любим наши зимы,
Мороз силен — денек хорош.

Итак: что русскому терпимо,
То немцу — нож!

Дыши, фашист, морозным паром,
Дрожи среди глухих полян.
Еще в тылу тебя пожаром
Прогреет русский партизан.
Учись в снегах сыпучих ползать,
Боясь чужих, враждебных стен,
И знай: что русскому на пользу,
То немцу — хрен!

Все ближе, ближе срок расправы,
Сжимай оружие, боец.
Безумный враг, бандит кровавый
У нас в снегах найдет конец.
И прозвучит урок суровый
В веках — потомкам помнить чтоб,
Урок: что русскому здорово,
То немцу — гроб!

1941

БОЙЦУ ЮЖНОГО ФРОНТА

Когда прочла твоя родная,
Что под Ростовом сломлен враг,
Прочла, быть может и не зная,
Что ты сражался в тех краях,—
То вновь к работе кропотливой
Она, наверно, взяв клубок,
Вернулась с мыслью горделивой:
«Не там ли нынче мой сынок?»

Когда прочла твоя подруга,
Как сотни тысяч наших жен,
Что на Дону войсками юга
Противник в бегство обращен,—
С волненьем искренним, сердечным,
Встречая день обычный свой,
Она подумала, конечно,
Не там ли ты и что с тобой?

Когда твой мальчик краснощекий
От школьных сверстников узнал,
Что где-то там, в степях далеких,
Разбит фашистский генерал,—
Он, твой любимец незабытый,
Твой сын и будущий боец,
Он так и понял,— немцы биты:
«Что ж, это бил их мой отец».

Когда твой друг на фронте где-то,
Как ты, мужающий в борьбе,
Читал в тот день свою газету, —
Он тоже вспомнил о тебе.
Не там ли ты, товарищ давний,
С кем он гулял, с кем чарку пил,

Не там ли ты, в той схватке славной
Под Таганрогом немца бил?

И вся родимая держава,
И весь наш тыл, и фронт любой
Несут хвалу и честь по праву
Тебе, товарищ боевой.
Москва и дальний заполярный,
В снега ушедший городок
С одною думой благодарной
Обращены к тебе, браток.

А ты в бою. И бородатый,—
Не до бритья, коль взят разгон, —
Похож на русского солдата
Всех войн великих и времен.
На неостывшем вражьем танке,
Подбитом, может быть, тобой,
Ты примостился, чтоб портянки
Перевернуть, — и снова в бой.

Хоть, спору нет, тебе досталось.
Не смыты копоть, кровь и пот,
Но та усталость — не усталость,
Когда победа жить дает.
Ты поработал не задаром:
Настанет срок — народ-герой
Сметет врага с земли родной,
И слава первого удара —
Она навеки за тобой.

1941

НОВОГОДНЕЕ СЛОВО

Когда их вражья кровь стократ
За нашу отольется,
Тогда, мой друг, товарищ, брат,
У всех у нас, как говорят,
Что вспомянуть найдется.
И кто б рассказ ни начал тот
Друзьям, родным иль детям,
Он эту ночь под Новый год
Особенно отметит.
И, видя лиц недвижный круг,
Там — хочешь иль не хочешь —
И ты, мой брат, товарищ, друг,
Коснешься этой ночи.
Расскажешь ты, как снег бежал
В степи пыльцой сыпучей,
Как ты в ту ночь бочком лежал
У проволоки колючей.
Иль, укрываясь за щитком,
Работой руки грея,
Ее под энским городком
Провел на батарее.
Иль полз товарищу помочь,
Что звал тебя чуть слышно.
Иль с кухней мучился всю ночь,
Чтоб каша лучше вышла.
Иль заступал в ту ночь на пост,
А то шагал с колонной,
Иль под обстрелом ладил мост,
Противником сожженный.
Иль из села пришлось тебе
Той ночью немца выбить,
И — ради праздника — в избе
С хорошим дедом выпить.

Или, врага держа в виду,
Сидел под звездным кровом,
В разведку в Старом шел году,
А возвратился в Новом...
А то с полком — вперед, вперед! —
Сквозь дым и гари запах —
Ты этот праздник, Новый год,
Все дальше нес на Запад.
Огнем, клинком врага крушил,
И там, в зарницах боя,
Чернели остовы машин,
Раздавленных тобою...
И, тронув, может быть, усы,
Ты непременно вспомнишь
Тот миг, как ты достал часы
И увидал, что полночь.
И ты подумал о семье,
О дочке или сыне,
О всей своей родной земле,
О родине — России.
В те дни она, в снегах бела,
Во мгле, в дыму морозном
Вставала, смерть врагу несла —
Бил час расплаты грозной...
Да, так ты мог в огне боев
Подумать и сегодня —
О том, что памятно без слов,
О ночи новогодней...
Когда их вражья кровь стократ
За нашу отольется,
Тогда, мой друг, товарищ, брат,
У всех у нас, как говорят,
Что вспомянуть найдется.

1941

ДОМ БОЙЦА

Столько было за спиною
Городов, местечек, сел,
Что в село свое родное
Не заметил, как вошел.

Не один вошел — со взводом,
Не по улице прямой —
Под огнем, по огородам
Добирается домой...

Кто подумал бы когда-то,
Что достанется бойцу
С заряженною гранатой
К своему ползти крыльцу?

А мечтал он, может статься,
Подойти путем другим,
У окошка постучаться
Жданным гостем, дорогим.

На крылечке том с усмешкой
Притаиться, замереть.
Вот жена впотьмах от спешки
Дверь не может отпереть.

Видно, знает, знает, знает,
Кто тут ждет за косяком...
«Что ж ты, милая, родная,
Выбегаешь босиком?..»

И слова, и смех, и слезы —
Все в одно сольется тут.
И к губам, сухим с мороза,
Губы теплые прильнут.

Дети кинутся, обнимут...
Младший здорово подрос...
Нет, не так тебе, родимый,
Заявиться довелось.

Повернулись по-иному
Все надежды, все дела.
На войну ушел из дому,
А война и в дом пришла.

Смерть свистит над головами,
Снег снарядами изрыт.
И жена в холодной яме
Где-нибудь с детьми сидит.

И твоя родная хата,
Где ты жил не первый год,
Под огнем из автоматов
В борозденках держит взвод.

— До какого ж это срока,—
Говорит боец друзьям,—
Поворачиваться боком,
Да лежать, да мерзнуть нам?

Это я здесь виноватый,
Хата все-таки моя.
А поэтому, ребята,—
Говорит он, — дайте я...

И к своей избе хозяин,
По-хозяйски строг, суров,
За сугробом подползает
Вдоль плетня и клетки дров.

И лежат, следят ребята:
Вот он снег отгреб рукой,
Вот привстал. В окно — граната,
И гремит разрыв глухой...

И неспешно, деловито
Встал хозяин, вытер пот...
Сизый дым в окне разбитом,
И свободен путь вперед.

Затянул ремень потуже,
Отряхнулся над стеной,
Заглянул в окно снаружи —
И к своим: — Давай за мной...

А когда селенье взяли,
К командиру поскорей:
— Так и так. Теперь нельзя ли
Повидать жену, детей?..

Лейтенант, его ровесник,
Воду пьет из котелка.
— Что ж, поскольку житель местный...—
И мигнул ему слегка. —

Но гляди, справляйся срочно,
Тут походу не конец.—
И с улыбкой: — Это точно,—
Отвечал ему боец...

1942

ЗЕМЛЯКУ

Нет, ты не думал,— дело молодое,—
Покуда не уехал на войну,
Какое это счастье дорогое —
Иметь свою родную сторону.

Иметь, любить и помнить угол милый,
Где есть деревья, что отец садил,
Где есть, быть может, прадедов могилы,
Хотя б ты к ним ни разу не ходил;

Хотя б и вовсе там бывал не часто.
Зато больней почувствовал потом,
Какое это горькое несчастье —
Вдруг потерять тот самый край и дом,

Где мальчиком ты день встречал когда-то,
Почуяв солнце заспанной щекой,
Где на крыльце одною нянчил брата
И в камушки играл другой рукой.

Где мастерил ему с упорством детским
Вертушки, пушки, мельницы, мечи...
И там теперь сидит солдат немецкий,
И для него огонь горит в печи.

И что ему, бродяге полумира,
В твоем родном, единственном угле?
Он для него — не первая квартира
На пройденной поруганной земле.

Он гость недолгий, нет ему расчета
Щадить что-либо, все — как трын-трава:
По окнам прострочит из пулемета,
Отцовский садик срубит на дрова...

Он опоганит, осквернит, отравит
На долгий срок заветные места.
И даже труп свой мерзкий здесь оставит —
В земле, что для тебя священна и чиста.

Что ж, не тоскуй и не жалей, дружище,
Что отчий край лежит не на пути,
Что на свое родное пепелище
Тебе другой дорогою идти.

Где б ни был ты в огне передних линий —
На Севере иль где-нибудь в Крыму,
В Смоленщине иль здесь, на Украине, —
Идешь ты нынче к дому своему.

Идешь с людьми в строю необозримом,—
У каждого своя родная сторона,
У каждого свой дом, свой сад, свой брат
любимый,
А родина у всех у нас одна.

1942

ДОРОГА НА ЗАПАД

Танковому экипажу
братьев Пухолевич

Друзья! Не детьми, а сынами
Зовут нас в отчизне родной.
Дорога лежит перед нами
В три тысячи верст шириной.

Ведет она всех без изъятья
На запад, в одну сторону,
Где сестры и младшие братья,
Где матери наши в плену;

Где песен давно не поется,
Гармонь не сзывает ребят;
Где все журавли на колодцах —
И те по-иному скрипят.

Где милый родительский угол
Над Бугом иль Верхним Днепром —
Разбит, разорен и поруган
Безумным и подлым врагом.

И слышим мы слухом единым
Немолчный и внятный без слов
И вашей родной Украины,
И нашей Смоленщины зов.

— Спешите ночами и днями,
Минута — и та дорога.
Огнем, и броней, и штыками
Гоните и бейте врага.

Чтоб вдаль он бежал без оглядки
С великой и гордой земли,
Где яблони нашей посадки
Не первую весну цвели.

Чтоб злыми своими глазами,
В смятенье, не видел бы враг,
Как корку земли прорезает
Трава молодая в полях;

Как пашни поднимутся снова,
Как вновь заблестят лемеха,
Как пух полетит тополевый
И как отдымится ольха.

Товарищи, вот наша слава,
Она издалека видна.
Пусть гусениц следом кровавым
В полях пролегает она;

Пусть будет жестокой расплата
За горькую муку земли,
За каждого сына и брата
Из нашей могучей семьи;

За каждую душу живую,
Чье тронуто счастье и честь,
За каждую ветку родную,
Не смогшую нынче расцвесть.

1942

БАЛЛАДА О ТОВАРИЩЕ

Вдоль развороченных дорог
И разоренных сел
Мы шли по звездам на восток,—
Товарища я вел.

Он отставал, он кровь терял,
Он пулю нес в груди
И всю дорогу повторял:
— Ты брось меня. Иди...

Наверно, если б ранен был
И шел в степи чужой,
Я точно так бы говорил
И не кривил душой.

А если б он тащил меня,
Товарища-бойца,
Он точно так же, как и я,
Тащил бы до конца...

Мы шли кустами, шли стерней:
В канавке где-нибудь
Ловили воду пятерней,
Чтоб горло обмануть.

О пище что же говорить,—
Не главная беда.
Но как хотелось нам курить!
Курить — вот это да...

Где разживалися огнем,
Мы лист ольховый жгли,
Как в детстве, где-нибудь в ночном,
Когда коней пасли...

Быть может, кто-нибудь иной
Расскажет лучше нас,
Как горько по земле родной
Идти, в ночи таясь.

Как трудно дух бойца беречь,
Чуть что скрываясь в тень.
Чужую, вражью слышать речь
Близ русских деревень.

Как зябко спать в сырой копне
В осенний холод, в дождь,
Спиной к спине — и все ж во сне
Дрожать. Собачья дрожь.

И каждый шорох, каждый хруст
Тревожит твой привал...
Да, я запомнил каждый куст,
Что нам приют давал.

Запомнил каждое крыльцо,
Куда пришлось ступать,
Запомнил женщин всех в лицо,
Как собственную мать.

Они делили с нами хлеб —
Пшеничный ли, ржаной,—
Они нас выводили в степь
Тропинкой потайной.

Им наша боль была больна,—
Своя беда не в счет.
Их было много, но одна...
О ней и речь идет.

— Остался б,— за руку брала
Товарища она, —
Пускай бы рана зажила,
А то в ней смерть видна.

Пойдешь да сляжешь, на беду,
В пути перед зимой.
Остался б лучше.— Нет, пойду,—
Сказал товарищ мой.

— А то побудь. У нас тут глушь,
В тени мой бабий двор.
Случись что, немцы, — муж и муж,
И весь тут разговор.

И хлеба в нынешнем году
Мне не поесть самой,
И сала хватит. — Нет, пойду, —
Вздохнул товарищ мой.

— Ну, что ж, иди...— И стала вдруг
Искать ему белье,
И с сердцем как-то все из рук
Металось у нее.

Гремя, на стол сковороду
Подвинула с золой.
Поели мы. — А все ж пойду, —
Привстал товарищ мой.

Она взглянула на него:
— Прощайте,— говорит,—
Да не подумайте чего...—
Заплакала навзрыд.

На подоконник локотком
Так горько опершись,
Она сидела босиком
На лавке. Хоть вернись.

Переступили мы порог,
Но не забыть уж мне
Ни тех босых сиротских ног,
Ни локтя на окне.

Нет, не казалася дурней
От слез ее краса,
Лишь губы детские полней
Да искристей глаза.

Да горячее кровь лица,
Закрытого рукой.
А как легко сходить с крыльца,—
Пусть скажет кто другой...

Обоих жалко было мне,
Но чем тут пособить?
Хотела долю на войне
Молодка ухватить.

Хотела в собственной избе
Ее к рукам прибрать,
Обмыть, одеть и при себе
Держать — не потерять.

И чуять рядом по ночам,—
Такую вел я речь.
А мой товарищ? Он молчал,
Не поднимая плеч...

Бывают всякие дела,—
Ну что ж, в конце концов
Ведь нас не женщина ждала —
Ждал фронт своих бойцов.

Мы пробирались по кустам,
Брели, ползли кой-как.
И снег нас в поле не застал,
И не заметил враг.

И рану тяжкую в груди
Осилил спутник мой,
И все, что было позади,
Занесено зимой.

И вот теперь по всем местам
Печального пути
В обратный путь досталось нам
С дивизией идти.

Что ж, сердце, вволю постучи,—
Настал и наш черед.
Повозки, пушки, тягачи
И танки — все вперед!

Вперед — погода хороша,
Какая б ни была!
Вперед — дождалася душа
Того, чего ждала!

Вперед дорога — не назад,
Вперед — веселый труд;
Вперед — и плечи не болят,
И сапоги не трут.

И люди — каждый молодцом —
Горят: скорее в бой.
Нет, ты назад пройди бойцом,
Вперед пойдет любой.

Привал — приляг. Кто рядом — всяк
Приятель и родня.
— Эй ты, земляк, тащи табак!
— Тащу. Давай огня!

Свояк, земляк, дружок, браток,
И все добры, дружны.
Но с кем шагал ты на восток —
То друг иной цены...

И хоть оставила война
Следы свои на всем,
И хоть земля оголена,
Искажена огнем,—

Но все ж знакомые места,
Как будто край родной.
— А где-то здесь деревня та? —
Сказал товарищ мой.

Я промолчал, и он умолк,
Прервался разговор.
А я б и сам добавить мог,
Сказать: — А где тот двор?

Где хата наша и крыльцо
С ведерком на скамье?
И мокрое от слез лицо,
Что снилося и мне?..

Дымком несет в рядах колонн
От кухни полевой.
И вот деревня с двух сторон
Дороги боевой

Неполный ряд домов-калек,
Покинутых с зимы.
И там на ужин и ночлег
Расположились мы.

И два бойца вокруг глядят,
Деревню узнают,
Где много дней тому назад
Нашли они приют.

Где печь для них, как для родных,
Топили в ночь тайком.
Где, уважая отдых их,
Ходили босиком.

Где ждали их потом с мольбой
И мукой день за днем...
И печь с обрушенной трубой
Теперь на месте том.

Да сорванная, в стороне,
Часть крыши. Бедный хлам,
Да черная вода на дне
Оплывших круглых ям.

Стой! Это было здесь жилье,
Людской отрадный дом.
И здесь мы видели ее,
Ту, что осталась в нем.

И проводила, от лица
Не отнимая рук,
Тебя, защитника, бойца.
Стой! Оглянись вокруг...

Пусть в сердце боль тебе, как нож,
По рукоять войдет.
Стой и гляди! И ты пойдешь
Еще быстрей вперед.

Вперед, за каждый дом родной,
За каждый добрый взгляд,
Что повстречался нам с тобой,
Когда мы шли назад.

И за кусок, и за глоток,
Что женщина дала,
И за любовь ее, браток,
Хоть без поры была.

Вперед — за час прощальный тот,
За память встречи той...
— Вперед, и только, брат, вперед,—
Сказал товарищ мой...

Он плакал горестно, солдат,
О девушке своей,
Ни муж, ни брат, ни кум, ни сват
И не любовник ей.

И я тогда подумал: «Пусть,
Ведь мы свои, друзья,
Ведь потому лишь сам держусь,
Что плакать мне нельзя.

А если б я, — случись так вдруг, —
Не удержался здесь,
То удержался б он, мой друг,
На то и дружба есть...»

И, постояв еще вдвоем,
Два друга, два бойца,
Мы с ним пошли. И мы идем
На Запад. До конца.

1941—1942

ПАРТИЗАНАМ СМОЛЕНЩИНЫ

Ой, родная, отцовская,
Что на свете одна,
Сторона приднепровская,
Смоленская сторона,
Здравствуй!..

Слова не выдавить.
Край в ночи без огня.
Ты как будто за тридевять
Земель от меня.

За высокою кручею,
За чужою заставою,
За немецкой колючею
Проволокой ржавою.

И поля твои мечены
Рытым знаком войны,
Города покалечены,
Снесены, сожжены...

И над старыми трактами
Тянет с ветром чужим
Не дымком наших тракторов,—
Вонью вражьих машин.

И весна деревенская
Не красна, не шумна.
Песня на поле женская —
Край пройди — не слышна...
Ой, родная, смоленская
Моя сторона,

Ты, огнем опаленная
До великой черты,
Ты, за фронтом плененная,
Оскорбленная, —
Ты
Никогда еще ранее
Даже мне не была
Так больна, так мила —
До рыдания...

Я б вовеки грабителям
Не простил бы твоим,
Что они тебя видели
Вражьим оком пустым;
Что земли твоей на ноги
Зацепили себе;
Что руками погаными
Прикоснулись к тебе;
Что уродливым именем
Заменили твое;
Что в Днепре твоем вымыли
Воровское тряпье;
Что прошлися где по двору
Мимо окон твоих
Той походкою подлою,
Что у них у одних...

Сторона моя милая,
Ты ль в такую весну
Под неволей постылою
Присмиреешь в плену?
Ты ль березой подрубленной
Будешь никнуть в слезах
Над судьбою загубленной,
Над могилой неубранной,
Позабытой в лесах?

Нет, твой враг не похвалится
Тыловой тишиной,
Нет, не только страдалицей
Ты встаешь предо мной,

Земляная, колхозная,—
Гордой чести верна,—
Партизанская грозная
Сторона!

Знай, убийца без совести,
Вор, ограбивший дом,
По старинной пословице,
Не хозяин ты в нем.

За Починками, Глинками
И везде, где ни есть,
Потайными тропинками
Ходит зоркая месть.
Ходит, в цепи смыкается,
Обложила весь край,
Где не ждут, объявляется
И карает...
Карай!

Бей, семья деревенская,
Вора в честном дому,
Чтобы жито смоленское
Боком вышло ему.
Встань, весь край мой поруганный,
На врага!
Неспроста
Чтоб вороною пуганой
Он боялся куста;
Чтоб он в страхе сутулился
Пред бессонной бедой;
Чтоб с дороги не сунулся
И за малой нуждой;
Чтоб дорога трясиною
Пузырилась под ним;
Чтоб под каждой машиною
Рухнул мост и — аминь!
Чтоб тоска постоянная
Вражий дух извела,—
Чтобы встреча желанная
Поскорее была.

Ой, родная, отцовская
Сторона приднепровская,
Земли, реки, леса мои,
Города мои древние,
Слово слушайте самое
Мое задушевное.
Все верней, все заметнее
Близкий радостный срок.
Ночь короткую, летнюю
Озаряет восток.

Полстраны под колесами
Боевыми гудит.
Разве родина бросила
Край родной хоть один?
Хоть ребенка, хоть женщину
Позабыла в плену?
Где ж забудет Смоленщину—
Сторону!

Сторона моя милая,
Боевая родня,
Бей же силу постылую
Всей несчетною силою
Ножа и огня.
Бей! Вовек не утратится
Имя, дело твое,
Не уйдет в забытье,
Высшей славой оплатится.

Эй, родная, смоленская,
Сторона деревенская,
Эй, веселый народ,
Бей!
Наша берет!

1942

БАЛЛАДА ОБ ОТРЕЧЕНИИ

Вернулся сын в родимый дом
С полей войны великой.
И запоясана на нем
Шинель каким-то лыком.
Не брита с месяц борода,
Ершится — что чужая.
И в дом пришел он, как беда
Приходит вдруг большая...

Но не хотели мать с отцом
Беде тотчас поверить,
И сына встретили вдвоем
Они у самой двери.
Его доверчиво обнял
Отец, что сам когда-то
Три года с немцем воевал
И добрым был солдатом;

Навстречу гостю мать бежит:
— Сынок, сынок родимый...—
Но сын за стол засесть спешит
И смотрит как-то мимо.
Беда вступила на порог,
И нет родным покоя.
— Как на войне дела, сынок? —
А сын махнул рукою.

А сын сидит с набитым ртом
И сам спешит признаться,
Что ради матери с отцом
Решил в живых остаться.
Родные поняли не вдруг,
Но сердце их запыло.

И край передника из рук
Старуха уронила.

Отец себя не превозмог,
Поникнул головою.
— Ну что ж, выходит так, сынок,
Ты убежал из боя?.. —
И замолчал отец-солдат,
Сидит, согнувши спину,
И грустный свой отводит взгляд
От глаз родного сына.

Тогда глядит с надеждой сын
На материн передник.
— Ведь у тебя я, мать, один —
И первый, и последний.—
Но мать, поставив щи на стол,
Лишь дрогнула плечами,
И показалось, день прошел,
А может год, в молчанье.

И праздник встречи навсегда
Как будто канул в омут.
И в дом пришедшая беда
Уже была как дома.
Не та беда, что без вреда
Для совести и чести,
А та, нещадная, когда
Позор и горе вместе.

Такая боль, такой позор,
Такое злое горе,
Что словно мгла на весь твой двор
И на твое подворье,
На всю родню твою вокруг,
На прадеда и деда,
На внука, если будет внук,
На друга и соседа...

И вот поднялся, тих и строг
В своей большой кручине,
Отец-солдат. — Так вот, сынок,
Не сын ты мне отныне.

Не мог мой сын,— на том стою,—
Не мог забыть присягу,
Покинуть Родину в бою,
Прийти домой бродягой.

Не мог мой сын, как я не мог,
Забыть про честь солдата,
Хоть защищали мы, сынок,
Не то, что вы. Куда там!
И ты теперь оставь мой дом,
Ищи отца другого.
А не уйдешь, так мы уйдем
Из-под родного крова.

Не плачь, жена. Тому так быть.
Был сын — и нету сына,
Легко растить, легко любить,
Трудней из сердца вынуть...—
И что-то молвил он еще
И смолк. И, подняв руку,
Тихонько тронул за плечо
Жену свою, старуху.

Как будто ей хотел сказать:
— Я все, голубка, знаю.
Тебе еще больней: ты — мать,
Но я с тобой, родная.
Пускай наказаны судьбой, —
Не век скрипеть телеге,
Не так нам долго жить с тобой,
Но честь живет вовеки...

А гость, качнувшись, за порог
Шагнул, нащупал выход.
Вот, думал, крикнут: «Сын, сынок!
Вернись!» Но было тихо.
И, как хмельной, держась за тын,
Прошел он мимо клети,
И вот теперь он был один,
Один на белом свете.

Один, не принятый в семье,
Что отреклась от сына,
Один на всей большой земле,
Что двадцать лет носила.
И от того, как шла тропа,
В задворках пропадая,
Как под ногой его трава
Сгибалась молодая,

И от того, как, свеж и чист,
Сиял весь мир окольный
И трепетал неполный лист,
Весенний,— было больно.
И, посмотрев вокруг, *вокруг*
Глазами не своими,
— Кравцов Иван,— назвал он вслух
Свое как будто имя.

И прислонился головой
К стволу березы белой.
— И что ж ты, что ж ты над собой,
Кравцов Иван, наделал?
Дошел до самого конца,
Худая песня спета.
Ни в дом родимого отца
Тебе дороги нету,
Ни к сердцу матери родной,
Поникшей под ударом.

И кары нет тебе иной,
Помимо смертной кары.

Иди, беги, спеши туда,
Откуда шел без чести,
И не прощенья, а суда
Себе проси на месте.

И на глазах друзей-бойцов,
К тебе презренья полных,
Тот приговор, Иван Кравцов,
Ты выслушай безмолвно.
Как честь, прими тот приговор,

И стой, и будь как воин
Хотя б в тот миг, как залп в упор
Покончит счет с тобою.

А может быть, еще тот суд
Свой приговор отложит,
И вновь ружье тебе дадут,
Доверят вновь. Быть может...

1942

* * *

Война, война. Любой из нас,
Еще живых людей,
Покуда жив, запомнил час
Когда узнал о ней.

И как бы ни была она
В тот первый час мала,
Пускай не ты — твоя жена
Все сразу поняла.

Ей по наследству мать ее
Успела передать
Войны великое чутье,
А той — другая мать...

1942

* * *

Под вражьим тяжким колесом
Стонала мать-земля.
И бомбы, вспучив чернозем,
Дырявили поля...

И были той земли сырой
Края обожжены.
И кто-то первый был герой
И мученик войны.

В крови, в пыли шептал без сил,
Уже стонать не мог.
Уже не жить — попить просил,
Воды один глоток.

А где вода? И так умрет.
К тому и привыкать...
И это знала наперед
Его старуха мать.

1942

АРМЕЙСКИЙ САПОЖНИК

В лесу, возле кухни походной,
Как будто забыв о войне,
Армейский сапожник холодный
Сидит за работой на пне.

Сидит без ремня, без пилотки,
Орудует в поте лица.
В коленях — сапог на колодке,
Другой — на ноге у бойца.
И нянчит и лечит сапожник
Сапог, что заляпан такой
Немыслимой грязью дорожной,
Окопной, болотной, лесной,—
Не взять его, кажется, в руки,
А доктору все нипочем,
Катает согласно науке
Да двигает лихо плечом.

Да щурится важно и хмуро,
Как знающий цену себе.
И с лихостью важной окурок
Висит у него на губе.

Все точно, движенья по счету,
Удар — где такой, где сякой.
И смотрит боец за работой
С одною разутой ногой.

Он хочет, чтоб было получше
Сработано, чтоб в аккурат.
И скоро сапог он получит,
И топай обратно, солдат.

Кто знает,— казенной подковки,
Подбитой по форме под низ,
Достанет ему до Сычевки,
А может, до старых границ.

А может быть, думою сходной
Он занят, а может — и нет.
И пахнет от кухни походной,
Как в мирное время, обед.

И в сторону гулкой, недальней
Пальбы — перелет, недолет —
Неспешно и как бы похвально
Кивает сапожник:
— Дает?
— Дает,— отзывается здраво
Боец. И не смотрит. Война.
Налево война и направо.
Война поперек всей державы,
Давно не в новинку она.
У Волги, у рек и речушек,
У горных приморских дорог,
У северных хвойных опушек
Теснится колесами пушек,
Мильонами грязных сапог.
Наломано столько железа,
Напорчено столько земли
И столько повалено леса,
Как будто столетья прошли.
А сколько разрушено крова,
Погублено жизни самой.
Иной — и живой и здоровый,—
Куда он вернется домой?
Найдет ли окошко родное,
Куда постучаться в ночи?
Все — прахом, все — пеплом-золою.
Сынишка сидит сиротою
С немецкой гармошкой губною
На чьей-то холодной печи.
Поник журавель у колодца,
И некому воду носить.
И что еще встретить придется —

Само не пройдет, не сотрется,—
За все это надо спросить...

Привстали, серьезные оба.
— Кури.
— Ну давай, закурю.
— Великое дело, брат, обувь.
— Молчи, я и то говорю.—
Беседа идет, не беседа,
Стоят они, курят вдвоем.
— Шагай, брат, теперь до победы.
Не хватит — еще подобьем.
— Спасибо.— И словно бы другу,
Который его провожал,
Товарищ товарищу руку
Внезапно и крепко пожал.
В час добрый. Что будет — то будет.
Бывало! Не стать привыкать!..
Родные великие люди.
Россия, родимая мать!

1942

* * *

И цветут — и это страшно—
На пожарищах сады.

Белым, белым, розоватым
Цветом землю облегли,
Словно выложили ватой
Раны черные земли.

Журавель. Труба без хаты.
Мертвый ельник невдали.

Где елушка, где макушка
Устояла от огня.
Пни, стволы торчат в окружку,
Как неровная стерня.

Ближе — серая церквушка
За оградой из плетня.

Кирпичи, столбы, солома,
Уцелевший угол дома,
Посреди села — дыра,—
Бомба памяти дала...

1942

* * *

Отцов и прадедов примета, —
Как будто справдилась она:
Таких хлебов, такого лета
Не год, не два ждала война.
Как частый бор, колосовые
Шумели глухо над землей.
Не пешеходы — верховые
Во ржи скрывались с головой.
И были так густы и строги
Хлеба, подавшись грудь на грудь
Что, по пословице, с дороги
Ужу, казалось, не свернуть.
И хлеба хлеб казался гуще,
И было так, что год хлебов
Был годом клубней, землю рвущих,
И годом трав в лугах и пущах,
И годом ягод и грибов.
Как будто все, что в почве было,—
Ее добро, ее тепло —
С великой щедростью и силой
Ростки наружу выносило,
В листву, в ботву и колос шло.
В свой полный цвет входило лето,
Земля ломилась, всем полна...
Отцов и прадедов примета,—
Как будто справдилась она:

Гром грянул — началась война...

1942

РАССКАЗ СТАРИКА

— А и так подумать, милый,
А и так понять, сынок:
Ведь она ее кормила,
Берегла, растила впрок.
И забота ей в охоту
С телкой той. Была она
За усердную работу
От колхоза ей дана.
Дескать, вот тебе на племя,
Сберегай, обзаводись.
А теперь приходит немец
И свою имеет мысль.
В ряд с немецкою полушкой
Твоему не встать рублю.
— Матка, матка, дай телушку,
Я телятину люблю. —
В глупой, жалостной надежде
Баба с просьбой к подлецу:
— Вы телушку, мол, не режьте.
А зарежьте вы овцу.—
Плачет баба, топит печку,
Немца жалость не берет.
Правду скажем, что овечку
Он зарезал наперед.
Учинил себе пирушку,
Съел зараз бараний бок,
А потом уже телушку
На корыто поволок.
И опять у них жаркое,
Трое немцев за столом.
Даже в горе нет покоя
Со старухой нам вдвоем.
И в своем дому нам тесно,

Не уйти от ихних глаз.
Вдруг, как станет интересно
Им спьяна глядеть на нас,
Поглядят, перемигнутся —
Их, мол, праздник и престол.
Вдруг как прыснут, аж погнутся,
Аж повалятся на стол.
Пожуют, чего-то скажут,
Выпьют, снова пожуют,
Снова с хохоту поляжут —
Кто на скатерть, кто под кут.
И вовек такого смеха
Я не видел у людей.
Тот под стол нарочно съехал,
Чтоб еще ему смешней.
Тот в подливку локоть мочит,
Тот уж строит что невесть:
Вынул зеркальце, хохочет
И глядит, какой он есть.
Наше горе — им игрушки,
Веселей идет обед.
Ни овечки, ни телушки
У старушки, дескать, нет.
Хохот, грохот. Вскоре гости
Вовсе память перешли.
Со стола кидать нам кости
Норовят. Хватай с земли.
Как последняя собака,
Человек в своей избе,
И не выдержал, заплакал,
Признаюсь, сынок, тебе.
Что ж тут есть на белом свете?
Как же быть? Куда бежать?
Где ж покинули вы, дети,
Старика, родную мать?
Неужель навеки, глухо
Припечатана печать?
А старуха... Ах, старуха,
Может, лучше б ей смолчать,
Вдруг и встала... Не иначе
Не под силу боль пришлась:
Как сижу, хозяин, плачу —
Увидала в первый раз.

Или, может быть, подружке,
Тимофеевне моей,
Так уж стало жаль телушки,
Как бывает жаль детей.
Или, может, стало плохо,
Что топила жарко печь,—
Вдруг немецкий этот хохот
У старухи вызвал речь.
У простой моей старухи,
Что весь век жила со мной,
Поднялися с дрожью руки
Над седою головой.
Слов тех много или мало —
Суть одна и смерть одна.
— Будьте прокляты,— сказала,—
Ни покрышки вам, ни дна...
Отдалось в мозгах их пьяных
Бабье слово трезвое.
За столом их смех поганый,
Как ножом, отрезало.
И сидят в дыму табачном,
Блеск идет от красных лиц.
А старухе уж не страшно.
— Врешь,— кричит,— подохнешь, фриц!..—
При словах последних этих,—
Все как будто бы во сне,—
Вынул немец пистолетик,
Отвалясь спиной к стене.
Погрозился б,— так не диво,
Но меня, чуть вспомню,— в пот,
Как он целился лениво
И кривил от дыма рот.
На особую заметку
В память я навеки взял,
Что в зубах он сигаретку
В тот момент свою держал...
Не ослабла та пружинка,
Не подвел немецкий бой,
Не поспел и я, мужчинка,
Заслонить жену собой...
Отошла она без страху,
Довелось в своей избе.

А смерётную рубаху
Уж носила на себе.
Все тянулась пить из кружки,
И как мог сказать язык:
— Вот,— промолвила,— телушки
Не дождались мы, старик...—
И такая боль и жалость
У меня, как вспомню я.
Ничего ты не дождалась,
Тимофеевна моя...
И не видно и не слышно
Ей теперь из-под земли:
Что, как знала, так и вышло,
Час настал — свои пришли.

1943

БОЛЬШОЕ ЛЕТО

Большое лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Густой, дремучею травою,
Уставшей думать о косе.

И у шлагбаумов контрольных
Курились мирные дымки,
На грядках силу брал свекольник,
Солдатской слушаясь руки...

Но каждый холмик придорожный
И лес недвижный в стороне,
Безлюдьем, скрытностью тревожной
Напоминали о войне...

И тишина была до срока.
А грянул срок — и началось!
И по шоссе пошли потоком
На запад тысячи колес.

Пошли — и это означало,
Что впереди, на фронте, вновь
Земля уже дрожмя дрожала
И пылью присыпала кровь...

В страду вступило третье лето,
И та смертельная страда,
Своим огнем обняв полсвета,
Грозилась вырваться сюда.

Грозилась прянуть в глубь России,
Заполонив ее поля...
И силой встать навстречу силе
Спешили небо и земля.

Кустами, лесом, как попало,
К дороге, ходок и тяжел,
Пошел греметь металл стоялый,
Огнем огонь давить пошел.

Бензина, масел жаркий запах
Повеял густо в глушь полей.
Войска, войска пошли на запад,
На дальний говор батарей...

И тот, кто два горячих лета
У фронтовых видал дорог,
Он новым, нынешним приметам
Душой порадоваться мог.

Не тот был строй калужских, брянских,
Сибирских воинов. Не тот
Грузовиков заокеанских
И русских танков добрый ход.

Не тот в пути порядок чинный,
И даже выправка не та
У часового, что картинно
Войска приветствовал с поста.

И фронта вестница живая,
Вмещая год в короткий час,
Не тот дорога фронтовая
Сегодня в тыл несла рассказ.

Оттуда, с рубежей атаки,
Где солнце застил смертный дым,
Куда, порой, боец не всякий
До места доползал живым;

Откуда пыль и гарь на каске
Провез парнишка впереди,
Что руку в толстой перевязке
Держал, как ляльку, на груди;

Оттуда лица были строже;
Но день иной и год иной,
И возглас: «Немцы!» — не встревожил
Большой дороги фронтовой.

Они прошли неровной, сборной,
Какой-то встрепанной толпой,
Прошли с поспешностью покорной,
Кто как, шагая вразнобой.

Гуртом сбиваясь к середине,
Они оттуда шли, с войны.
Колени, локти были в глине
И лица грязные бледны.

И было все обыкновенно
На той дороге фронтовой,
И охранял колонну пленных
Немногочисленный конвой.

А кто-то воду пил из фляги
И отдувался, молодец.
А кто-то ждал, когда бумаги
Проверит девушка-боец.

А там танкист в открытом люке
Стоял, могучее дитя,
И вытирал тряпицей руки,
Зубами белыми блестя.

А кто-то, стоя на подножке
Грузовика, что воду брал,
Насчет того, как от бомбежки
Он уцелел, для смеху врал...

И третье лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Глухою, пыльною травою,
Забывшей думать о косе.

1943

ГЕРОЯМ ОРЛА И БЕЛГОРОДА

В привычных сумерках суровых
Полночным залпом торжества,
Рукоплеща победе новой,
Внимала матушка-Москва.

И говор праздничный орудий
В сердцах взволнованных людей
Был отголоском грозных буден,
Был громом ваших батарей.

И каждый дом и переулок,
И каждым камнем вся Москва
Распознавала в этих гулах —
Орел и Белгород — слова.

1943

* * *

Когда пройдешь путем колонн
В жару, и в дождь, и в снег,
Тогда поймешь,
Как сладок сон,
Как радостен ночлег.

Когда путем войны пройдешь,
Еще поймешь порой,
Как хлеб хорош
И как хорош
Глоток воды сырой.

Когда пройдешь таким путем
Не день, не два, солдат,
Еще поймешь,
Как дорог дом,
Как отчий угол свят.

Когда — науку всех наук —
В бою постигнешь бой,
Еще поймешь,
Как дорог друг,
Как дорог каждый свой.

И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть.

Таким, с которым, коль дружить
И дружбы не терять,
Как говорится —
Можно жить
И можно умирать.

1943

* * *

Позарастали
Стежки-дорожки,
Где разбегались
Мы от бомбежки.

Позарастали
Мохом-травою
Окопы наши
Перед Москвою.

Водою черной
Полны землянки,
Где мы сушили
В тот год портянки.

Своей и вражьей
Полито кровью,
В тылу далеко
Ты, Подмосковье.

В тылу далеко...
А ныне, ныне —
Места иные,
Бои иные.

Не те, пожалуй,
И люди даже,
Но вера — та же,
Но клятва — та же.

Прямой ли, кружной,
Дорогой честной,
Дорогой трудной
Дойдем до места.

Дойдем, всей грудью
Вздохнем глубоко:
— Россия, братцы,
В тылу далеко...

1913

* * *

День победу нам несет,
Преклоним же знамя
В память тех, что за народ
Бились вместе с нами;
Тех, что свой свершили труд
Честный и тяжелый,
И кого напрасно ждут
Матери и жены;

Тех, что здесь, и тех, что там
Пали, за чертою,
И по чьим ступил костям
Враг своей пятою.
Повторим над прахом их
Клятву нашей мести.
Братство павших и живых
Да пребудет в чести.

1943

НЕМЫЕ

Я слышу это не впервые,
В краю, потоптанном войной,
Привычно молвится: немые,—
И клички нету им иной.

Старуха бродит нелюдимо
У обгорелых черных стен.
— Немые дом сожгли, родимый,
Немые дочь угнали в плен.

Соседи мать в саду обмыли,
У гроба сбилися в кружок.
— Не плачь, сынок, а то немые
Придут опять. Молчи, сынок...

Голодный люд на пепелище
Варит немолотую рожь.
И ни угла к зиме, ни пищи...
— Немые, дед? — Немые, кто ж!

Немые, темные, чужие,
В пределы чуждой им земли
Они учить людей России
Глаголям виселиц пришли.

Пришли и ног не утирали,
Входя в любой, на выбор, дом.
В дому, не спрашивая, брали,
Платили пулей и кнутом.

К столу кидались, как цепные,
Спешили есть, давясь едой,
Со свету нелюди. Немые,—
И клички нету им иной.

Немые. В том коротком слове
Живей, чем в сотнях слов иных,
И гнев, и суд, что всех суровей,
И счет великих мук людских.

И, немоты лишившись грозной,
Немые перед тем судом
Заговорят. Но будет поздно:
По праву мы их не поймем.

1943

ИМЯ ЕГО—ИМЯ ПОЛКА

Если б он мать или отца
Знал этот мальчик доли суровой,
Мы бы могли славить бойца,
К ним обратив первое слово.

Мы бы могли издалека,
Не помешав скорби их честной,
Им принести имя полка,
Славу полка, что гремит повсеместно.

Все рассказать сами могли б,
Не ожидая горьких расспросов,
Как воевал, как он погиб,
Сын их, герой Александр Матросов.

Как под огнем гордый порыв
Вел храбреца по страшному следу.
Как он, друзей собой заслонив,
Смертью своей добыл победу.

Имя его — имя полка.
Как бы родные весть повстречали.
Скорбь велика, боль глубока,
Честь дорога даже в печали.

Матери нет, нету отца,—
К Родине, к армии первое слово.
Вечную память, славу бойца
Провозглашает правофланговый.

Это о подвиге светлом его
Родине, армии воинский рапорт...
Имя свое и бойца своего
Полк, наступая, уносит на запад.

1943

У СЛАВНОЙ МОГИЛЫ

Нам памятна каждая пядь
И каждая наша примета
Земли, где пришлось отступать
В пыли сорок первого лета.

Но эта опушка борка
Особою памятью свята:
Мы здесь командира полка
В бою хоронили когда-то.

Мы здесь для героя отца,
Меняясь по двое, спешили
Готовый окопчик бойца
Устроить поглубже, пошире.

В бою — как в бою. Под огнем
Копали, лопатой саперной,
В песке рассекая с трудом
Сосновые желтые корни.

И в желтой могиле на дне
Мы хвои зеленой постлали,
Чтоб спал он, как спят на войне
В лесу на коротком привале.

Прости, оставайся, родной!..
И целых и долгих два года
Под этой смоленской сосной
Своих ожидал ты с восхода.

И ты не посетуй на нас,
Что мы твоей славной могиле
И в этот, и в радостный час
Не много минут посвятили.

Торжествен, но краток и строг
Салют наш и воинский рапорт.
Тогда мы ушли на восток,
Теперь мы уходим на запад.

Над этой могилой скорбя,
Склоняем мы с гордостью знамя:
Тогда оставляли тебя,
А нынче, родимый, ты с нами.

1943

ИВАН ГРОМАК

Не всяк боец, что брал Орел,
Иль Харьков, иль Полтаву,
В тот самый город и вошел
Через его заставу.

Такой иному выйдет путь,
В согласии с приказом,
Что и на город тот взглянуть
Не доведется глазом...

Вот так, верней, почти что так,
В рядах бригады энской
Сражался мой Иван Громак,
Боец, герой Смоленска.

Соленый пот глаза слепил
Солдату молодому,
Что на войне мужчиной был,
Мальчишкой числясь дома.

В бою не шутка со свежа,
Однако дальше-больше,
От рубежа до рубежа
Воюет бронебойщик...

И вот уже недалеки
За дымкой приднепровской —
И берег тот Днепра-реки,
И город — страж московский.

Лежит пехота. Немец бьет.
Молчит, лежит пехота.
Нельзя назад, нельзя вперед.
Что ж, гибнуть? Неохота!

И словно силится прочесть
В письме слепую строчку,
Глядит Громак и молвит: — Есть!
Заметил вражью точку.

Берет тот кустик на прицел,
Припав к ружью, наводчик.
И дело сделано: отпел
Немецкий пулеметчик.

Один отпел, второй поет,
С кустов ссекая ветки.
Громак прицелился — и тот
Подшиблен пулей меткой.

Команда слышится: — Вперед!
Вперед, скорее, братцы!..—
Но тут немецкий миномет
Давай со зла плеваться.

Иван Громак смекает: врешь,
Со страху ты сердитый.
Разрыв! Кусков не соберешь —
Ружье бойца разбито.

Громак в пыли, Громак в дыму.
Налет жесток и долог.
Громак не чуял, как ему
Прожег плечо осколок.

Минутам счет, секундам счет,
Налет притихнул рьяный.
А немцы — вот они — в обход
Позиции Ивана.

Ползут, хотят забрать живьем.
Ползут, скажи на милость,
Отвага тоже: впятером
На одного решились.

Вот — на бросок гранаты враг,
Громак его гранатой.
Вот рядом двое. Что ж Громак?
Громак — давай лопатой.

Сошлись, сплелись, пошла возня.
Громак живучий малый.
— Ты думал что? Убил меня?
Смотри, убьешь, пожалуй!

Схватил он немца, затая
И боль свою и муки:
Что? Думал — раненый? А я
Еще имею руки.

Сдавил его одной рукой,
У немца прыть увяла,
А тут еще — один, другой
На помощь. Куча мáла.

Лежачий, раненый Громак
Под ними землю пашет.
Конец, Громак? И было б так,
Да подоспели наши...

Такая тут взялась жара,
Что передать не в силах.
И впереди уже «ура»
Слыхал Громак с носилок.

Враг отступил в огне, в дыму
Пожаров деревенских...
Но не пришлося самому
Ивану быть в Смоленске.

И как гласит о том молва,
Он не в большой обиде.
Смоленск — Смоленском. А Москва?
Он и Москвы не видел.

Не приходилось — потому...
Опять же горя мало:
Москвы не видел, но ему
Москва салютовала.

1943

ОГОНЬ

Костер, что где-нибудь в лесу,
Ночуя, путник палит,—
И тот повысушит росу,
Траву вокруг обвялит.

Пожар начнет с одной беды,
Но только в силу вступит —
Он через улицу сады
Соседние погубит.

А этот жар — он землю жег,
Броню стальную плавил,
Он за сто верст касался щек
И брови кучерявил.

Он с ветром несся на восток,
Сжигая мох на крышах,
И сизой пылью вдоль дорог
Лежал на травах рыжих.

И от столба и до столба,
Страду опережая,
Он на корню губил хлеба
Большого урожая...

И кто в тот год с войсками шел,
Тому забыть едва ли
Тоску и муку наших сел,
Что по пути лежали.

И кто из пламени бежал
В те месяцы лихие,
Тот думать мог, что этот жар
Смертелен для России.

И с болью думать мог в пути,
Тех, что прошли, сменяя:
«Земля отцовская, прости,
Страдалица родная...»

И не одна уже судьба
Была войны короче.
И шла великая борьба
Уже как день рабочий.

И долг борьбы — за словом — власть
Внушала карой строгой.
И воин, потерявший часть,
Искал ее с тревогой...

И ты была в огне жива,
В войне права, Россия.
И силу вдруг нашла Москва
Ответить страшной силе.

Москва, Москва, твой горький год,
Твой первый гордый рапорт,
С тех пор и ныне нас ведет
Твой клич: «Вперед, на Запад!»

Пусть с новым летом вновь тот жар
Дохнул, неимоверный,
И новый страшен был удар,—
Он был уже не первый.

Ты, Волга, русская река,
Легла врагу преградой.
Восходит заревом в века
Победа Сталинграда.

Пусть третьим летом новый жар
Дохнул — его с восхода
С привычной твердостью встречал
Солдатский взгляд народа.

Он мощь свою в борьбе обрел
Жестокой и кровавой,
Солдат-народ. И вот Орел —
Начало новой славы.

Иная шествует пора,
Рванулась наша сила
И не споткнулась у Днепра,
На берег тот вступила.

И кто теперь с войсками шел,
Тому забыть едва ли
И скорбь и радость наших сел,
Что по пути лежали.

Да, много горя, много слез —
Еще их срок не минул.
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Но праздник свят и величав.
В огне полки сменяя,
Огонь врага огнем поправ,
Идет страна родная.

Ее святой, великий труд,
Ее немые муки
Прославят и превознесут
Благоговейно внуки.

И скажут, честь воздав сполна,
Дивясь ушедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!

1943

В СМОЛЕНСКЕ

1

Два только года — или двести
Жестоких нищих лет прошло,
Но то, что есть на этом месте,—
Ни город это, ни село.

Пустырь угрюмый и безводный,
Где у развалин ветер злой
В глаза швыряется холодной
Кирпичной пылью и золой;

Где в бывшем центре иль в предместье
Одна в ночи немолчна песнь:
Гремит, бубнит, скребет по жести
Войной оборванная жесть.

И на проспекте иль проселке,
Что меж руин пролег, кривой,
Ручные беженцев двуколки
Гремят по древней мостовой.

Дымок из форточки подвала,
Тропа к колодцу в Чертов ров...
Два только года. Жизнь с начала —
С огня, с воды, с охапки дров.

2

Какой-то немец в этом доме
Сушил над печкою носки,
Трубу железную в проломе
Стены устроив мастерски.

Уютом дельным жизнь-времянку
Он оснастил, как только мог:
Где гвоздь, где ящик, где жестянку
Служить заставив некий срок.

И в разоренном доме этом
Определившись на постой,
Он жил в тепле, и спал раздетым,
И мылся летнею водой...

Пускай не он сгубил мой город,
Другой, что вместе убежал,—
Мне жалко воздуха, которым
Он год иль месяц здесь дышал.

Мне жаль тепла, угла и крова,
Дневного света жаль в дому,
Всего, что, может быть, здорово
Иль было радостно ему.

Мне каждой жаль тропы и стежки,
Где проходил он по земле,
Заката, что при нем в окошке
Играл вот так же на стекле.

Мне жалко запаха лесного,
Дровец, наколотых в снегу,
Всего, чего я вспомнить снова,
Не вспомнив немца, не могу.

Всего, что сердцу с детства свято,
Что сердцу грезилось светло
И что навеки. без возврата,
Тяжелой черною утратой
Отныне на сердце легло.

1943

* * *

Зачем рассказывать о том
Солдату на войне,
Какой был сад, какой был дом
В родимой стороне?
Зачем? Иные говорят,
Что нынче, за войной,
Он позабыл, давно, солдат,
Семью и дом родной;
Он ко всему давно привык,
Войною научен;
Он и тому, что оп в живых,
Не верит нипочем.
Не знает он, иной боец,
Второй и третий год,—
Женатый он или вдовец,
И писем зря не ждет...
Так о солдате говорят.
И сам порой он врет:
Мол, для чего смотреть назад,
Когда идешь вперед?
Зачем рассказывать о том,
Зачем бередить нас,
Какой был сад, какой был дом,
Зачем?
Затем как раз,
Что человеку на войне,
Как будто назло ей,
Тот дом и сад вдвойне, втройне
Дороже и милей.
И чем бездомней на земле
Солдата тяжкий быт,
Тем крепче память о семье
И доме он хранит.

Забудь отца, забудь он мать,
Жену свою, детей,
Ему тогда и воевать
И умирать трудней.
Живем, не по миру идем,
Есть что хранить, любить.
Есть где-то, есть иль был наш дом,
А нет — так должен быть!

1943

В ПУТИ

В пути на остановке,
Свалив на землю кладь,
Лежала ниц на бровке,
Как на могилке, мать.

Две белых головенки
Погодков полдень жег.
Меньшой, раскрыв пеленки,
Жевал сухой рожок...

Шагая в одиночку,
Боец на тот привал
Наткнулся.
— Плачешь, дочка? —
Спросил, не то сказал.

Немолодой, усатый,
Лицом похож был он
На мужика-солдата
Всех войн и всех времен.

— Так, так.— Вздохнув с устатку,
Он постоял еще.
Потом поправил скатку,
Натершую плечо.

И так ей показалось,
Когда взглянула мать,
Что всю ее усталость,
Всю боль он мог понять.

И что, жарой дорожной,
Походом изнурен,
Не будь детей, возможно
Прошел бы мимо он.

Но медлил друг безвестный
Пройти, пропасть вдали.
— Неужто, вправду, места
Вы хуже не нашли?

Он лоб ладонью вытер:
— Еще б чуть-чуть пройти...
Помочь? Так я любитель
Помочь, коль по пути.

В дороге, в год суровый,
Начальник не велик,
Он не сулил им крова,
Угла, солдат-мужик.

Но местом незнакомым,
Где высмотрел привал,—
Он не шутя как домом
Родным располагал.

— Гляди-ка, где получше,
Который куст милей,—
Показывал попутчик
Попутчице своей.—
Тут все тебе, что надо:
И речка, и дрова,
И тишина-прохлада,
И мягкая трава.
И не давай ты воли
Тоске. Переживем.
— Да о себе я, что ли?
— О ком же?
— Да о нем...

— О нем? Тогда напрасно,—
Махнул солдат рукой.—
Напрасно. Не согласна?
Так вот резон какой...

И будто для заминки, —
Постой, всему свой срок,—
Казенные ботинки
Стащил с горячих ног.

Под куст поставил чинно:
Пусть обувь отдохнет.
Вздохнул босой мужчина
И продолжал:
— Так вот...

Война войной, не спорим,
Зато теперь наш брат
Кругом убрался с полем,
Ни в чем не виноват.

Обут, одет, доволен,
Свободен от хлопот,
Воюй и только, воин,
А кухня вслед идет.
Убьют? Нельзя заране
Бояться никогда.
А может, прежде ранят,
И то — смотря куда.

Вот я был ранен лично —
Царапина, пустяк,
И даже неприлично
Сказать, в каких местах.—
Он будто вновь замялся,
Пошевелив спиной.
И старший рассмеялся
Парнишка озорной.

И на него нестрого
Попутчик посмотрел:
— Вот погоди немного,
Пойдешь служить, пострел.
И точно, без обману,
Узнаешь в той судьбе:
Ни смерть нельзя, ни рану
Нам выбрать по себе.

И, надкусив травинку,
Задумался, поник
По форме под машинку

Остриженный мужик.
Ремнем, обмундировкой
Снабженный в аккурат,
Немолодой, неловко
Пораненный солдат.

Тогда к нему солдатка
Чуть подалась плечом
С лукавою подглядкой:
— Ну вот, а сам о чем?..
Одет, обут, доволен,
Свободен от хлопот,
А сам о чем ты, воин,
Гадаешь наперед?

Встряхнулся виновато:
— Да о себе ли я?
А вот — жена, ребята,
Одно сказать — семья...
— О ней, солдат?
— Ну ясно,
О чем еще гадать?
— О ней — тогда напрасно,
Не надо,— молвит мать.—
Черна на небе туча,
Страшна беда-война.
Да бабья мочь живуча,
Тягуча, брат, она.
Не в шутку говорится —
На бабах всё сейчас.
Осталось научиться
Рожать одним без вас.
Того и не хватало,—
Закончила она.
— Научитесь, пожалуй,—
Вздохнул солдат,— война.

Потом добавил тише,
Куда-то глядя вдаль:
— Всё ничего, детишек,
Детишек только жаль...

В огне, в огне полсвета,
Огнем горит закат,
Семья в дороге где-то,
В пути отец-солдат.

1943

НОЯБРЬ

В лесу заметней стала елка,
Он прибран засветло и пуст.
И, оголенный, как метелка,
Забитый грязью у проселка,
Обдутый изморозью золкой,
Дрожит, свистит лозовый куст.

1943

СО СЛОВ СТАРУШКИ

Не давали покоя они петуху,
Ловят по двору, бегают, слышу,
И загнали куда-то его под стреху,
И стреляли в беднягу сквозь крышу.

Но, как видно, и он не дурак был, петух,
Помирать-то живому не сладко.
Под стрехой, где сидел, затаил себе дух
И подслушивал — что тут — украдкой.

И как только учуял, что наша взяла,
Встрепенулся, под стать человеку,
И на крышу вскочил — как ударит в крыла:
— Ку-ка-реку! Ура! Кукареку!

1943

ОТЕЦ И СЫН

Быть может, все несчастье
От почты полевой:
Его считали мертвым,
А он пришел живой.

Живой, покрытый славой,
Порадуйся, семья!
Глядит — кругом чужие.
— А где жена моя?

— Она ждала так долго,
Так велика война.
С твоим бывалым другом
Сошлась твоя жена.

— Так где он? С ним по-свойски
Поговорить бы мне.—
Но люди отвечают:
— Погибнул на войне.

Жена второго горя
Не вынесла. Она
Лежит в больнице. Память
Ее темным-темна.

И словно у солдата
Уже не стало сил.
Он шепотом, чуть слышно:
— А дочь моя? — спросил.

И люди не посмели,
Солгав, беде помочь:
— Зимой за партой в школе
Убита бомбой дочь.

О, лучше б ты не ездил,
Солдат, с войны домой!
Но он еще собрался
Спросить: — А мальчик мой?

— Твой сын живой, здоровый,
Он ждал тебя один.—
И обнялись, как братья,
Отец и мальчик-сын.

Как братья боевые,
Как горькие друзья.
— Не плачь,— кричит мальчишка,—
Не смей,— тебе нельзя!

А сам припал головкой
К отцовскому плечу.
— Возьми меня с собою.
Я жить с тобой хочу.

— Возьму, возьму, мой мальчик,
Уедешь ты со мной
На фронт, где я воюю,
В наш полк, в наш дом родной.

1943

ЗА ВЯЗЬМОЙ

По старой дороге на запад, за Вязьмой,
В кустах по оборкам смоленских лощин,
Вы видели, сколько там наших машин,
Что осенью той, в отступленье, завязли?

Иная торчит, запрокинувшись косо,
В поломанном, втоптанном в грязь лозняке,
Как будто бы пить подползала к реке —
И не доползла. И долго в тоске,
Во тьме, под огнем буксовали колеса.

И мученик этой дороги — шофер,
Которому все нипочем по профессии,
Лопату свою доставал и топор,
Капот поднимал, проверяя мотор,
Топтался в болотном отчаянном месиве.

Погиб ли он там, по пути на восток,
Покинув трехтонку свою без оглядки,
В зятья ли пристал к подходящей солдатке,
Иль фронт перешел и в свой полк на порог
Явился, представился в полном порядке
И нынче по этому ездит шоссе
Шофер как шофер, неприметный, как все,
Угревший свое неизменное место,—
Про то неизвестно...

1943

ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,—
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незнаменитой,
Забытый, маленький, лежу.

1943

* * *

В пилотке мальчик босоногий
С худым заплечным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.

Горбушка хлеба, две картошки —
Всему суровый вес и счет.
И, как большой, с ладони крошки
С великой бережностью — в рот.

Стремглав попутные машины
Проносят пыльные борта.
Глядит, задумался мужчина.
— Сынок, должно быть, сирота?

И на лице, в глазах, похоже, —
Досады давнишняя тень.
Любой и каждый все про то же,
И как им спрашивать не лень.

В лицо тебе серьезно глядя,
Еще он медлит рот открыть.
— Ну, сирота.— И тотчас: — Дядя,
Ты лучше дал бы докурить.

1943

НАГРАДА

Два года покоя не зная
И тайной по-бабьи томясь,
Она берегла это знамя,
Советскую прятала власть.

Скрывала его одиноко,
Закутав отрезком холста,
В тревоге от срока до срока
Меняя места.

И в день, как опять задрожала
Земля от пальбы у села,
Тот сверток она из пожара
Спасла.

И полк под спасенное знамя
Весь новый, с иголочки, встал.
И с орденом «Красное Знамя»
Поздравил ее генерал.

Смутилась до крайности баба,
Увидев такие дела:
— Мне телочку дали хотя бы,
И то б я довольна была...

1943

* * *

Ветром, что ли, подунуло
С тех печальных полей,—
Что там с ней, как подумаю,
Стороною моей!

С тою русской сторонкою,
Захолустной, лесной,
Незавидной, негромкою,
А навеки родной.

Неужели там по небу
Тучки помнят свой шлях?
Неужели там что-нибудь
Зеленеет в полях?

На гнездовья те самые
За Днепром, за Десной
Снова птицы из-за моря
Прилетели весной?

И под небом ограбленной,
Оскорбленной земли
Уцелевшие яблони —
Срок пришел — расцвели?

Люди счетом уменьшены,
Молча дышат, живут.
И мужей своих женщины
Неужели не ждут?

И что было — оплакано,—
Смыло начисто след?
И как будто, что так оно,
И похоже... А — нет!..

1943

ЗДЕСЬ НЕМЦЫ БЫЛИ

Ушли в хлеба траншеи, ходы
И ржавых проволок ряды.
И отстоялись в реках воды,
И завязь выдали сады.
И на земле — житье людское,
И дым жилой по гребням хат,
Что бабьей рублены рукою...
Здесь немцы были год назад.

Дымится крошево щебенки,
Торчит стена с пустым окном.
И от воронки до воронки —
Трава, сожженная живьем.
Железной гари едкий запах,
Горелых трупов древний чад.
В пыли, в багровых дымах запад...
Здесь немцы были день назад.

Столбом стоит разрывов осыпь,
На запад улица в огне.
И ткани за город уносят
«Ура» пехоты на броне.
Листва на ветках не обвяла,
Что мимолетом ссек снаряд.
Еще для жизни сроку мало:
Здесь немцы были час назад.

Пройдется плуг по их могилам,
Накроет память их пластом.
И будет мир отрадным тылом
Войны, потушенной огнем.

И, указав на земли эти
Внучатам нынешних ребят,
Учитель в школе скажет: — Дети,
Здесь немцы были век назад.

1944

* * *

В жизни воина дорожной
По случайности возможной
Завернуть в родимый край —
Не желай.

Не желай. С тебя довольно.
Сыт, солдат. Душа полна.
Лучше тещи хлебосольной
Всюду потчует война.

Дым, щебенка, головешки,
Рваной жести скорбный стон,
Бедных беженцев тележки —
Всюду есть — из горла вон.

Или ты в краю родимом
Надышаться этим дымом
Захотел? Зачем, земляк:
Злей не будешь — зол и так.

1944

МИНСКОЕ ШОССЕ

Все, как тогда, в то лето злое:
И жесткий шорох пыльных трав,
И ветер, дышащий золою,
И грохот бомб у переправ,
И блеклый хворост маскировки,
И жаркий, жадный ход машин,
И пеший, раненный на бровке,—
И он, наверно, не один...

И вздох орудий недалекий,
И гул шоссейного моста,
И тот же стон большой дороги,
И те же самые места:
Низины, дробные сосенки,
Где, отмечая срок войны,
Трехлетней давности воронки
Меж новых, нынешних видны.

И жженой жести тот же запах,
И пепелищ угарный дым.
Но только — мы идем на Запад.
Мы наступаем. Мы громим.
Мы бьем *его*, что день, то пуще,
Что час, то злей и веселей,
В хвосты колонн его бегущих
Врываясь вдруг броней своей.
Ему ни отдыху, ни сроку,
Беги, куда бежать — гляди:
На пятки жмем, всыпаем сбоку,
И — стой! — встречаем впереди.

Идет, вершится суд суровый.
Священна месть, и казнь права.

И дважды, трижды в день громово
Войскам салюты шлет Москва.
И отзвук славы заслуженной
Гудит на тыщи верст вокруг.
И только плачут наши жены
От счастья так же, как от мук.

И только будто зов несмелый
Таят печальные поля,
И только будто постарела,
Как в горе мать, сама земля,
И рост, и доброе цветенье
Всего, что водится на ней,
Как будто строже и смиренней
И сердцу русскому больней.
Вот дождик вкрадчиво прокрапал.
Как тонок грустный дух сенца!..

Войска идут вперед на Запад.
Вперед на Запад. До конца!..

1944

ГРАНИЦА

Граница моей державы,
Означена ты навек
Не этой колючкой ржавой
Вдоль просек лесных и рек;
Не этим мостом, что ровно
Надвое разделен;
Не той, не другой условной
Чертой, что для нас — закон,—

А горечью душной пыли
Больших и малых дорог
Со дня, как мы отступили
Из этих мест на восток;
А страшной грозой кровавой,
Кропившей землю и снег,
Граница моей державы,
Означена ты навек.

Означена ты боями
На смерть, не на живот,
Всем тем, что лежит за нами
Отсюда до волжских вод;
Всей болью и всею славой,
Что знает наш человек,
Граница моей державы,
Означена ты навек.

Державы моей граница,
В глубоком тылу, вдали —
За нами Москва — столица
Свободной нашей земли.
За нами, ее сынами,
Родимых столько могил!

Бессмертный подвиг за нами,
Что нам лишь под силу был.

Святое, грозное пламя
Отмщенья, бушуй в груди!
Родная земля — за нами.
Земля врага — впереди.
За горе, за все страданья,
Что видел наш мирный дом,
Плати по счетам, Германия,
Молись! По тебе идем!

1944

ВОЗМЕЗДИЕ

1

Мы сотни верст и тыщи верст земли,
Родной земли, завещанной отцами,
Топча ее, в страде войны прошли
С оглохшими от горечи сердцами.

Из боя в бой мы шли, из боя в бой,
И, отступая в страшный час разлуки,
Мы не могли, солдаты, взять с собой
Всех тех, что к нам протягивали руки.

Мы покидали милые поля,
Где провожал нас каждый колос хлеба
И каждый кустик сизый ковыля.
Да, то была родимая земля,
Хотя над ней чужое было небо,

Хотя над ней медовый вянул цвет, —
Так смертной гарью от дорог разило,
Хотя по ней прокладывала след
Чужих колес и гусениц резина.

Мы шли от рубежа до рубежа
Родной земли, прощаясь молча с нею,
Та боль тогда еще была свежа,
Но с каждым днем, как рана от ножа,
Она горела глубже и сильнее.

И все места, где немец проходил,
Куда вступал бедой неотвратимой,
Рядами вражьих и своих могил
Мы отмечали на земле родимой...

От стен Москвы в морозной жесткой мгле,
Живые мертвых на ходу сменяя,
Его мы гоном гнали по земле,
Но то земля была своя, родная.

У Сталинграда вещей битвы жар
Простерся в вечность заревом кровавым.
И, чуя гибель, враг от нас бежал,
Гонимый вспять оружьем нашим правым.

То был залог, порука из порук,
Что мы его угомоним навеки,
Но Дон, Донец, но старый Днепр и Буг —
Еще родные наши были реки.

В степи, в горах мы смерть ему несли
И в море опрокидывали с суши.
Но скорбь войной потоптанной земли,
Родной земли томила наши души.

Нам, только нам горька она была,
Ее сынам, печаль земли родимой,
Земли, что столько горя приняла,
Чьи муки, может, невознаградимы...

Вперед, вперед бессонно шли войска,
Ее войска — вперед, презрев усталость...
И не одна нерусская река
Уже за нами позади осталась.

И гром гремел у старых стен Кремля
Во имя славы нашей запредельной,
Но то была не та еще земля,
Не та, с которой счет у нас отдельный.

В тяжелый воз нуждою впряжены,
Его везли мы в гору, не плошая.
Четвертый год! Четвертый год войны!..
И вот земля — та самая, чужая...

Вот крыша дома в виде корабля,
Вот садика притихшие верхушки,
Осенние смиренные поля.

Но то она — немецкая земля,
Чьи под Москвой месили землю пушки.

И ветер дышит жаркою золой, —
То час настал для исполненья гнева.
И низко виснет над чужой землей
Ревущее грозою наше небо.

Четвертый год! Четвертый год войны
Нам локти мажет желтой прусской глиной,
И тысячи стволов наведены
Указками дороги до Берлина.

И в этот грозный предреченный час,
У этих сел, фольварков и предместий,
О мести не расспрашивайте нас,
Спросите так: верны ль мы нашей чести?

Ее завет и краток и суров,
И с нами здесь никто не будет в споре:
Да, смерть — за смерть! Да, кровь — за кровь!
За горе — горе!..

2

Хрустит чужое под ногой
Стекло и черепица.
Вдали за нами край родной,
Земли родной граница.
Да, мы иных, чем ты, кровей,
Иных знамен солдаты,
И мы сегодня по твоей
Земле идем с расплатой.
Как занялся огнем твой дом,
Ты увидал впервые,
А нам тот запах так знаком,
И дым тот очи выел.
Прошло, сменилось три травы
Вдоль той дороги долгой:
От Верхней Волги, от Москвы,

Да что! — от Нижней Волги.
И память — боль, — на том стоим, —
Она не убавлялась,
Она от мертвых к нам, живым,
В пути передавалась.
И тот, кто нынче приведен
В твои края войною,
Двойною ношей нагружен,
А может быть, тройною.
И мы не с тем сюда пришли,
Чтоб здесь селиться хатой.
Не надо нам твоей земли,
Твоей страны проклятой.
Нас привела сюда нужда,
Неволя — не охота.
Нам только надо навсегда
Свести с тобою счеты.
И мы тревожим чуждый кров
Священной мести ради.
И суд наш праведный суров,
И места нет пощаде.
И не у нас ее проси,
Мы будем мертвых глуше.
Проси у тех, чьи на Руси
Сгубил безвинно души.
Проси у тех, кого ты сжег,
Зарыл в земле живыми —
Не шевельнется ли песок,
Притоптанный над ними?
Проси у тех, кому велел
Самим копать могилу,
Проси у тех, кого раздел
В предсмертный час постылый.
Проси у девочки у той,
Что, в дула ружей глядя,
Спросила с детской простотой:
— Чулочки тоже, дядя? —
У той, худое тельце чье
У края рва поставил.
Проси пощады у нее,
А мы щадить не вправе.
У нас оглохшие сердца
К твоим мольбам бесстыдным.

Мы справим суд наш до конца,
А после будет видно.

Четвертый год солдат в борьбе,
И сколько дней в чужбине!

Земля родная, о тебе
И сны и думы ныне!

1944

ОБ ЭТИХ ДНЯХ

Седой солдат расскажет внукам
Про эту быль своих времен,
Как он, герой, да маршал Жуков
Из Польши немцев гнали вон;

Как славил их салют московский,
России добрых сыновей;
Как двинул справа Рокоссовский,
Как тотчас Конев *дал* левей;

И разъяснит, как по уставу,
Куда какой врезался клин,
Когда взята была Варшава
И встал на очередь Берлин.

1944

У ДНЕПРА

Я свежо доныне помню
Встречу первую с Днепром,
Детской жизни день огромный —
Переправу и паром.

За неведомой, студеной
Полосой днепровских вод
Стороною отдаленной
Нам казался берег тот...

И не чудо ль был тот случай:
Старый Днепр средь бела дня
Оказался вдруг под кручей
Впереди на полконя.

И, блеснув на солнце боком,
Развернулся он внизу.
Страсть, как жутко и высоко
Стало хлопцу на возу.

Вот отец неторопливо
Заложил в колеса кол
И, обняв коня, с обрыва
Вниз, к воде тихонько свел.

Вот песок с водою вровень
Зашумел под колесом,
И под говор мокрых бревен
Воз взобрался на паром.

И паром, подавшись косо,
Отпихнулся от земли,
И недвижные колеса,
Воз и я — пошли, пошли...

И едва ли сердце знало,
Что оно уже тогда
Лучший срок из жизни малой
Оставляло навсегда.

1944

НОЧЛЕГ

Разулся, ноги просушил,
Согрелся на ночлеге, —
И человеку дом тот мил,
Неведомый вовеки.

Уже не первый, не второй,
Ни мой, ни твой, ничейный,
Пропахший обувью сырой,
Солдатским потом, да махрой,
Да смазкою ружейной.

И, покидая угол тот,
Солдат, жилец бездомный,
О нем, бывает, и вздохнет,
И жизнь пройдет, а вспомнит!

1944

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО БОЙЦА

Ласточка, в траншейной нише
Ты с весны у нас жила,
Не найдя родимой крыши
На пожарище села.

Легкая в дому жиличка,
Скоро мы вперед уйдем,
Скучно тебе будет, птичка,
Прилетать в затихший дом.

1944

НА ПОХОДЕ

Хорошо иметь в догадке
Ту примету на Руси,
Что в дому, где бабы гладки,
Там напиться не проси.

Там воды не будет свежей.
— Почему?
— А потому:
Норовят ходить пореже.
Держат теплую в дому.

— Что же, пейте на здоровье,
Если нравится вода.
Жаль, по вашему присловью,
Я, должно быть, так худа.

— Нет, не так, еще в порядке,
И сказать со стороны:
Ни к чему добреть солдатке,
Если мужа ждет с войны.

1944

* * *

Война — жесточе нету слова.
Война — печальней нету слова.
Война — святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет.

1944

В ЛИТОВСКОЙ УСАДЬБЕ

Зернистый туман августовский
На утре погожего дня
Под стогом в усадьбе литовской
Заставил проснуться меня.

Холодной росою капустной
Он тек по соломе сухой.
И было так тихо и грустно,
Как будто войны никакой.

На самые малые сроки
Зашла она в это жилье,
Уже далеко по дороге
Катились колеса ее...

Я сел на подножке машины,
Курю, а пернатый юнец
Поет фистулой петушиной
Четвертому лету конец,

Поет он под крышей поветки,
И, сонно-угрюмый с лица,
В шляпенке и ветхой жилетке
Мужик соступает с крыльца,

Подошвой гремя деревянной.
Хозяин. Мужик — как мужик.
И слышать занятно и странно
Его «иностранный» язык...

1944

БЕРЛИН

Не в самый полдень торжества
Приходят лучшие слова...

И сердцу радостно и страшно
Себя доверить той строке,
В которой лозунг наш вчерашний
Сегодня — ноша на штыке.

Отчизна, мать моя, сурово
Не осуди, я слов ищу,
И я лишь первые два слова
Об этом празднике пишу.

Я их сложил, как мог, в минуты
Волненья, что лишают слов,
Когда гремел салют салютов
Из всех, какие есть, стволов.

С твоими равными сынами
Я плакал теми же слезами,
Слезами радости, твой сын.

Берлин, о Родина, за нами,
Берлин, товарищи, Берлин!

2 мая 1945 г.

В ЧАС МИРА

Все в мире сущие народы,
Благословите светлый час!
Отгрохотали эти годы,
Что на земле застигли нас.

Еще теплы стволы орудий
И кровь не всю впитал песок,
Но мир настал. Вздохните, люди,
Переступив войны порог...

3 августа 1945 г.

ОТЧИЗНЕ

Одной тебе под стать твои дела.
Вовек бессмертен подвиг твой исходный.
Когда себя сама ты создала
И назвала Советской и свободной.

И, защитив свободу от врагов,
Ты власть свою и волю утвердила.
И подвиг на себя взяла другой,
Что также был одной тебе под силу.

И подвиг тот — Великий перелом,
Перепахавший межи вековые, —
История сравнила с Октябрем,
Как две свои эпохи мировые.

И подвиг третий с ними наравне
Встает, свершенный в нынешние сроки, —
Твоя победа в праведной войне
На западе твоем и на востоке.

И всей земле являет нынче он
Тех первых двух твоих свершений славу,
Со славой древних дедовских времен
В себе соединив ее по праву.

1945

ДОРОГА ДО ДОМУ

На запад его увозил эшелон,
И путь был на запад недолгий.
А пешим, с дивизей, вымерял он
Дорогу от Буга до Волги.

Звенел по лугам пересохший звонец,
Ломились хлеба с перестоя.
В походе по левую руку боец
Оставил селенье родное.

И минуло лето, и осень с зимой,
И минуло целых два года.
И вот повернул он на запад, домой, —
Гляди, не конец ли похода?

Что день приближаясь к родимым местам,
Шутил на походе служивый:
— До дому, до хаты добраться, а там
Дойдем и остатнее живо.

Но нет, выходило — еще не конец.
Родной проходя стороною,
Теперь уж по правую руку боец
Оставил селенье родное.

Была на походе лихая жара, —
Не ноги горели — ботинки.
— Потерпим, ребята, дойдем до Днепра,
А там ему, немцу, поминки.

Но вот и днепровский окончился бой,
И дальше сверкают зарницы.
И, Днепр оставляя в пути за собой,
Войска устремились к границе.

Граница — уже и она невдали,
И легче солдатская лямка.
— Как только спихнем его с нашей земли,
Так тут ему тотчас и клямка!

Остался в тылу пограничный копец,
Откуда страда началася,
Но так не случилось, как думал боец,
Желанного чаявший часа.

Четвертая осень шумит под ногой
Опавшей листвою шершавой.
— Ну, черт с ним, ребята, когда он такой,
Придется добить под Варшавой.

Ревут батареи в морозном дыму
В далеком Привислинском крае.
Что дальше от дому, то ближе к нему, —
Была поговорка такая.

Но был этот путь и суров, и тяжел,
И мало того, что не близкий:
До Дону иной, до Днепра не дошел —
И где еще выбыл из списка!

Но всякий живой помышлял о живом,
О прочем гадать не причина:
— Теперь уж немного, теперь уж дойдем.—
И, словом, дошел до Берлина.

А время в трудах и заботах текло
У фронта и дальнего тыла.
Из пепла вставало родное село,
Под крышу дворы заводило.

Уже разговор заходил о косьбе —
Была бы надежная сушка.
И ждали хозяина в новой избе,
Какая она ни избушка.

Тем часом домой собирался и он,
Казалось, что самые сроки.
И тут подается ему эшелон
С приказом о Дальнем Востоке.

Садится солдат со стрелковым полком,
Толкуя в теплушке соседям:
— Ну что же, друзья, то пешком да пешком,
А тут хоть немного подъедем...

И вот совершает четвертый конец.
И снова в пути за войною
Не справа, так слева оставил боец
Проездом селенье родное.

Солдатское дело — забудь обо всем.
Но был он не только солдатом,
А был он и мужем жене, и отцом
Своим голопузым ребятам.

Он был от плеча до плеча награжден,
Но есть ли такая награда,
Что выслужил, выходил, выстрадал он? —
Пожалуй, что нет. И не надо!

Берлин — так Берлин,
А Харбин — так Харбин,
И пусть оно все по-иному,
А все-таки вывод отсюда один:
Такая дорога до дому.

И сколько она протянулась в длину
Туда и обратно с начала!
Спасибо судьбе, что с войны на войну
Еще не за смертью послала.

И пятый ему остается конец
Пути, совершенного с честью.
Под праздник как раз прибывает боец
В свое родовое поместье.

Что значит так долго не видеть семьи —
Мы, люди семейные, знаем.
— Ну здравствуйте все, дорогие мои! —
Вошел и заплакал хозяин.

И только мешок свой заплечный стащил,
Сказал, раздеваясь у входа:
— Я к празднику, дети, до дому спешил
Четыре с надбавкою года!

1945

О СКВОРЦЕ

На крыльце сидит боец,
На скворца дивится:
— Что хотите, а скворец
Правильная птица.

День-деньской, как тут стоим,
В садике горелом,
Занимается своим
По хозяйству делом.

Починяет домик свой,
Бывший без пригляда.
Мол, война себе войной,
А плодиться надо!

1945

* * *

В поле, ручьями изрытом,
И на чужой стороне
Тем же родным, незабытым
Пахнет земля по весне:

Полой водой и — нежданно —
Самой простой, полевой
Травкою той безымянной,
Что и у нас под Москвой.

И, доверяясь примете,
Можно подумать, что нет
Ни этих немцев на свете,
Ни расстояний, ни лет.

Можно сказать: неужели
Правда, что где-то вдали
Жены без нас постарели,
Дети без нас подросли?..

1945

* * *

Дом по дороге фронтовой
На запад от столицы
С хозяйкой доброю вдовой
И дочерью девицей.
Дом с самоваром и теплом,
С гитарой над кроватью,
С накрытым скатертью столом
И прочей благодатью.
С веселой спешною стряпней
У печки на загнетке,
Со стуком за полночь к одной
Запасливой соседке.
С застольной песенкою той,
Что все тогда мы пели.
И с фотокарточкой одной
Танкиста в портупее.
Дом у дороги. Поворот
С утихшей магистрали.
И год не тот, и дом не тот,
И нас не вдруг узнали...
Топтался с грудкою сырой
Малютка косолапый.
И жив ли, нет ли ты, герой,
Тебя зовет он папой.

1945

ИЗ ПИСЕМ

— Уважаемый писатель, —
Пишет мне из-за Карпат
Мой взыскательный читатель,
Виды видевший солдат.

На привале пишет кратко
Деловое письмецо:
Мол, еще одна нехватка
В вашей книге налицо.

В ней зима, весна и лето —
По порядку все воспето.
И герой, упрека нет,
Как положено одет.

Летом ходит в гимнастерке,
Тут, понятно, рифма: Теркин.
По зиме на нем шинель,
Тут — метель, а также ель.

Есть и шапка — там, где зябко,
На конце другой строки.
Несомненно, это ценно,
Но, товарищ, сапоги!

Сапоги! Святая обувь,
Что служила до конца,
Недостойна ли особой
Песни в книге про бойца?

Друг мой добрый, критик скромный,
До конца, должно быть, дней
Я всего того не вспомню,
Что забыл отметить в ней.

1945

* * *

Перед войной, как будто в знак беды,
Чтоб легче не была, явившись в новости,
Морозами неслыханной суровости
Пожгло и уничтожило сады.

И тяжко было сердцу удрученному
Средь буйной видеть зелени иной
Торчащие по-зимнему, по-черному
Деревья, что не ожили весной.

Под их корой, как у бревна отхлупшею,
Виднелся мертвенный коричневый нагар.
И повсеместно избранные, лучшие
Постиг деревья гибельный удар...

Прошли года. Деревья умерщвленные
С нежданной силой ожили опять,
Живые ветки выдали, зеленые...

Прошла война. А ты все плачешь, мать.

1945

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

КНИГА
ПРО БОЙЦА

ОТ АВТОРА

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода.
На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой,—
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.

Важно только, чтобы повар
Был бы повар — парень свой;
Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей,—
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако
Дело тут не только в щах.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки

Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой,—

Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин — мой герой.
А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Что ж еще?.. И все, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.

Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать ее сначала.

Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой,

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счет.

Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.

НА ПРИВАЛЕ

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.

Слышь, подкинь еще одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладет,
Молвит несердито:
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

Тот: — Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте.—
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» — бойцы между собой,—
«Свой!» — переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый.
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

— Вам, ребята, с серединки
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

— Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй.
Вот под первою бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
Это — малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.
Тут проймет тебя поглубже, —
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,

Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.

— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди — какой расчет?
— Но зачем же сразу — тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.

— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.
— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Танк — он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

— То-то слеп. Лежишь в канаве,
А на сердце маята:
Вдруг как сослепу задавит,—
Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:
Что не знаешь — не толкуй.
Сабантуй — одно лишь слово —
Сабантуй!.. Но сабантуй
Может в голову ударить,
Или попросту, в башку.
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку.

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,

Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костер дымится.

— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке
Меж товарищей бойцов
Лег Василий Теркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель,
Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:
Как от западной границы
Отступал к востоку он;

Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.

Спит герой, храпит — и точка.
Принимает все, как есть.
Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впóкат.
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнется.

И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

— Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту.

* * *

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем почему,—
Спрашивать не стали,—
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.

Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьет со смаком
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди,

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

ПЕРЕД БОЕМ

— Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось пам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.

Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,
Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шел наш брат.

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.

Полем шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз,
Подходил к селу в потемках,
И служил ему котомкой
Боевой противогаз.

Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

И по горькой той привычке,
Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тетка — где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой,
Только молвит, провожая:
— Воротиться дай вам бог...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!

Шли, однако. Шел и я...

Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.

Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем.

Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он все думал, думал...
— Брось ты думать,— говорю.

Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
— По пути моя деревня.
Как ты мыслишь, политрук?

Что ответить? Как я мыслю?
Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,
Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нем?
Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: «Зайдем...»

Встрепенулся ясный сокол,
Бросил думать, начал петь.
Впереди идет далеко,
Оторвался — не поспеть.

А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой.

Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.

Знай вперед, что толку мало
От родимого угла,
Что война и тут ступала,
Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...

Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую — на стол,
Будто с мельницы вернулся,
С поля к ужину пришел.
Будто так, а все иначе...
— Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим
Мне команду обеспечь.

Дети спят. Жена хлопочет,
В горький, грустный праздник свой,
Как ни мало этой ночи,
А и та — не ей одной.

Расторопными руками
Жарит, варит поскорей,
Полотенца с петухами
Достает, как для гостей.

Напоила, накормила,
Уложила на покой,
Да с такой заботой милой,
С доброй ласкою такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
И не малые притом.

Сам хозяин, старший воин
Что сидел среди гостей,
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.

Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,
Так родна и так мила.

И болел он, парень честный,
Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,
Из угла.
Неловко мне.

Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.
Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

Взял шинель да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх,— и все — шинель.

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель,—
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.

Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая,—
Кому не дорога!

Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.

А убьют — так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинелкою потертою
Укроют — спи, солдат!

Спи, солдат, при жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому

Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному...

На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть.

— Ты чего?
— А я дровишек
Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,
Словно дома — на войне.
Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.

Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь.

Рубит, рубит. На рассвете
Покидает дом боец.

А под свет проснулись дети,
Поглядят — пришел отец,
Поглядят — бойцы чужие,
Ружья разные, ремни.
И ребята, как большие,
Словно поняли они.

И заплакали ребята.
И подумать было тут:
Может, нынче в эту хату
Немцы с ружьями войдут...

И доныне плач тот детский
В ранний час лихого дня
С той немецкой, с той зарецкой
Стороны зовет меня.

Я б мечтал не ради славы
Перед утром боевым,

Я б желал на берег правый,
Бой пройдя, вступить живым.

И скажу я без утайки,
Приведись мне там идти,
Я хотел бы к той хозяйке
Постучаться по пути.

Попросить воды напиться —
Не затем, чтоб сесть за стол,
А затем, чтоб поклониться
Доброй женщине простой.

Про хозяина ли спросит,—
«Полагаю — жив, здоров».
Взять топор, шинелку сбросить,
Нарубить хозяйке дров.

Потому — хозяин-барин
Ничего нам не сказал.
Может, нынче землю парит,
За которую стоял...

Впрочем, что там думать, братцы,
Надо немца бить спешить.
Вот и все, что Теркин вкратце
Вам имеет доложить.

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода,—
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыхнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружней и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженый народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишьих глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,

Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженых ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо,—
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,

Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудою взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было,— жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, по́том,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом,—
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пыльцой лежит на лицах —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрей идут, не тише

Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, груда,
Где застыли их следы...

Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодною водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят — маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маята.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода... Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было,— впервой.

Подошел сержант с биноклем.
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастерки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться!
— Братцы,— он!

И, у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой,— добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:

— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец! — сказал полковник.—
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

О ВОЙНЕ

— Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба — дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку.
Тут не то, что в старину,—
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже,—
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить,—
Ясно все до точки.
Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.

Раз война — про все забудь
И пенять не вправе,
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил — на том конец,
От хлопот свободен.
И тогда ты — тот боец,
Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь — еще живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.

Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

ТЕРКИН РАНЕН

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы — дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты — снега легли.

И густой поземкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
Загудела у дорог.

И в снегах непроходимых
Эти мирные края
В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мерзлой груде,
По землянкам без огней,
Возле танков и орудий
И простуженных коней
На войне встречали люди
Долгий счет ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла:
Лишь бы немцу было хуже,
О себе ли речь там шла!

И желал наш добрый парень:
Пусть померзнет немец-барин,
Немец-барин не привык,
Русский стерпит — он мужик.

Шумным хлопом рукавичным,
Топотней по целине
Спозаранку день обычный
Начинался на войне.

Чуть вился дымок несмелый,
Оживал костер с трудом,
В закоптелый бак гремела
Из ведра вода со льдом.

Утомленные ночлегом,
Шли бойцы из всех берлог
Греться бегом, мыться снегом,
Снегом жестким, как песок.

А потом — гуськом по стежке,
Соблюдая свой черед,
Котелки забрав и ложки,
К кухням шел за взводом взвод.

Суп досыта, чай до пота,—
Жизнь как жизнь.
И опять война — работа:
— Становись!

* * *

Вслед за ротой на опушку
Теркин движется с катушкой,
Разворачивает снасть,—
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула.
Снег чернеет от огня.
Теркин крутит: — Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдет,—
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.

Командиру все в привычку,—
Голос в горсточку, как спичку
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.
Все в порядке.
— Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что́ за жизнь, когда в бою
За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой.

А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.

И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,
Бить, ломать и жечь в окружку.
Деревушка? — Деревушку.
Дом — так дом. Блиндаж — блиндаж.
Врешь, не высидишь — отдашь!

А еще остался кто там,
Запорошенный песком?
Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Теркин дальше тянет провод.
Взвод — за валом огневым,
Теркин с ходу — вслед за взводом,
Топит провод, точно в воду,
Жив-здоров и невредим.

Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, вспаханных кругом,—
Чох! — снаряд за вспышкой ржавой.
Теркин тотчас в снег — ничком.

Вдался вглубь, лежит — не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всей спиной, всей кожей слышит,
Как снаряд в снегу шипит...

Хвост овечий — сердце бьется.
Расстается с телом дух.
«Что ж он, черт, лежит — не рвется,
Ждать мне больше недосуг».

Приподнялся — глянул косо.
Он почти у самых ног —
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним — сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс
Вот такой дурак слепой
Неизвестного калибра —
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился — смех и грех:
Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.

Теркин встал, такой ли ухарь,
Отряхнулся, принял вид:
— Хватит, хлопцы, землю нюхать,
Не годится,— говорит.

Сам стоит с воронкой рядом
И у хлопцев на виду,
Обратясь к тому снаряду,
Справил малую нужду...

Видит Теркин погребушку —
Не оттуда ль пушка бьет?
Передал бойцам катушку:
— Вы — вперед. А я — в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой.
Спрыгнул вниз, пропал в дыму.
— Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.
Что там дальше — поглядим.
Никогò, похоже, нету.
Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,
Отдается в глубине.
Дело дрянь: другие точки
Бьют по занятой. По мне.

Бьют неплохо, спору нету.
Добрым словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали *они*.

Прочно сделали, надежно —
Тут не то что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

Осмотрелся, точно в хате:
Печка теплая в углу,
Вдоль стены идут полати,
Банки, склянки на полу.

Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:
Табаку, одежи, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,
В обороне нынче — я...
На прицеле вход и выход,
Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут — один, другой...

Теркин, стой. Дыши ровнее.
Теркин, ближе подпусти.
Теркин, целься. Бей вернее,
Теркин. Сердце, не части.

Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
В двух шагах видал живым.

Подходил он в чем-то белом,
Наклонившись от огня,
И как будто дело делал:
Шел ко мне — убить меня.

В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на заду...

Теркин, друг, не дай осечки.
Пропадешь,— имей в виду.

За секунду до разрыва,
Знать, хотел подать пример:
Прямо в ровик спрыгнул живо
В полушубке офицер.

И поднялся незадетый,
Цельный. Ждем за косяком.
Офицер — из пистолета,
Теркин — в мягкое — штыком.

Сам присел, присел тихонько.
Повело его легонько.
Тронул правое плечо.
Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола:
Кровь,— чужая иль своя?

Тут как даст вблизи тяжелый,
Аж подвинулась земля!

Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.

«Это — наши,— понял парень,—
Наши бьют,— теперь каюк».

Оглушенный тяжким гулом,
Теркин никнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,
Тут же свой боец живой.

Он сидит за стенкой дзота,
Кровь течет, рукав набряк.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.

На полу в холодной яме
Неохота нипочем
Гибнуть с мокрыми ногами,
Со своим больным плечом.

Жалко жизни той, приманки,
Малость хочется пожить,
Хоть погреться на лежанке,
Хоть портянки просушить...

Теркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя!..

* * *

А тем часом издалека,
Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот
Надвигался, рос. С востока
Танки шли.

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

А за грохотом и громом,
За броней стальной сидят,

По местам сидят, как дома,
Трое-четверо знакомых
Наших стриженых ребят.

И пускай в бою впервые,
Но ребята — свет пройди.
Ловят в щели смотровые
Кромку поля впереди.

Видят — вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель пакрыта.
Ну, а вдруг как там сидят!

Может быть, притих до срока
У орудия расчет?
Развернись машина боком —
Бронебойным припечет.

Или немец с автоматом,
Лезть наружу не дурак,
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так.

Двое вслед за командиром
Вниз — с гранатой — вдоль стены.
Тишина.— Углы темны...

— Хлопцы, занята квартира,—
Слышат вдруг из глубины.

Не обман, не вражьи шутки,
Голос вправдашний, родной:
— Пособите. Вот уж сутки
Точка данная за мной...

В темноте, в углу каморки,
На полу боец в крови.
Кто такой? Но смолкнул Теркин,
Как там хочешь, так зови.

Он лежит с лицом землистым,
Не моргнет, хоть глаз коли.

В самый срок его танкисты
Подобрали, повезли.

Шла машина в снежной дымке,
Ехал Теркин без дорог.
И держал его в обнимку
Хлопец — башенный стрелок.

Укрывал своей одежей,
Грел дыханьем. Не беда,
Что в глаза его, быть может,
Не увидит никогда...

Свет пройди,— нигде не сыщешь,
Не случалось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне.

О НАГРАДЕ

— Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще? — Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.
— Трудно все же? — Как когда.
— Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет.

— Нет,— сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

* * *

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвой.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

ГАРМОНЬ

По дороге прифронтóвой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Защемлял в пути все туже,
Подгонял, под мышки нес.

Вдруг — сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:
                    — Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.

Далеко ль?
— На фронт обратно.
Руку вылечил.
— Понятно.
Не герой?
— Покамест нет.
— Доставай тогда кисет.

Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — туннель.

Чуть ли что, свернешь немного,
Как свернул — снимай шинель.

— Хорошо — как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята.
— Хорошо, да как когда.

Грузовик гремит трехтонный,
Вдруг колонна впереди.
Будь ты пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.
Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой,—
Смолк шофер,
Заснул шофер.

Сколько суток полусонных,
Сколько верст в пурге слепой
На дорогах занесенных
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперед-назад,
Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда: во всей колонне
Завалящей нет гармони,
А мороз — ни стать, ни сесть...

Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток...—
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть — оно не вред.
— В чем же дело? Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

— Так... — С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж ее беречь.

А стрелок:
— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое — были мы друзья.

— Да нельзя так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.

И опять же — посудите —
Может, завтра — с места в бой...

— Знаешь что,— сказал водитель,—
Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно — гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив,

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.

И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ.

Я не то еще сказал бы,—
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это все переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.
                    — Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

— Отморозил парень пальцы,—
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому еще лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому,—
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру!..

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подает за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощеный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...

Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежа,
И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:
— Ну что же,
Очень даже может быть.

— Нам теперь стоять в ремонте.
У тебя маршрут иной.
— Это точно...
— А гармонь-то,
Знаешь что,— бери с собой.

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту.
— Что вы, хлопцы, как же так?..

— Ничего,— сказал водитель,—
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него...

И с опушки отдаленной
Из-за тысячи колес
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» — донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да елки с двух сторон...
Едет дальше Вася Теркин, —
Это был, конечно, он.

ДВА СОЛДАТА

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит — Теркин дома,
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
— Перелет! Лежи, старуха.—
Или скажет:
— Недолет...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка
С уважительным испугом
За повадкой старика,

С кем жила — не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.

— Вот не режет, точишь, точишь,
Не берет, ну что ты хочешь!..—

Теркин встал:
— А может, дед,
У нее развода нет?

Сам пилу берет:
— А ну-ка...—
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Теркин щурится:
— Ну, вот.
Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть — и то отрадно:
Завалящая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.

Обернулась — и готово.
— На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инструмент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берет пилу.
— Вот что значит мы, солдаты, —
Ставит бережно в углу.

А старуха:
— Слаб глазами.
Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами,
С той войны еще стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально,—
Все ж часы, а не пила,—
Мастер тихо и печально
Посвистел:
— Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутрь куда-то дунул, плюнул,—
Что ты думаешь,— пошли!

Крутит стрелку, ставит пятый,
Час — другой, вперед — назад.
— Вот что значит мы, солдаты.—
Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,
С печки слушает:
— Идут!
— Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень
Услужить еще не прочь.
— Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Теркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец — значит, есть!

И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит мы, солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

—Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:
— Пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат.
Подтянулся:
— Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал.
Пожевал — и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:
— Рассуждая так ли, сяк ли,
Все равно такою каплей
Не согреть бойца в бою.
Будьте живы!
— Пейте.
— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
— Позволь, товарищ.
Что ты валенки мне хвалишь?
Разреши-ка доложить.
Хороши? А где сушить?

Не просушишь их в землянке,
Нет, ты дай-ка мне сапог,
Да суконные портянки
Дай ты мне — тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем — Василий Теркин,
Как ни в чем — старик солдат.

— Эти штуки в жизни нашей,—
Дед расхвастался,— пустяк!
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.
Попадет, откинешь ложкой,
А в тебя — так и мертвец.

— Но не знали вы бомбежки,
Я скажу тебе, отец.

— Это верно, тут наука,
Тут напротив не попрешь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?
— Какая?
— Вошь.

И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин
И сказал:
— Частично есть...

— Значит, есть? Тогда ты — воин,
Рассуждать со мной достоин.
Ты — солдат, хотя и млад.
А солдат солдату — брат.

И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьез.
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьем мы немца
Или, может, не побьем?

— Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь — захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подрос,
И платочек к подбородку,
Ровно сложенный, поднес.
Отряхнул опрятно руки
И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.
Молча в путь запоясался,
Осмотрелся — все ли тут?
Честь по чести распрощался,
На часы взглянул: идут!
Все припомнил, все проверил,
Подогнал и под конец
Он вздохнул у самой двери
И сказал:
— Побьем, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гремит война.

На печи в избе — старуха.
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперед,
По снегам идет Василий
Теркин. Немца бить идет.

О ПОТЕРЕ

Потерял боец кисет,
Заискался,— нет и нет.

Говорит боец:
— Досадно.
Столько вдруг свалилось бед:
Потерял семью. Ну, ладно.
Нет, так на́ тебе — кисет!

Запропастился куда-то,
Хвать-похвать, пропал и след.
Потерял и двор и хату.
Хорошо. И вот — кисет.

Кабы годы молодые,
А не целых сорок лет...
Потерял края родные,
Все на свете и кисет.

Посмотрел с тоской вокруг:
— Без кисета, как без рук.

В неприютном школьном доме —
Мужики, не детвора.
Не за партой — на соломе,
Перетертой, как костра.

Спят бойцы, кому досуг.
Бородач горюет вслух:
— Без кисета у махорки
Вкус не тот уже. Слаба!
Вот судьба, товарищ Теркин.—
Теркин:
— Что там за судьба!

Так случиться может с каждым,—
Возразил бородачу,—
Не такой со мной однажды
Случай был. И то молчу.

И молчит, сопит сурово.
Кое-где привстал народ.
Из мешка из вещевого
Теркин шапку достает.

Просто шапку меховую,
Той подругу боевую,
Что сидит на голове.
Есть одна. Откуда две?

— Привезли меня на танке,—
Начал Теркин,— сдали с рук.
Только нет моей ушанки,
Непорядок чую вдруг.

И не то чтоб очень зябкий,—
Просто гордость у меня.
Потому, боец без шапки —
Не боец. Как без ремня.

А девчонка перевязку
Нежно делает, с опаской,
И, видать, сама она
В этом деле зелена.

— Шапку, шапку мне, иначе
Не поеду! — Вот дела.
Так кричу, почти что плачу,
Рана трудная была.

А она, девчонка эта,
Словно «баюшки-баю»:
— Шапки вашей,— молвит,— нету,
Я вам шапку дам свою.

Наклонилась и надела.
— Не волнуйтесь,— говорит
И своей ручонкой белой
Обкололась: был небрит.

Сколько в жизни всяких шапок
Я носил уже — не счесть,
Но у этой даже запах
Не такой какой-то есть...

— Ишь ты, выдумал примету.
— Слышал звон издалека.
— А зачем ты шапку эту
Сохраняешь?
— Дорога.

Дорога бойцу, как память.
А еще сказать могу
По секрету, между нами,—
Шапку с целью берегу.

И в один прекрасный вечер
Вдруг случится разговор:
«Разрешите вам при встрече
Головной вручить убор...»

Сам привстал Василий с места
И под смех бойцов густой,
Как на сцене, с важным жестом
Обратился будто к той,
Что пять слов ему сказала,
Что таких ребят, как он,
За войну перевязала,
Может, целый батальон.

— Ишь, какие знает речи,
Из каких политбесед:
«Разрешите вам при встрече...»
Вон тут что. А ты — кисет.

— Что ж, понятно, холостому
Много лучше на войне:
Нет тоски такой по дому,
По детишкам, по жене.

— Холостому? Это точно.
Это ты как угадал.
Но поверь, что я нарочно
Не женился. Я, брат, знал!

— Что ты знал! Кому другому
Знать бы лучше наперед,
Что уйдет солдат из дому,
А война домой придет.

Что пройдет она потопом
По лицу земли живой
И заставит рыть окопы
Перед самою Москвой.
Что ты знал!..

— А ты постой-ка,
Не гляди, что с виду мал.
Я не столько,
Не полстолько,—
Четверть столько! —
Только знал.

— Ничего, что я в колхозе,
Не в столице курс прошел.
Жаль, гармонь моя в обозе,
Я бы лекцию прочел.

Разреши одно отметить,
Мой товарищ и сосед:
Сколько лет живем на свете?
Двадцать пять! А ты — кисет.

Бородач под смех и гомон
Роет вновь труху-солому,
Перещупал все вокруг:
— Без кисета, как без рук...

— Без кисета, несомненно,
Ты боец уже не тот.

Раз кисет — предмет военный,
На-ко мой, не подойдет?

Принимай, я — добрый парень.
Мне не жаль. Не пропаду.
Мне еще пять штук подарят
В наступающем году.

Тот берет кисет потертый.
Как дитя, обновке рад...

И тогда Василий Теркин
Словно вспомнил:
— Слушай, брат.

Потерять семью не стыдно —
Не твоя была вина.
Потерять башку — обидно,
Только что ж, на то война.

Потерять кисет с махоркой,
Если некому пошить,—
Я пе спорю,— тоже горько,
Тяжело, но можно жить,
Пережить беду-проруху,
В кулаке держать табак,
Но Россию, мать-старуху,
Нам терять нельзя никак.

Наши деды, наши дети,
Наши внуки не велят.
Сколько лет живем на свете?
Тыщу?.. Больше! То-то, брат!

Сколько жить еще на свете,—
Год, иль два, иль тыщи лет,—
Мы с тобой за все в ответе.
То-то, брат! А ты — кисет...

ПОЕДИНОК

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко сшит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай — не побежит.

Сытый, бритый, береженый,
Дармовым добром кормленный,
На войне, в чужой земле
Отоспавшийся в тепле.

Он ударил, не стращая,
Бил, чтоб сбить наверняка.
И была как кость большая
В русской варежке рука...

Не играл со смертью в прятки,—
Взялся — бейся и молчи, —
Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

Есть войны закон не новый:
В отступленье — ешь ты вдоволь,
В обороне — так ли сяк,
В наступленье — натощак.

Немец стукнул так, что челюсть
Будто вправо подалась.
И тогда боец, не целясь,
Хряснул немца промеж глаз.

И еще на снег не сплюнул
Первой крови злую соль,
Немец снова в санки сунул
С той же силой, в ту же боль.

Так сошлись, сцепились близко,
Что уже обоймы, диски,
Автоматы — к черту, прочь!
Только б нож и мог помочь.

Бьются двое в клубах пара,
Об ином уже не речь,—
Ладит Теркин от удара
Хоть бы зубы zабеpечь.

Но покуда Теркин санки
Сколько мог
В бою берег,
Двинул немец, точно штангой,
Да не в санки,
А под вздох.

Охнул Теркин: плохо дело,
Плохо, думает боец.
Хорошо, что легок телом —
Отлетел. А то б — конец...

Устоял — и сам с испугу
Теркин немцу дал леща,
Так что собственную руку
Чуть не вынес из плеча.

Черт с ней! Рад, что не промазал,
Хоть зубам не полон счет,
Но и немец левым глазом
Наблюденья не ведет.

Драка — драка, не игрушка!
Хоть огнем горит лицо,
Но и немец красной юшкой
Разукрашен, как яйцо.

Вот он — в полвершке — противник.
Носом к носу. Теснота.
До чего же он противный —
Дух у немца изо рта.

Злобно Теркин сплюнул кровью.
Ну и запах! Валит с ног.
Ах ты, сволочь, для здоровья,
Не иначе, жрешь чеснок!

Ты куда спешил — к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам честь?
Подавай! А кто ты есть,

Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спросясь, не скинув шапки
И не вытерши сапог?

Со старухой сладить в силе?
Подавай! Нет, кто ты есть,
Что должны тебе в России
Подавать мы пить и есть?

Не калека ли убогий,
Или добрый человек —
Заблудился
По дороге,
Попросился
На ночлег?

Добрым людям люди рады.
Нет, ты сам себе силен.
Ты наводишь
Свой порядок.
Ты приходишь —
Твой закон.

Кто ж ты есть? Мне толку нету,
Чей ты сын и чей отец.
Человек по всем приметам,—
Человек ты? Нет. Подлец!

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю — зверь и враг — врагу.

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит,—
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка все решит.

А вблизи от деревушки,
Где застал их свет дневной,
Самолеты, танки, пушки
У обоих за спиной.

Но до боя нет им дела,
И ни звука с тех сторон.
В одиночку — грудью, телом
Бьется Теркин, держит фронт.

На печальном том задворке,
У покинутых дворов
Держит фронт Василий Теркин,
В забытьи глотая кровь.

Бьется насмерть парень бравый.
Так что дым стоит сырой,
Словно вся страна-держава
Видит Теркина:
— Герой!

Что страна! Хотя бы рота
Видеть издали могла,
Какова его работа
И какие тут дела.

Только Теркин не в обиде.
Не затем на смерть идешь,
Чтобы кто-нибудь увидел.
Хорошо б. А нет — ну что ж...

Бьется насмерть парень бравый —
Так, как бьются на войне.

И уже рукою правой
Он владеет не вполне.

Кость гудит от раны старой,
И ему, чтоб крепче бить,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Бьется Теркин,
В драке зоркий,
Утирает кровь и пот.
Изнемог, убился Теркин,
Но и враг уже не тот.

Далеко не та заправка,
И побита морда вся,
Словно яблоко-полявка,
Что иначе есть нельзя.

Кровь — сосульками. Однако
В самый жар вступает драка.

Немец горд.
И Теркин горд.
— Раз ты пес, так я — собака,
Раз ты черт,
Так сам я — черт!

Ты не знал мою натуру,
А натура — первый сорт.
В клочья шкуру —
Теркин чуру
Не попросит. Вот где черт!

Кто одной боится смерти —
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты черт. Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.

Бей, не милуй. Зубы стисну.
А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

Отоспись на мне, будь ласков,
Да свали меня вперед.

Ах, ты вон как! Драться каской?
Ну не подлый ли народ!

Хорошо же! —
                    И тогда-то,
Злость и боль забрав в кулак,
Незаряженной гранатой
Теркин немца — с левой — шмяк!

Немец охнул и обмяк...

Теркин ворот нараспашку,
Теркин сел, глотает снег,
Смотрит грустно, дышит тяжко,—
Поработал человек.

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, ко двору —
В батальон идти обратно
Из разведки поутру.

По земле ступать советской,
Думать — мало ли о чем!
Автомат нести немецкий,
Между прочим, за плечом.

«Языка» — добычу ночи,—
Что идет, куда не хочет,
На три шага впереди
Подгонять:
— Иди, иди...

Видеть, знать, что каждый встречный-
Поперечный — это свой.
Не знаком, а рад сердечно,
Что вернулся ты живой.

Доложить про все по форме,
Сдать трофеи не спеша.
А потом тебя покормят,—
Будет мерою душа.

Старшина отпустит чарку,
Строгий глаз в нее кося.
А потом у печки жаркой
Ляг, поспи. Война не вся.

Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

ОТ АВТОРА

Сто страниц минуло в книжке,
Впереди — не близкий путь.
Стой-ка, брат. Без передышки
Невозможно. Дай вздохнуть.

Дай вздохнуть, возьми в догадку:
Что теперь, что в старину —
Трудно слушать по порядку
Сказку длинную одну
Все про то же — про войну.

Про огонь, про снег, про танки,
Про землянки да портянки,
Про портянки да землянки,
Про махорку и мороз...

Вот уж нынче повелось:
Рыбаку лишь о путине,
Печнику дудят о глине,
Леснику о древесине,
Хлебопеку о квашне,
Коновалу о коне,
А бойцу ли, генералу —
Не иначе — о войне.

О войне — оно понятно,
Что война. А суть в другом:
Дай с войны прийти обратно
При победе над врагом.

Учинив за все расплату,
Дай вернуться в дом родной
Человеку. И тогда-то
Сказки нет ему иной.

И тогда ему так сладко
Будет слушать по порядку
И подробно обо всем,
Что изведано горбом,
Что исхожено ногами,
Что испытано руками,
Что повидано в глаза
И о чем, друзья, покамест
Все равно — всего нельзя...

Мерзлый грунт долби, лопата,
Танк — дави, греми — граната,
Штык — работай, бомба — бей.
На войне душе солдата
Сказка мирная милей.

Друг-читатель, я ли спорю,
Что войны милее жизнь?
Да война ревет, как море
Грозно в дамбу упершись.

Я одно скажу, что нам бы
Поуправиться с войной.
Отодвинуть эту дамбу
За предел земли родной.

А покуда край обширный
Той земли родной — в плену,
Я — любитель жизни мирной —
На войне пою войну.

Что ж еще? И все, пожалуй
Та же книга про бойца.
Без начала, без конца,
Без особого сюжета,
Впрочем, правде не во вред.

На войне сюжета нету.
— Как так нету?
— Так вот, нет.

Есть закон — служить до срока,
Служба — труд, солдат — не гость.
Есть отбой — уснул глубоко,
Есть подъем — вскочил, как гвоздь.

Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед!..— Вперед.
Есть приказ: умри!..— Умрет.

На войне ни дня, ни часа
Не живет он без приказа,
И не может испокон
Без приказа командира
Ни сменить свою квартиру,
Ни сменить портянки он.

Ни жениться, ни влюбиться
Он не может, — нету прав,
Ни уехать за границу
От любви, как бывший граф.

Если в песнях и поется,
Разве можно брать в расчет,
Что герой мой у колодца,
У каких-нибудь ворот,
Буде случай подвернется,
Чью-то долю ущипнет?

А еще добавим к слову:
Жив-здоров герой пока,
Но отнюдь не заколдован
От осколка-дурака,
От любой дурацкой пули,
Что, быть может, наугад,
Как пришлось, летит вслепую,
Подвернулся,— точка, брат.

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит —
Угадать вперед нельзя.

И до той глухой разлуки,
Что бывает на войне,
Рассказать еще о друге
Кое-что успеть бы мне.

Тем же ладом, тем же рядом,
Только стежкою иной.

Пушки к бою едут задом,—
Это сказано не мной.

«КТО СТРЕЛЯЛ!»

Отдымился бой вчерашний,
Высох пот, металл простыл.
От окопов пахнет пашней,
Летом мирным и простым.

В полверсте, в кустах — противник,
Тут шагам и пядям счет.
Фронт. Война. А вечер дивный
По полям пустым идет.

По следам страды вчерашней,
По немыслимой тропе;
По ничьей, помятой, зряшной
Луговой, густой траве;

По земле, рябой от рытвин,
Рваных ям, воронок, рвов,
Смертным зноем жаркой битвы
Опаленных у краев...

И откуда по пустому
Долетел, донесся звук,
Добрый, давний и знакомый
Звук вечерний. Майский жук!

И ненужной горькой лаской
Растревожил он ребят,
Что в росой покрытых касках
По окопчикам сидят.

И такой тоской родною
Сердце сразу обволок!

Фронт, война. А тут иное:
Выводи коней в ночное,
Торопись на «пятачок».

Отпляшись, а там сторонкой
Удаляйся в березняк,
Провожай домой девчонку
Да целуй — не будь дурак,
Налегке иди обратно,
Мать заждалася...

И вдруг —
Вдалеке возник невнятный,
Новый, ноющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.

Звук тот самый, при котором
В прифронтовой полосе
Поначалу все шоферы
Разбегались от шоссе.

На одной постылой ноте
Ноет, воет, как в трубе.
И бежать при всей охоте
Не положено тебе.

Ты, как гвоздь, на этом взгорке
Вбился в землю. Не тоскуй.
Ведь — согласно поговорке —
Это малый сабантуй...

Ждут, молчат, глядят ребята,
Зубы сжав, чтоб дрожь унять.
И, как водится, оратор
Тут находится под стать.

С удивительной заботой
Подсказать тебе горазд:
— Вот сейчас он с разворота
И начнет. И жизни даст.
Жизни даст!

Со страшным ревом
Самолет ныряет вниз,
И сильнее нету слова
Той команды, что готова
На устах у всех:
— Ложись!..

Смерть есть смерть. Ее прихода
Все мы ждем по старине.
А в какое время года
Легче гибнуть на войне?

Летом солнце греет жарко,
И вступает в полный цвет
Все кругом. И жизни жалко
До зарезу. Летом — нет.

В осень смерть под стать картине,
В сон идет природа вся.
Но в грязи, в окопной глине
Вдруг загнуться? Нет, друзья...

А зимой — земля, как камень,
На два метра глубиной,
Привалит тебя комками,—
Нет уж, ну ее — зимой.

А весной, весной... Да где там,
Лучше скажем наперед:
Если горько гибнуть летом,
Если осенью — не мед,
Если в зиму дрожь берет,
То весной, друзья, от этой
Подлой штуки — душу рвет.

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.

Ты лежишь ничком, парнишка
Двадцати неполных лет.
Вот сейчас тебе и крышка,
Вот тебя уже и нет.

Ты прижал к вискам ладони,
Ты забыл, забыл, забыл,
Как траву щипали кони,
Что в ночное ты водил.

Смерть грохочет в перепонках,
И далек, далек, далек
Вечер тот и та девчонка,
Что любил ты и берег.

И друзей и близких лица,
Дом родной, сучок в стене...
Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне.

Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу,
Смерть встречай лицом к лицу,
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если все пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?
То не шутки — бой идет.
Встал один и бьет с колена
Из винтовки в самолет.

Трехлинейная винтовка
На брезентовом ремне,
Да патроны с той головкой,
Что страшна стальной броне.

Бой неравный, бой короткий.
Самолет чужой, с крестом,
Покачнулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом.

Накренясь, пошел по кругу,
Кувыркается над лугом,—
Не задерживай — давай,
В землю штопором въезжай!

Сам стрелок глядит с испугом:
Что наделал невзначай.

Скоростной, военный, черный,
Современный, двухмоторный
Самолет — стальная снасть —
Ухнул в землю, завывая,
Шар земной пробить желая
И в Америку попасть.

— Не пробил, старался слабо.
— Видно, место прогадал.

— Кто стрелял? — звонят из штаба.—
Кто стрелял, куда попал?

Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал.
— Разыскать тотчас героя.
Кто стрелял?
А кто стрелял?

Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он — свой среди своих —
Не зенитчик и не летчик,
А герой — не хуже их?

Вот он сам стоит с винтовкой,
Вот поздравили его.
И как будто всем неловко —
Неизвестно отчего.

Виноваты, что ль, отчасти?
И сказал сержант спроста:
— Вот что значит парню счастье,
Глядь — и орден, как с куста!

Не промедливши с ответом.
Парень сдачу подает:
— Не горюй, у немца этот —
Не последний самолет...

С этой шуткой-поговоркой,
Облетевшей батальон,
Перешел в герои Теркин,—
Это был, понятно, он.

О ГЕРОЕ

— Нет, поскольку о награде
Речь опять зашла, друзья,
То уже не шутки ради
Кое-что добавлю я.

Как-то в госпитале было.
День лежу, лежу второй.
Кто-то смотрит мне в затылок,
Погляжу, а то — герой.

Сам собой, сказать,— мальчишка,
Недолеток-стригунок.
И мутит меня мыслишка:
Вот он мог, а я не мог...

Разговор идет меж нами,
И спроси я с первых слов:
— Вы откуда родом сами —
Не из наших ли краев?

Смотрит он:
— А вы откуда? —
Отвечаю:
— Так и так,
Сам как раз смоленский буду,
Может, думаю, земляк?

Аж привстал герой:
— Ну что вы,
Что вы,— вскинул головой,—
Я как раз из-под Тамбова,—
И потрогал орден свой.

И умолкнул. И похоже,
Подчеркнуть хотел он мне,
Что таких, как он, не может
Быть в смоленской стороне;

Что уж так они вовеки
Различаются места,
Что у них ручьи и реки
И сама земля не та,
И полянки, и пригорки,
И козявки, и жуки...

И куда ты, Васька Теркин,
Лезешь сдуру в земляки!

Так ли, нет — сказать,— не знаю,
Только мне от мысли той
Сторона моя родная
Показалась сиротой,
Сиротинкой, что не видно
На народе, на кругу...

Так мне стало вдруг обидно,—
Рассказать вам не могу.

Это да, что я не гордый
По характеру, а все ж
Вот теперь, когда я орден
Нацеплю, скажу я: врешь!

Мы в землячество не лезем,
Есть свои у нас края.
Ты — тамбовский? Будь любезен.
А смоленский — вот он я.

Не иной какой, не энский,
Безымянный корешок,
А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —

Кто в рожки тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед.

Заведет, задует сивая
Лихая борода:
Ты куда, моя красивая,
Куда идешь, куда...

И ведет, поет, заяривает —
Ладно, что без слов,
Со слезою выговаривает
Радость и любовь.

И за ту одну старинную
За музыку-рожок
В край родной дорогу длинную
Сто раз бы я прошел.

Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне родина,
Родная сторона!

ГЕНЕРАЛ

Заняла война полсвета,
Стон стоит второе лето.
Опоясал фронт страну.
Где-то Ладога... А где-то
Дон — и то же на Дону...

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед...
Где-то яблоня цветет,
И моряк в одной тельняшке
Тащит степью пулемет...

Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда...
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда...

Где-то будто на задворке,
Будто знать про то не знал,
На своем участке Теркин
В обороне загорал.

У лесной глухой речушки,
Что катилась вдоль войны,
После доброй постирушки
Поразвесил для просушки
Гимнастерку и штаны.

На припеке обнял землю.
Руки выбросил вперед
И лежит и так-то дремлет,
Может быть, за целый год.

И речушка — неглубокий
Родниковый ручеек —
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.

И курлычет с тихой лаской,
Моет камушки на дне.
И выходит не то сказка,
Не то песенка во сне.

Я на речке ноги вымою.
Куда, реченька, течешь?
В сторону мою, родимую,
Может, где-нибудь свернешь.

Может, где-нибудь излучиной
По пути зайдешь туда
И под проволокой колючею
Проберешься без труда,

Меж немецкими окопами,
Мимо вражеских постов,
Возле пушек, в землю вкопанных,
Промелькнешь из-за кустов.

И тропой своей исконною
Протечешь ты там, как тут,
И ни пешие, ни конные
На пути не переймут.

Дотечешь дорогой кружною
До родимого села.
На мосту солдаты с ружьями,—
Ты под мостиком прошла.

Там печаль свою великую,
Что без края и конца,
Над тобой, над речкой, выплакать,
Может, выйдет мать бойца.

Над тобой, над малой речкою,
Над водой, чей путь далек,
Послыхать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что цел сынок.

Помороженный, простуженный
Отдыхает он, герой,
Битый, раненый, контуженный,
Да здоровый и живой...

Теркин — много ли дремал он,
Землю-мать прижав к щеке,—
Слышит:
— Теркин, к генералу
На одной давай ноге.

Посмотрел, поднялся Теркин,
Тут связной стоит.
— Ну что ж,
Без штанов, без гимнастерки
К генералу не пойдешь.

Говорит, чудит, а все же
Сам, волнуясь и сопя,
Непросохшую одежу
Спешно пялит на себя.
Приросла к спине — не стронет...

— Теркин, сроку пять минут.
— Ничего. С земли не сгонят,
Дальше фронта не пошлют.

Подзаправился на славу,
И хоть знает наперед,
Что совсем не на расправу
Генерал его зовет,—
Все ж у главного порога
В генеральском блиндаже —
Был бы бог, так Теркин богу
Помолился бы в душе.

Шутка ль, если разобраться:
К генералу входишь вдруг,—
Генерал — один на двадцать,
Двадцать пять, а может статься,
И на сорок верст вокруг.

Генерал стоит над нами,—
Оробеть при нем не грех,—
Он не только что чинами,
Боевыми орденами,
Он годами старше всех.

Ты, обжегшись кашей, плакал,
Ты пешком ходил под стол,
Он тогда уж был воякой,
Он ходил уже в атаку,
Взвод, а то и роту вел.

И на этой половине —
У передних наших линий,
На войне — не кто как он
Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.

Честью, друг, считай немалой,
Заработанной в бою,
Услыхать от генерала
Вдруг фамилию свою.

Знай: за дело, за заслугу
Жмет тебе он крепко руку
Боевой своей рукой.

— Вот, брат, значит, ты какой.
Богатырь. Орел. Ну, просто —
Воин! — скажет генерал.

И пускай ты даже ростом
И плечьми всего не взял,
И одет не для парада,—
Тут война — парад потом,—
Говорят: орел, так надо
И глядеть и быть орлом.

Стой, боец, с достойным видом,
Понимай, в душе имей:
Генерал награду выдал —
Как бы снял с груди своей —
И к бойцовской гимнастерке

Прикрепил немедля сам.
И ладонью:
— Вот, брат Теркин,—
По лихим провел усам.

В скобках надобно, пожалуй,
Здесь отметить, что усы,
Если есть у генерала,
То они не для красы.

На войне ли, на параде
Не пустяк, друзья, когда
Генерал усы погладил
И сказал хотя бы:
— Да...

Есть привычка боевая,
Есть минуты и часы...
И не зря еще Чапаев
Уважал свои усы.

Словом — дальше. Генералу
Показалось под конец,
Что своей награде мало
Почему-то рад боец.

Что ж, боец — душа живая,
На войне второй уж год...

И не каждый день сбивают
Из винтовки самолет.

Молодца и в самом деле
Отличить расчет прямой.

— Вот что, Теркин, на неделю
Можешь с орденом — домой...

Теркин — понял ли, не понял,
Иль не верит тем словам?
Только дрогнули ладони
Рук, протянутых по швам.

Про себя вздохнув глубоко,
Теркин тихо отвечал:
— На неделю мало сроку
Мне, товарищ генерал...

Генерал склонился строго:
— Как так мало? Почему?
— Потому — трудна дорога
Нынче к дому моему.
Дом-то вроде недалечко,
По прямой — пустяшный путь...

— Ну а что ж?
— Да я не речка,
Чтоб легко туда шмыгнуть.
Мне по крайности вначале
Днем соваться не с руки.
Мне идти туда ночами,
Ну, а ночи коротки...

Генерал кивнул:
— Понятно!
Дело с отпуском — табак.—
Пошутил:
— А как обратно
Ты пришел бы?..
— Точно ж так...

Сторона моя лесная,
Каждый кустик мне — родня.
Я пути такие знаю,
Что поди поймай меня!

Мне там каждая знакома
Борозденка под межой.
Я — смоленский. Я там дома.
Я там — свой, а *он* — чужой.

— Погоди-ка. Ты без шуток.
Ты бы вот что мне сказал...

И как будто в ту минуту
Что-то вспомнил генерал.

На бойца взглянул душевней
И сказал, шагнув к стене:
— Ну-ка, где твоя деревня?
Покажи по карте мне.

Теркин дышит осторожно
У начальства за плечом.
— Можно,— молвит,— это можно.
Вот он Днепр, а вот мой дом.

Генерал отметил точку.
— Вот что, Теркин, в одиночку
Не резон тебе идти.
Потерпи уж, дай отсрочку,
Нам с тобою по пути...

Отпуск точно, аккуратно
За тобой прошу учесть.

И боец сказал:
— Понятно.—
И еще добавил:
— Есть.

Встал по форме у порога,
Призадумался немного,
На секунду на одну...

Генерал усы потрогал
И сказал, поднявшись:
— Ну?..

Скольких он, над картой сидя,
Словом, подписью своей,
Перед тем в глаза не видя,
Посылал на смерть людей!

Что же, всех и не увидишь,
С каждым к росстаням не выйдешь,
На прощанье всем нельзя
Заглянуть тепло в глаза.

Заглянуть в глаза, как другу,
И пожать покрепче руку,

И по имени назвать,
И удачи пожелать,
И, помедливши минутку,
Ободрить старинной шуткой:
Мол, хотя и тяжело,
А, между прочим, ничего...

Нет, на всех тебя не хватит,
Хоть какой ты генерал.

Но с одним проститься кстати
Генерал не забывал.

Обнялись они, мужчины,
Генерал-майор с бойцом,—
Генерал — с любимым сыном,
А боец — с родным отцом.

И бойцу за тем порогом
Предстояла путь-дорога
На родную сторону,
Прямиком через войну.

О СЕБЕ

Я покинул дом когда-то,
Позвала дорога вдаль.
Не мала была утрата,
Но светла была печаль.

И годами с грустью нежной —
Меж иных любых тревог —
Угол отчий, мир мой прежний
Я в душе моей берег.

Да и не было помехи
Взять и вспомнить наугад
Старый лес, куда в орехи
Я ходил с толпой ребят.

Лес — ни пулей, ни осколком
Не пораненный ничуть,
Не порубленный без толку,
Без порядку как-нибудь;
Не корчеванный фугасом,
Не поваленный огнем,
Хламом гильз, жестянок, касок
Не заваленный кругом;

Блиндажами не изрытый,
Не обкуренный зимой,
Ни своими не обжитый,
Ни чужими под землей.

Милый лес, где я мальчонкой
Плел из веток шалаши,
Где однажды я теленка,
Сбившись с ног, искал в глуши...

Полдень раннего июня
Был в лесу, и каждый лист,
Полный, радостный и юный,
Был горяч, но свеж и чист.

Лист к листу, листом прикрытый,
В сборе лиственном густом
Пересчитанный, промытый
Первым за лето дождем.

И в глуши родной, ветвистой,
И в тиши дневной, лесной
Молодой, густой, смолистый,
Золотой держался зной.

И в спокойной чаще хвойной
У земли мешался он
С муравьиным духом винным
И пьянил, склоняя в сон.

И в истоме птицы смолкли...
Светлой каплею смола
По коре нагретой елки,
Как слеза во сне, текла...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть иль нет?

Детства день, до гроба милый,
Детства сон, что сердцу свят,
Как легко все это было
Взять и вспомнить год назад.

Вспомнить разом что придется —
Сонный полдень над водой,
Дворик, стежку до колодца,
Где песочек золотой;
Книгу, читанную в поле,
Кнут, свисающий с плеча,
Лед на речке, глобус в школе
У Ивана Ильича...

Да и не было запрета,
Проездной купив билет,
Вдруг туда приехать летом,
Где ты не был десять лет...

Чтобы с лаской, хоть не детской,
Вновь обнять старуху мать,
Не под проволокой немецкой
Нужно было проползать.

Чтоб со взрослой грустью сладкой
Праздник встречи пережить —
Не украдкой, не с оглядкой
По родным лесам кружить.

Чтоб сердечным разговором
С земляками встретить день —
Не нужда была, как вору,
Под стеною прятать тень...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край, страдающий в плену!
Я приду — лишь дня не знаю,
Но приду, тебя верну.

Не звериным робким следом
Я приду, твой кровный сын,—
Вместе с нашею победой
Я иду, а не один.

Этот час не за горою,
Для меня и для тебя...

А читатель той порою
Скажет:
— Где же про героя?
Это больше про себя.

Про себя? Упрек уместный,
Может быть, меня пресек.

Но давайте скажем честно:
Что ж, а я не человек?

Спорить здесь нужды не вижу,
Сознавайся в чем в другом.
Я ограблен и унижен,
Как и ты, одним врагом.

Я дрожу от боли острой,
Злобы горькой и святой.
Мать, отец, родные сестры
У меня за той чертой.
Я стонать от боли вправе
И кричать с тоски клятой.
То, что я всем сердцем славил
И любил, — за той чертой.

Друг мой, так же не легко мне,
Как тебе с глухой бедой.
То, что я хранил и помнил,
Чем я жил — за той, за той —
За неписаной границей,
Поперек страны самой,
Что горит, горит в зарницах
Вспышек — летом и зимой...

И скажу тебе, не скрою,—
В этой книге, там ли, сям,
То, что молвить бы герою,
Говорю я лично сам.
Я за все кругом в ответе,
И заметь, коль не заметил,
Что и Теркин, мой герой,
За меня гласит порой.
Он земляк мой и, быть может,
Хоть нимало не поэт,
Все же как-нибудь похоже
Размышлял. А нет, ну — нет.

Теркин — дальше. Автор — вслед.

БОЙ В БОЛОТЕ

Бой безвестный, о котором
Речь сегодня поведем,
Был, прошел, забылся скоро...
Да и вспомнят ли о нем?

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где брели бойцы понуро,
И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи.

Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шел великий,
Что один у всей страны;

Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки.

Он стоял за тем болотом
У конца лесной тропы,
В нем осталось ровным счетом
Обгорелых три трубы.

Там с открытых и закрытых
Огневых — кому забыть! —
Было бито, бито, бито,
И, казалось, что там бить?

Там в щебенку каждый камень,
В щепки каждое бревно.
Называлось там Борками
Место черное одно.

А в окружку — мох, болото,
Край от мира в стороне.
И подумать вдруг, что кто-то
Здесь родился, жил, работал,
Кто сегодня на войне.

Где ты, где ты, мальчик босый,
Деревенский пастушок,
Что по этим дымным росам,
Что по этим кочкам шел?

Бился ль ты в горах Кавказа
Или пал за Сталинград,
Мой земляк, ровесник, брат,
Верный долгу и приказу
Русский труженик-солдат.

Или, может, в этих дымах,
Что уже недалеки,
Видишь нынче свой родимый
Угол дедовский, Борки?

И у той черты недальной,
У земли многострадальной,
Что была к тебе добра,
Влился голос твой в печальный
И протяжный стон: «Ура-а...»

Как в бою удачи мало
И дела нехороши,
Виноватого, бывало,
Там попробуй поищи.

Артиллерия толково
Говорит — она права:
— Вся беда, что танки снова
В лес свернули по дрова.

А еще сложнее счеты,
Чуть танкиста повстречал:
— Подвела опять пехота.
Залегла. Пропал запал.

А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли
Лишь махнет рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.

Так идет оно по кругу,
И ругают все друг друга,
Лишь в согласье все подряд
Авиацию бранят.

Все хорошие ребята,
Как посмотришь — красота
И ничуть не виноваты,
И деревня не взята.

И противник по болоту,
По траншейкам торфяным
Садит вновь из минометов —
Что ты хочешь делай с ним.

Адреса разведал точно,
Шлет посылки спешной почтой,
И лежишь ты, адресат,
Изнывая, ждешь за кочкой,
Скоро ль мина влепит в зад.

Перемокшая пехота
В полный смак клянет болото,
Не мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.

Кто-нибудь еще расскажет,
Как лежали там в тоске.
Третьи сутки кукиш кажет
В животе кишка кишке.

Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газетки —
Козью ножку завернуть;

И ни спичек, ни махорки —
Все раскисло от воды.
— Согласись, Василий Теркин,
Хуже нет уже беды?

Тот лежит у края лужи,
Усмехнулся:
— Нет, друзья,
Во сто раз бывает хуже,
Это точно знаю я.

— Где уж хуже...
— А не спорьте,
Кто не хочет, тот не верь,
Я сказал бы: на курорте
Мы находимся теперь.

И глядит шутник великий
На людей со стороны.
Губы — то ли от черники,
То ль от холода черны.

Говорит:
— В своем болоте
Ты находишься сейчас.
Ты в цепи. Во взводе. В роте.
Ты имеешь связь и часть.

Даже сетовать неловко
При такой, чудак, судьбе.
У тебя в руках винтовка,
Две гранаты при тебе.

У тебя — в тылу ль, на фланге,—
Сам не знаешь, как силен,—
Бронебойки, пушки, танки.
Ты, брат,— это батальон.
Полк. Дивизия. А хочешь —

Фронт. Россия! Наконец,
Я скажу тебе короче
И понятней: ты — боец.

Ты в строю, прошу усвоить,
А быть может, год назад
Ты бы здесь изведал, воин,
То, что наш изведал брат.

Ноги б с горя не носили!
Где свои, где чьи края?
Где тот фронт и где Россия?
По какой рубеж своя?

И однажды ночью поздно,
От деревни в стороне
Укрывался б ты в колхозной,
Например, сенной копне...

Тут, озноб вдувая в души,
Долгой выгнувшись дугой,
Смертный свист скатился в уши,
Ближе, ниже, суше, глуше —
И разрыв!
За ним другой...

— Ну, накрыл. Не даст дослушать
Человека.
— Он такой...

И за каждым тем разрывом
На примолкнувших ребят
Рваный лист, кружась лениво,
Ветки сбитые летят.

Тянет всех, зовет куда-то,
Уходи, беда вот-вот...
Только Теркин:
— Брось, ребята,
Говорю — не попадет.

Сам сидит как будто в кресле...
Всех страхует от огня.

— Ну, а если?..
— А уж если...
Получи тогда с меня.

Слушай лучше. Я серьезно
Рассуждаю о войне.

Вот лежишь ты в той бесхозной,
В поле брошенной копне.

Немец где? До ближней хаты
Полверсты — ни дать ни взять,
И приходят два солдата
В поле сена навязать.

Из копнушки вяжут сено,
Той, где ты нашел приют,
Уминают под колено
И поют. И что ж поют!

Хлопцы, верьте мне, не верьте,
Только врать не стал бы я,
А поют худые черти,
Сам слыхал: «Москва моя».

Тут состроил Теркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец мог запеть.

До того тянул он криво,
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно,— печенки вон!

— Вот и смех тебе. Однако
Услыхал бы ты тогда
Эту песню,— ты б заплакал
От печали и стыда.

И смеешься ты сегодня,
Потому что, знай, боец:
Этой песни прошлогодней
Нынче немец не певец.

— Не певец-то — это верно,
Это ясно, час не тот...
— А деревню-то, примерно,
Вот берем — не отдает.

И с тоскою бесконечной,
Что, быть может, год берег,
Кто-то так чистосердечно,
Глубоко, как мех кузнечный,
Вдруг вздохнул:
— Ого, сынок!

Подивился Теркин вздоху,
Посмотрел,— ну, ну! — сказал,—
И такой ребячий хохот
Всех опять в работу взял.

— Ах ты, Теркин. Ну и малый.
И в кого ты удался,
Только мать, наверно, знала...
— Я от тетки родился.

— Теркин — теткин, елки-палки,
Сыпь еще назло врагу.

— Не могу. Таланта жалко.
До бомбежки берегу.
Получай тогда на выбор,
Что имею про запас.

— И за то тебе спасибо.
— На здоровье. В добрый час.

Заключить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?

Что с удачей постоянной
Теркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил!

Нет, товарищ, скажем прямо:
Был он долог до тоски,
Летний бой за этот самый
Населенный пункт Борки.

Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.

— Но позвольте, — скажут снова, —
Так о чем тут речь идет?

Речь идет о том болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно — в счет, не в счет —
Шли, ползли, лежали наши
Днем и ночью напролет;

Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков,
Населенный пункт Борки.

И в глуши, в бою безвестном,
В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них.

Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;

Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки,

Кто за тот, забытый ныне,
Населенный пункт Борки.

И Россия — мать родная —
Почесть всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна.

О ЛЮБВИ

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Не подарок, так белье
Собрала, быть может,
И что дольше без нее,
То она дороже.

И дороже этот час,
Памятный, особый,
Взгляд последний этих глаз,
Что забудь попробуй.

Обойдись в пути большом,
Глупой славы ради,
Без любви, что видел в нем,
В том прощальном взгляде.

Он у каждого из нас
Самый сокровенный
И бесценный наш запас,
Неприкосновенный.

Он про всякий час, друзья,
Бережно хранится.
И с товарищем нельзя
Этим поделиться,
Потому — он мой, он весь —
Мой, святой и скромный,
У тебя он тоже есть,
Ты подумай, вспомни.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

И приходится сказать,
Что из всех тех женщин,
Как всегда, родную мать
Вспоминают меньше.

И не принято родной
Сетовать напрасно,—
В срок иной, в любви иной
Мать сама была женой
С тем же правом властным.

Да, друзья, любовь жены,—
Кто не знал — проверьте,—
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

Ты ей только не перечь,
Той любви, что вправе
Ободрить, предостеречь,
Осудить, прославить.

Вновь достань листок письма,
Перечти сначала,
Пусть в землянке полутьма,
Ну-ка, где она сама
То письмо писала?

При каком на этот раз
Примостилась свете?
То ли спали в этот час,
То ль мешали дети.
То ль болела голова
Тяжко, не впервые,
Оттого, брат, что дрова
Не горят сырые?..

Впряжена в тот воз одна,
Разве не устанет?

Да зачем тебе жена
Жаловаться станет?

Жены думают, любя,
Что иное слово
Все ж скорей найдет тебя
На войне живого.

Нынче жены все добры,
Беззаветны вдосталь,
Даже те, что до поры
Были ведьмы просто.

Смех — не смех, случалось мне
С женами встречаться,
От которых на войне
Только и спасаться.

Чем томиться день за днем
С той женою-крошкой,
Лучше ползать под огнем
Или под бомбежкой.

Лучше, пять пройдя атак,
Ждать шестую в сутки...
Впрочем, это только так,
Только ради шутки.

Нет, друзья, любовь жены —
Сотню раз проверьте,—
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

И одно сказать о ней
Вы б могли вначале:
Что короче, что длинней —
Та любовь, война ли?

Но, бестрепетно в лицо
Глядя всякой правде,
Я замолвил бы словцо
За любовь, представьте.

Как война на жизнь ни шла,
Сколько ни пахала,
Но любовь пережила
Срок ее немалый.

И недаром нету, друг,
Письмеца дороже,
Что из тех далеких рук,
Дорогих усталых рук
В трещинках по коже,

И не зря взываю я
К женам настоящим:
— Жены, милые друзья,
Вы пишите чаще.

Не ленитесь к письмецу
Приписать, что надо.
Генералу ли, бойцу,
Это— как награда.

Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны короткий путь,
У любви — далекий.

И ее большому дню
Сроки близки ныне.

А к чему я речь клоню?
Вот к чему, родные.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Но хотя и жалко мне,
Сам помочь не в силе,
Что остался в стороне
Теркин мой Василий.

Не случилось никого
Проводить в дорогу.

Полюбите вы его,
Девушки, ей-богу!

Любят летчиков у нас,
Конники в почете.

Обратитесь, просим вас,
К матушке-пехоте!

Пусть тот конник на коне,
Летчик в самолете,
И, однако, на войне
Первый ряд — пехоте.

Пусть танкист красив собой
И горяч в работе,
А ведешь машину в бой —
Поклонись пехоте.

Пусть форсист артиллерист
В боевом расчете,
Отстрелялся— не гордись,
Дела суть — в пехоте.

Обойдите всех подряд,
Лучше не найдете:
Обратите нежный взгляд,
Девушки, к пехоте.

Полюбите молодца,
Сердце подарите,
До победного конца
Верно полюбите!

ОТДЫХ ТЕРКИНА

На войне — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,—
Там, где случай приведет,—

Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь кой-как друг к дружке,
Отдохнуть... Минут шестьсот.

Даже больше б не мешало,
Но солдату на войне
Срок такой для сна, пожалуй,
Можно видеть лишь во сне.

И представь, что вдруг, покинув
В некий час передний край,
Ты с попутною машиной
Попадаешь прямо в рай.

Мы здесь вовсе не желаем
Шуткой той блеснуть спроста,
Что, мол, рай с передним краем
Это — смежные места.

Рай по правде. Дом. Крылечко.
Веник — ноги обметай.
Дальше — горница и печка.
Все, что надо. Чем не рай?

Вот и в книге ты отмечен,
Раздевайся, проходи.
И плечьми у теплой печи
На свободе поведи.

Осмотрись вокруг детально,
Вот в ряду твоя кровать.
И учти, что это — спальня,
То есть место — специально
Для того, чтоб только спать.

Спать, солдат, весь срок недельный,
Самолично, безраздельно
Занимать кровать свою,
Спать в сухом тепле постельном,
Спать в одном белье нательном,
Как положено в раю.

И по строгому приказу,
Коль тебе здесь быть пришлось,
Ты помимо сна обязан
Пищу в день четыре раза
Принимать. Но как? — вопрос.

Всех привычек перемена
Поначалу тяжела.
Есть в раю нельзя с колена,
Можно только со стола.

И никто в раю не может
Бегать к кухне с котелком,
И нельзя сидеть в одеже
И корежить хлеб штыком.

И такая установка
Строго-настрого дана,
Что у ног твоих винтовка
Находиться не должна.

И в ущерб своей привычке
Ты не можешь за столом
Утереться рукавичкой
Или — так вот — рукавом.

И когда покончишь с пищей,
Не забудь еще, солдат,
Что в раю за голенище
Ложку прятать не велят.

Все такие оговорки
Разобрав, поняв путем,
Принял в счет Василий Теркин
И решил:
— Не пропадем.

Вот обед прошел и ужин.
— Как вам нравится у нас?
— Ничего. Немножко б хуже,
То и было б в самый раз...

Покурил, вздохнул и на бок.
Как-то странно голове.
Простыня — пускай одна бы,
Нет, так на, мол, сразу две.

Чистота — озноб по коже,
И неловко, что здоров,
А до крайности похоже,
Будто в госпитале вновь.

Бережет плечо в кровати,
Головой не повернет.
Вот и девушка в халате
Совершает свой обход.

Двое справа, трое слева
К ней разведчиков тотчас.
А она, как королева:
Мол, одна, а сколько вас.

Теркин смотрит сквозь ресницы:
О какой там речь красе.
Хороша, как говорится,
В прифронтовой полосе.

Хороша, при смутном свете,
Дорога, как нет другой,
И видать, ребята эти
Отдохнули день, другой...

Сон-забвенье на пороге,
Ровно, сладко дышит грудь.
Ах, как холодно в дороге
У объезда где-нибудь!

Как прохватывает ветер,
Как луна теплом бедна!
Ах, как трудно все на свете:
Служба, жизнь, зима, война.

Как тоскует о постели
На войне солдат живой!
Что ж не спится в самом деле?
Не укрыться ль с головой?

Полчаса и час проходит,
С боку на бок, навзничь, ниц.
Хоть убейся — не выходит.
Все храпят, а ты казнись.

То ли жарко, то ли зябко,
Не понять, а сна все нет.
— Да надень ты, парень, шапку,—
Вдруг дают ему совет.

Разъясняют:
— Ты не первый,
Не второй страдаешь тут.
Поначалу наши нервы
Спать без шапки не дают.

И едва надел родимый
Головной убор солдат,
Боевой, пропахший дымом
И землей, как говорят,—

Тот, обношенный на славу
Под дождем и под огнем,
Что еще колючкой ржавой
Как-то прорван был на нем;

Тот, в котором жизнь проводишь,
Не снимая, — так хорош! —
И когда ко сну отходишь,
И когда на смерть идешь, —

Видит: нет, не зря послушал
Тех, что знали, в чем резон:
Как-то вдруг согрелись уши,
Как-то стало мягче, глуше —
И всего свернуло в сон.

И проснулся он до срока.
С чувством редкостным — точь-в-точь
Словно где-нибудь далеко
Побывал за эту ночь;

Словно выкупался где-то,
Где — хоть вновь туда вернись —
Не зима была, а лето,
Не война, а просто жизнь.

И с одной ногой обутой,
Шапку снять забыв свою,
На исходе первых суток
Он задумался в раю.

Хороши харчи и хата,
Осуждать не станем зря,
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Посудите сами, братцы,
Кто б чудней придумать мог:
Раздеваться, разуваться
На такой короткий срок.

Тут обвыкнешь — сразу крышка,
Чуть покинешь этот рай.
Лучше скажем: передышка.
Больше время не теряй.

Закусил, собрался, вышел,
Дело было на мази.
Грузовик идет,— заслышал,
Голосует:
— Подвези.

И, четыре пуда грузу
Добавляя по пути,

Через борт ввалился в кузов,
Постучал: давай, крути.

Ехал — близко ли, далеко —
Кому надо, вымеряй.
Только, рай, прощай до срока,
И опять — передний край.

Соскочил у поворота,—
Глядь — и дома, у огня.
— Ну, рассказывайте, что тут,
Как тут, хлопцы, без меня?

— Сам рассказывай. Кому же
Неохота знать тотчас,
Как там, что в раю у вас...

— Хорошо. Немножко б хуже,
Верно, было б в самый раз...

— Хорошо поспал, богато,
Осуждать не станем зря.
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Как дойдем до той границы
По Варшавскому шоссе,
Вот тогда, как говорится,
Отдохнем. И то не все.

А пока — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,
Где нам случай приведет,—

Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь плотней друг к дружке,
Отдохнуть.
А там — вперед.

В НАСТУПЛЕНИИ

Столько жили в обороне,
Что уже с передовой
Сами шли, бывало, кони,
Как в селе, на водопой.

И на весь тот лес обжитый,
И на весь передний край
У землянок домовитый
Раздавался песий лай.

И прижившийся на диво,
Петушок — была пора —
По утрам будил комдива,
Как хозяина двора.

И во славу зимних буден
В бане — пару не жалей —
Секлись вениками люди
Вязки собственной своей,

На войне, как на привале,
Отдыхали про запас,
Жили, «Теркина» читали
На досуге.
Вдруг — приказ...

Вдруг — приказ, конец стоянке.
И уж где-то далеки
Опустевшие землянки,
Сиротливые дымки.

И уже обыкновенно
То, что минул целый год,

Точно день. Вот так, наверно,
И война, и все пройдет...

И солдат мой поседелый,
Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как сражались под Москвой...

И с печалью горделивой
Он начнет в кругу внучат
Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят...

Трудно знать. Со стариками
Не всегда мы так добры.
Там посмотрим.
                        А покамест
Далеко до той поры.

* * *

Бой в разгаре. Дымкой синей
Серый снег заволокло.
И в цепи идет Василий,
Под огнем идет в село.

И до отчего порога,
До родимого села
Через то село дорога —
Не иначе — пролегла.

Что поделаешь — иному
И еще кружнее путь.
И идет иной до дому
То ли степью незнакомой,
То ль горами где-нибудь...

Низко смерть над шапкой свищет,
Хоть кого согнет в дугу.

Цепь идет, как будто ищет
Что-то в поле на снегу.

И бойцам, что помоложе,
Что впервые так идут,
В этот час всего дороже
Знать одно, что Теркин тут.

Хорошо — хотя ознобцем
Пронимает под огнем —
Не последним самым хлопцем
Показать себя при нем.

Толку нет, что в миг тоскливый,
Как снаряд берет разбег,
Теркин так же ждет разрыва,
Камнем кинувшись на снег;

Что над страхом меньше власти
У того в бою подчас,
Кто судьбу свою и счастье
Испытал уже не раз;

Что, быть может, эта сила
Уцелевшим из огня
Человека выносила
До сегодняшнего дня,—

До вот этой борозденки,
Где лежит, вобрав живот,
Он, обшитый кожей тонкой
Человек. Лежит и ждет...

Где-то там, за полем бранным,
Думу думает свою
Тот, по чьим часам карманным
Все часы идут в бою.

И за всей вокруг пальбою,
За разрывами в дыму
Он следит, владыка боя,
И решает, что к чему.

Где-то там, в песчаной круче,
В блиндаже сухом, сыпучем,
Глядя в карту, генерал

Те часы свои достал;
Хлопнул крышкой, точно дверкой,
Поднял шапку, вытер пот...

И дождался, слышит Теркин:
— Взвод! За Родину! Вперед!..

И хотя слова он эти —
Клич у смерти на краю —
Сотни раз читал в газете
И не раз слыхал в бою, —

В душу вновь они вступали
С одинаковою той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой;

С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведет,
Что за все ответ священный
На себя уже берет.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

Лейтенант щеголеватый,
Конник, спешенный в боях,
По-мальчишечьи усатый,
Весельчак, плясун, казак,
Первым встал, стреляя с ходу,
Побежал вперед со взводом,
Обходя село с задов.
И пролег уже далеко
След его в снегу глубоком —
Дальше всех в цепи следов.

Вот уже у крайней хаты
Поднял он ладонь к усам:
— Молодцы! Вперед, ребята! —
Крикнул так молодцевато,
Словно был Чапаев сам.

Только вдруг вперед подался,
Оступился на бегу,
Четкий след его прервался
На снегу...

И нырнул он в снег, как в воду,
Как мальчонка с лодки в вир.
И пошло в цепи по взводу:
— Ранен! Ранен командир!..

Подбежали. И тогда-то,
С тем и будет не забыт,
Он привстал:
— Вперед, ребята!
Я не ранен. Я — убит...

Край села, сады, задворки —
В двух шагах, в руках вот-вот..
И увидел, понял Теркин,
Что вести его черед.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

И доверчиво по знаку,
За товарищем спеша,
С места бросились в атаку
Сорок душ — одна душа...

Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд
С похвалой, весьма горячей,
Друг о друге говорят.
— Танки действовали славно.
— Шли саперы молодцом.
— Артиллерия подавно
Не ударит в грязь лицом.
— А пехота!
— Как по нотам,
Шла пехота. Ну да что там!
Авиация — и та...

Словом, просто — красота.

И бывает так, не скроем,
Что успех глаза слепит:
Столько сыщется героев,
Что — глядишь — один забыт.

Но для точности примерной,
Для порядка генерал,
Кто в село ворвался первым,
Знать на месте пожелал.

Доложили, как обычно:
Мол, такой-то взял село,
Но не смог явиться лично,
Так как ранен тяжело.

И тогда из всех фамилий,
Всех сегодняшних имен —
Теркин — вырвалось — Василий!
Это был, конечно, он.

СМЕРТЬ И ВОИН

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Теркин
Неподобранный лежал.

Снег под ним, набрякши кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
— Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твоя подруга,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.
— Я не звал тебя, Косая,
Я солдат еще живой.

Смерть, смеясь, нагнулась ниже:
— Полно, полно, молодец,
Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой, да не жилец.

Мимоходом тенью смертной
Я твоих коснулась щек,
А тебе и незаметно,
Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...

— А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.
— Нужно мне... такую малость,
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласья,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь часе...

— Сам, выходит, подпишись? —
Смерть подумала.
— Ну что же,—
Подпишись, и на покой.
— Нет, уволь. Себе дороже.
— Не торгуйся, дорогой.

Все равно идешь на убыль.—
Смерть подвинулась к плечу.—
Все равно стянулись губы,
Стынут зубы...
— Не хочу.

— А смотри-ка, дело к ночи,
На мороз горит заря.
Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мерзнуть зря...

— Потерплю.
— Ну, что ты, глупый!
Ведь лежишь, всего свело.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб уже навек тепло.

Вижу, веришь. Вот и слезы,
Вот уж я тебе милей.

— Врешь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

— Что от счастья, что от боли —
Все равно. А холод лют.

Завилась поземка в поле.
Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,
Если кто и подберет.
Пожалеешь, что не умер
Здесь, на месте, без хлопот...

— Шутишь, Смерть, плетешь тенета.—
Отвернул с трудом плечо. —
Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то еще...

— А и встанешь, толку мало,—
Продолжала Смерть, смеясь.—
А и встанешь — все сначала:
Холод, страх, усталость, грязь...
Ну-ка, сладко ли, дружище,
Рассуди-ка в простоте.

— Что судить! С войны не взыщешь
Ни в каком уже суде.

— А тоска, солдат, в придачу:
Как там дома, что с семьей?

— Вот уж выполню задачу —
Кончу немца— и домой.

— Так. Допустим. Но тебе-то
И домой к чему прийти?
Догола земля раздета
И разграблена, учти.
Все в забросе.

— Я работник,
Я бы дома в дело вник.
— Дом разрушен.
— Я и плотник...
— Печки нету.
— И печник...
Я от скуки — на все руки,
Буду жив — мое со мной.

— Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой?
Иль еще каким калекой,—
Сам себе и то постыл...

И со Смертью Человеку
Спорить стало свыше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел. Спускалась ночь...

— При одном моем условье,
Смерть, послушай... я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой, не то с упреком
Уговариваться стал:

— Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?
Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?
Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных
И как выйдут на крылечко,—
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?
Полсловечка?
— Нет. Не дам...

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.

— Так пошла ты прочь, Косая,
Я солдат еще живой.

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,

Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

— Погоди. Резон почище
Я найду,— подашь мне знак...

— Стой! Идут за мною. Ищут.
Из санбата.
— Где, чудак?
— Вон, по стежке занесенной...

Смерть хохочет во весь рот:
— Из команды похоронной.
— Все равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят двое.
Об лопату звякнул лом.

— Вот еще остался воин.
К ночи всех не уберем.

— А и то: устали за день,
Доставай кисет, земляк.
На покойничке присядем
Да покурим натощак.

— Кабы, знаешь, до затяжки —
Щец горячих котелок.
— Кабы капельку из фляжки.
— Кабы так — один глоток.
— Или два...

И тут, хоть слабо,
Подал Теркин голос свой:
— Прогоните эту бабу,
Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука!
Видят: верно,— жив солдат.

— Что ты думаешь!
— А ну-ка,
Понесем его в санбат.

— Ну и редкостное дело,—
Рассуждают не спеша.—
Одно дело — просто тело,
А тут — тело и душа.

— Еле-еле душа в теле...
— Шутки, что ль, зазяб совсем.
А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в наркомзем...

— Не толкуй. Заждался малый.
Вырубай шинель во льду.
Поднимай.

А Смерть сказала:
— Я, однако, вслед пойду.

Земляки — они к работе
Приспособлены к иной.
Врете, мыслит, растрясете —
И еще он будет мой.

Два ремня да две лопаты,
Две шинели поперек.
— Береги, солдат, солдата.
— Понесли. Терпи, дружок. —
Норовят, чтоб меньше тряски,
Чтоб ровнее как-нибудь,
Берегут, несут с опаской:
Смерть сторонкой держит путь.

А дорога — не дорога,—
Целина, по пояс снег.
— Отдохнули б вы немного,
Хлопцы...
— Милый человек,—
Говорит земляк толково, —
Не тревожься, не жалей.
Потому несем живого,
Мертвый вдвое тяжелей.

А другой:
— Оно известно.

А еще и то учесть,
Что живой спешит до места,—
Мертвый дома — где ни есть.

— Дело, стало быть, в привычке,—
Заключают земляки.—
Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко теплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
Меж собой свои — дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку».

И, вздохнув, отстала Смерть.

ТЕРКИН ПИШЕТ

...И могу вам сообщить
Из своей палаты,
Что, большой любитель жить,
Выжил я, ребята.

И хотя натер бока,
Належался лежнем,
Говорят, зато нога
Будет лучше прежней.

И намерен я опять
Вскоре без подмоги
Той ногой траву топтать,
Встав на обе ноги...

Озабочен я сейчас
Лишь одной задачей,
Чтоб попасть в родную часть,
Никуда иначе.

С нею жил и воевал,
Курс наук усвоил,
Отступая, пыль глотал,
Наступая, снег черпал
Валенками воин.

И покуда что она
Для меня — солдата —
Все на свете, все сполна:
И родная сторона,
И семья, и хата.

И охота мне скорей
К ней в ряды вклиниться

И, дождавших добрых дней,
По Смоленщине своей
Топать до границы.

Впрочем, даже суть не в том,
Я скажу точнее:
Доведись другим путем
До конца идти, — пойдем,
Где угодно, с нею!

Если ж пуля в третий раз
Клюнет насмерть, злая,
То по крайности средь вас,
Братцы, свой последний час
Встретить я желаю.

Только с этим мы спешить
Без нужды не станем.
Я большой любитель жить,
Как сказал заране.

И, поскольку я спешу
Повстречаться с вами,
Генералу напишу
Теми же словами.

Полагаю, генерал
Как-никак уважит,—
Он мне орден выдавал,
В просьбе не откажет.

За письмом, надеюсь, вслед
Буду сам обратно...
Ну и повару привет
От меня двукратный.

Пусть и впредь готовит так,
Заправляя жирно,
Чтоб в котле стоял черпак
По команде «смирно»...

И одним слова свои
Заключить хочу я:

Что великие бои,
Как погоду, чую.

Так бывает у коня
Чувство близкой свадьбы...
До того большого дня
Мне без палок встать бы!

Сплю скорей да жду вестей.
Все сказал до корки...
Обнимаю вас, чертей.
Ваш
Василий Теркин.

ТЕРКИН — ТЕРКИН

Чья-то печка, чья-то хата,
На дрова распилен хлев...
Кто назябся — дело свято,
Тому надо обогрев.

Дело свято — чья там хата,
Кто их нынче разберет.
Грейся, радуйся, ребята,
Сборный, смешанный народ.

На полу тебе солома,
Задремалось, так ложись.
Не у тещи, и не дома,
Не в раю, однако, жизнь.

Тот сидит, разувши ногу,
Приподняв, глядит на свет.
Всю ощупывает строго,—
Узнает — его иль нет.

Тот, шинель смахнув без страху,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.

— Не один ты, братец, здесь.
— Отслонитесь, хлопцы. Темень...
— Что ты, правда, как тот немец...
— Нынче немец сам не тот.

— Ну, брат, он еще дает,
Отпускает, не скупится...
— Все же с прежним не сравнится,—

Снял сапог с одной ноги.
— Дело ясное,— беги!

— Охо-хо. Война, ребятки.
— А ты думал! Вот чудак.
— Лучше нет — чайку в достатке,
Хмель — он греет, да не так.

— Это чья же установка
Греться чаем? Вот и врешь.
— Эй, не ставь к огню винтовку...
— А еще кулеш хорош...

Опрокинутый истомой,
Теркин дремлет на спине,
От беседы в стороне.
Так ли, сяк ли, Теркин дома,
То есть — снова на войне...

Это раненым известно:
Воротись ты в полк родной —
Все не то: иное место
И народ уже иной.

Прибаутки, поговорки
Не такие ловит слух...
— Где-то наш Василий Теркин? —
Это слышит Теркин вдруг.

Привстает, шурша соломой,
Что там дальше — подстеречь.
Никому он не знакомый —
И о нем как будто речь.

Но сквозь шум и гам веселый,
Что кипел вокруг огня,
Вот он слышит новый голос:
— Это кто там про меня?..

— Про тебя? —
Без оговорки
Тот опять:
— Само собой.

— Почему?
— Так я же Теркин.

Это слышит Теркин мой.

Что-то странное творится,
Непонятное уму.
Повернулись тотчас лица
Молча к Теркину. К тому.

Люди вроде оробели:
— Теркин — лично?
— Я и есть.
— В самом деле?
— В самом деле.
— Хлопцы, хлопцы, Теркин здесь!

— Не свернете ли махорки? —
Кто-то вытащил кисет.
И не мой, а тот уж Теркин
Говорит:
— Махорки? Нет.

Теркин мой — к огню поближе,
Отгибает воротник.
Поглядит, а он-то рыжий —
Теркин тот, его двойник.

Если б попросту махорки
Теркин выкурил второй,
И не встрял бы, может, Теркин,
Промолчал бы мой герой.

Но, поскольку водит носом,
Задается человек,
Теркин мой к нему с вопросом:
— А у вас небось «Казбек»?

Тот помедлил чуть с ответом:
Мол, не понял ничего.
— Что ж, трофейной сигаретой
Угощу.—
Возьми его!

Видит мой Василий Теркин —
Не с того зашел конца.
И не то чтоб чувством горьким
Укололо молодца,—

Не любил людей спесивых,
И, обиду затая,
Он сказав, вздохнув лениво:
— Все же Теркин — это я...

Смех, волненье.
— Новый Теркин!
— Хлопцы, двое...
— Вот беда...
— Как дойдет их до пятерки,
Разбудите нас тогда.

— Нет, брат, шутишь,— отвечает
Теркин тот, поджав губу,—
Теркин — я.

— Да кто их знает,—
Не написано на лбу.

Из кармана гимнастерки
Рыжий — книжку:
— Что ж я вам...

— Точно: Теркин...
— Только Теркин
Не Василий, а Иван.

Но, уже с насмешкой глядя,
Тот ответил моему:
— Ты пойми, что рифмы ради
Можно сделать хоть Фому.

Этот выдохнул затяжку:
— Да, но Теркин-то — герой.

Тот шинелку нараспашку:
— Вот вам орден, вот другой,
Вот вам Теркин-бронебойщик,
Верьте слову, не молве.

И машин подбил я больше —
Не одну, а целых две...

Теркин будто бы растерян,
Грустно щурится в огонь.
— Я бы мог тебя проверить,
Будь бы здесь у нас гармонь.

Все кругом:
— Гармонь найдется,
Есть у старшего.
— Не тронь.
— Что не тронь?
— Смотри, проснется...
— Пусть проснется.
— Есть гармонь!

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно: гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

И к мехам припал щекою,
Строг и важен, хоть не брит,
И про вечер над рекою
Завернул, завел навзрыд...

Теркин мой махнул рукою:
— Ладно. Можешь,— говорит,—
Но одно тебя, брат, губит:
Рыжесть Теркину нейдет.

— Рыжих девки больше любят,—
Отвечает Теркин тот.

Теркин сам уже хохочет,
Сердцем щедрым наделен.
И не так уже хлопочет
За себя,— что Теркин он.

Чуть обидно, да приятно,
Что такой же рядом с ним.

Непонятно, да занятно
Всем ребятам остальным.

Молвит Теркин:
— Сделай милость,
Будь ты Теркин насовсем.
И пускай однофамилец
Буду я...

А тот:
— Зачем?..

— Кто же Теркин?
— Ну и лихо!..—
Хохот, шум, неразбериха...

Встал какой-то старшина
Да как крикнет:
— Тишина!

Что вы тут не разберете,
Не поймете меж собой?
По уставу каждой роте
Будет придан Теркин свой.

Слышно всем? Порядок ясен?
Жалоб нету? Ни одной?
Разойдись!

И я согласен
С этим строгим старшиной.
Я бы, может быть, и взводам
Придал Теркина в друзья...

Впрочем, все тут мимоходом
К разговору вставил я.

ОТ АВТОРА

По которой речке плыть,—
Той и славушку творить...

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Но еще не знал я, право,
Что с печатного столбца
Всем придешься ты по нраву,
А иным войдешь в сердца.

До войны едва в помине
Был ты, Теркин, на Руси.
Теркин? Кто такой? А ныне
Теркин — кто такой? — спроси.

— Теркин, как же!
— Знаем.
— Дорог.
Парень свой, как говорят.

— Словом, Теркин, тот, который
На войне лихой солдат,
На гулянке гость не лишний,
На работе — хоть куда...

Жаль, давно его не слышно,
Может, что худое вышло?
Может, с Теркиным беда?

— Не могло того случиться.
— Не похоже.

— Враки.
— Вздор...

— Как же, если очевидца
Подвозил один шофер.

В том бою лежали рядом,
Теркин будто бы привстал,
В тот же миг его снарядом
Бронебойным— наповал.

— Нет, снаряд ударил мимо.
А слыхали так, что мина...

— Пуля-дура...
— А у нас
Говорили, что фугас.

— Пуля, бомба или мина —
Все равно, не в том вопрос.
А слова перед кончиной
Он какие произнес?

— Говорил насчет победы.
Мол, вперед. Примерно так...

— Жаль,— сказал,— что до обеда
Я убитый, натощак.
Неизвестно, мол, ребята,
Отправляясь на тот свет,
Как там, что: без аттестата
Признают нас или нет?

— Нет, иное почему-то
Слышал раненый боец.
Молвил Теркин в ту минуту:
«Мне — конец, войне — конец».

Если так, тогда не верьте,
Разве это невдомек:
Не подвержен Теркин смерти,
Коль войне не вышел срок...

Шутки, слухи в этом духе
Автор слышит не впервой.

Правда правдой остается,
А молва себе — молвой.

Нет, товарищи, герою,
Столько лямку протащив,
Выходить теперь из строя? —
Извините! — Теркин жив!

Жив-здоров. Бодрей, чем прежде.
Помирать? Наоборот,
Я в такой теперь надежде:
Он меня переживет.

Все худое он изведал,
Он терял родимый край
И одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай!

С первых дней годины горькой
Мир слыхал сквозь грозный гром, —
Повторял Василий Теркин:
— Перетерпим. Перетрем...

Нипочем труды и муки,
Горечь бедствий и потерь.
А кому же книги в руки,
Как не Теркину теперь?!

Рассуди-ка, друг-товарищ,
Посмотри-ка, где ты вновь
На привалах кашу варишь,
В деревнях грызешь морковь.

Снова воду привелося
Из какой черпать реки!
Где стучат твои колеса,
Где ступают сапоги!

Оглянись, как встал с рассвета
Или ночь не спал, солдат,

Был иль не был здесь два лета,
Две зимы тому назад.

Вся она— от Подмосковья
И от Волжского верховья
До Днепра и Заднепровья
Вдаль на запад сторона,—
Прежде отданная с кровью,
Кровью вновь возвращена.

Вновь отныне это свято:
Где ни свет, то наша хата,
Где ни дым, то наш костер,
Где ни стук, то наш топор,
Что ни груз идет куда-то,—
Наш маршрут и наш мотор!

И такую-то махину,
Где гони, гони машину,—
Есть где ехать вдаль и вширь,
Он пешком, не вполовину,
Всю промерил, богатырь.

Богатырь не тот, что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.

Но покуда вздох в запасе,
Толку нет о смертном часе.
В муках тверд и в горе горд,
Теркин жив и весел, черт!

Праздник близок, мать-Россия,
Оберни на запад взгляд:
Далеко ушел Василий,
Вася Теркин, твой солдат.

То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег,—
В бой, вперед, в огонь кромешный

Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Разносись, молва, по свету:
Объявился старый друг...
— Ну-ка, к свету.
— Ну-ка, вслух.

ДЕД И БАБА

Третье лето. Третья осень.
Третья озимь ждет весны.
О своих нет-нет и спросим
Или вспомним средь войны.

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.

Вспомним вьюгу-завируху
Прифронтовой полосы,
Хату с дедом и старухой,
Где наш друг чинил часы.

Им бы не было износу
Впредь до будущей войны,
Но, как водится, без спросу
Снял их немец со стены:

То ли вещью драгоценной
Те куранты посчитал,
То ль решил с нужды военной,—
Как-никак цветной металл.

Шла зима, весна и лето.
Немец жить велел живым.
Шла война далеко где-то
Чередом глухим своим.

И в твоей родимой речке
Мылся немец тыловой.
На твоем сидел крылечке
С непокрытой головой.

И кругом его порядки,
И немецкий, привозной
На смоленской узкой грядке
Зеленел салат весной.

И ходил сторонкой, боком
Ты по улочке своей,—
Уберегся ненароком,
Жить живи, дышать не смей.

Так и жили дед да баба
Без часов своих давно,
И уже светилось слабо
На пустой стене пятно...

Но со страстью неизменной
Дед судил, рядил, гадал
О кампании военной,
Как в отставке генерал.

На дорожке возле хаты
Костылем старик чертил
Окруженья и охваты,
Фланги, клинья, рейды в тыл...

— Что ж, за чем там остановка? —
Спросят люди. Срок не мал...

Дед-солдат моргал неловко,
Кашлял:
— Перегруппировка...—
И таинственно вздыхал.

У людей уже украдкой
Наготове был упрек,
Словно добрую догадку
Дед по скупости берег.

Словно думал подорожe
Запросить с души живой.
— Дед, когда же?
— Дед, ну что же?
— Где ж он, дед, Буденный твой?

И едва войны погудки
Заводил вдали восток,
Дед, не медля ни минутки,
Объявлял, что грянул срок.

Отличал тотчас по слуху
Грохот наших батарей.
Бегал, топал:
— Дай им духу!
Дай еще! Добавь! Погрей!

Но стихала канонада,
Потухал зарниц пожар.
— Дед, ну что же?
— Думать надо,
Здесь не главный был удар.

И уже казалось деду,—
Сам хотел того иль нет,—
Перед всеми за победу
Лично он держал ответ.

И, тая свою кручину,
Для всего на свете он
И угадывал причину,
И придумывал резон.

Но когда пора настала,
Долгожданный вышел срок,
То впервые воин старый
Ничего сказать не мог...

Все тревоги, все заботы
У людей слились в одну:
Чтоб за час до той свободы
Не постигла смерть в плену.

* * *

В ночь, как все, старик с женой
Поселились в яме.
А война — не стороной,
Нет, над головами.

Довелось под старость лет:
Ни в пути, ни дома,
А у входа на тот свет
Ждать в часы приема.

Под накатом из жердей,
На мешке картошки,
С узелком, с горшком углей,
С курицей в лукошке...

Две войны прошел солдат
Целый, невредимый.
Пощади его, снаряд,
В конопле родимой!

Просвисти над головой,
Но вблизи не падай,
Даже если ты и свой,—
Все равно не надо!

Мелко крестится жена,
Сам не скроешь дрожи:
Ведь живая смерть страшна
И солдату тоже.

Стихнул грохот огневой
С полночи впервые.
Вдруг — шаги за коноплей.
— Ну, идут... немые...

По картофельным рядам
К погребушке прямо.
— Ну, старик, не выйти нам
Из готовой ямы.

Но старик встает, плюет
По-мужицки в руку,

За топор — и наперед:
Заслонил старуху.

Гибель верную свою,
Как тот миг ни горек,
Порешил встречать в бою,
Держит свой топорик.

Вот шаги у края — стоп!
И на шубу глухо
Осыпается окоп.
Обмерла старуха.

Все же вроде как жива,—
Наше место свято,—
Слышит русские слова:
— Жители, ребята?..

— Детки! Родненькие... Детки!..—
Уронил топорик дед.
— Мы, отец, еще в разведке,
Тех встречай, что будут вслед.

На подбор орлы-ребята,
Молодец до молодца.
И старшой у аппарата,—
Хоть ты что, знаком с лица.

— Закурить? Верти, папаша.—
Дед садится, вытер лоб.
— Ну, ребята, счастье ваше —
Голос подали. А то б...

И старшой ему кивает:
— Ничего. На том стоим.
На войне, отец, бывает —
Попадает по своим.

— Точно так.— И тут бы деду
В самый раз, что покурить,
В самый раз продлить беседу:
Столько ждал! — Поговорить.

Но они спешат не в шутку.
И еще не снялся дым...
— Погоди, отец, минутку,
Дай сперва освободим...

Молодец ему при этом
Подмигнул для красоты,
И его по всем приметам
Дед узнал:
— Так это ж ты!

Друг-знакомец, мастер-ухарь,
С кем сидели у стола.
Погляди скорей, старуха!
Узнаешь его, орла?

Та как глянула:
— Сыночек!
Голубочек. Вот уж гость.
Может, сала съешь кусочек,
Воевал, устал небось?

Смотрит он, шутник тот самый:
— Закусить бы счел за честь,
Но ведь нету, бабка, сала?
— Да и нет, а все же есть...

— Значит, цел, орел, покуда.
— Ну, отец, не только цел:
Отступал солдат отсюда,
А теперь, гляди, кто буду,—
Вроде даже офицер.

— Офицер? Так-так. Понятно,—
Дед кивает головой.—
Ну, а если... на попятный,
То опять как рядовой?..

— Нет, отец, забудь. Отныне
Нерушим простой завет:
Ни в большом, ни в малом чине
На попятный ходу нет.

Откажи мне в черствой корке,
Прогони тогда за дверь.
Это я, Василий Теркин,
Говорю. И ты уж верь.

— Да уж верю! Как получше,
Но какой теперь манер:
Господин, сказать, поручик
Иль товарищ офицер?

— Стар годами, слаб глазами,
И, однако, ты, старик,
За два года с господами
К обращению привык...

Дед — плеваться, а старуха,
Подпершись одной рукой,
Чуть склонясь и эту руку
Взявши под локоть другой,
Все смотрела, как на сына
Смотрит мать из уголка.

— Закуси еще,— просила,—
Закуси, поешь пока...

И спешил, а все ж отведал,
Угостился, как родной.
Табаку отсыпал деду
И простился.

— Связь, за мной! —
И уже пройдя немного,—
Мастер памятлив и тут,—
Теркин будто бы с порога
Про часы спросил:
— Идут?

— Как не так! — и вновь причина
Бабе кинуться в слезу.

— Будет, бабка! Из Берлина
Двое новых привезу.

НА ДНЕПРЕ

За рекой еще Угрою,
Что осталась позади,
Генерал сказал герою:
— Нам с тобою по пути...

Вот, казалось, парню счастье,
Наступать расчет прямой:
Со своей гвардейской частью
На войне придет домой.

Но едва ль уже мой Теркин,
Жизнью тертый человек,
При девчонках на вечерке
Помышлял курить «Казбек»...

Все же с каждым переходом,
С каждым днем, что ближе к ней,
Сторона, откуда родом,
Земляку была больней.

И в пути, в горячке боя,
На привале и во сне
В нем жила сама собою
Речь к родимой стороне:

— Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,
Здравствуй, сына привечай!

Здравствуй, пестрая осинка,
Ранней осени краса,
Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...

Мать-земля моя родная,
Я твою изведал власть,
Как душа моя больная
Издали к тебе рвалась!

Я загнул такого крюку,
Я прошел такую даль,
И видал такую муку,
И такую знал печаль!

Мать-земля моя родная,
Дымный дедовский большак,
Я про то не вспоминаю,
Не хвалюсь, а только так!..

Я иду к тебе с востока,
Я тот самый, не иной.
Ты взгляни, вздохни глубоко,
Встреться наново со мной.

Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня!..

Так в пути, в горячке боя,
В суете хлопот и встреч
В нем жила сама собою
Эта песня или речь.

Но война — ей все едино,
Все — хорошие края:
Что Кавказ, что Украина,
Что Смоленщина твоя.

Через реки и речонки,
По мостам, и вплавь, и вброд,
Мимо, мимо той сторонки
Шла дивизия вперед.

А левее той порою,
Ранней осенью сухой,
Занимал село героя
Генерал совсем другой...

Фронт полнел, как половодье,
Вширь и вдаль. К Днепру, к Днепру
Кони шли, прося поводья,
Как с дороги ко двору.

И в пыли, рябой от пота,
Фронтовой смеялся люд:
Хорошо идет пехота,
Раз колеса отстают.

Нипочем, что уставали
По пути к большой реке
Так, что ложку на привале
Не могли держать в руке.

Вновь сильны святым порывом,
Шли вперед своим путем,
Со страдальчески-счастливым,
От жары открытым ртом.

Слева наши, справа наши,
Не отстать бы на ходу.
— Немец кухни с теплой кашей
Второпях забыл в саду.

Подпереть его да в воду.
— Занял берег, сукин сын!
— Говорят, уж занял с ходу
Населенный пункт Берлин...

Золотое бабье лето
Оставляя за собой,
Шли войска — и вдруг с рассвета
Наступил днепровский бой...

Может быть, в иные годы,
Очищая русла рек,
Все, что скрыли эти воды,
Вновь увидит человек.

Обнаружит в илах сонных,
Извлечет из рыбьей мглы,
Как стволы дубов мореных,
Орудийные стволы;

Русский танк с немецким в паре,
Что нашли один конец,
И обоих полушарий
Сталь, резину и свинец;

Хлам войны— понтона днище,
Трос, оборванный в песке,
И топор без топорища,
Что сапер держал в руке.

Может быть, куда как пуще
И об этом топоре
Скажет кто-нибудь в грядущей
Громкой песне о Днепре;

О страде неимоверной
Кровью памятного дня.

Но о чем-нибудь, наверно,
Он не скажет за меня.

Пусть не мне еще с задачей
Было сладить. Не беда.
В чем-то я его богаче,—
Я ступал в тот след горячий.
Я там был. Я жил тогда...

Если с грузом многотонным
Отстают грузовики,
И когда-то мост понтонный
Доберется до реки,—

Под огнем не ждет пехота,
Уставной держась статьи,
За паром идут ворота;
Доски, бревна — за ладьи.

К ночи будут переправы,
В срок поднимутся мосты,
А ребятам берег правый
Свесил на воду кусты.

Подплывай, хватай за гриву,
Словно доброго коня.
Передышка под обрывом
И защита от огня.

Не беда, что с гимнастерки,
Со всего ручьем течет...
Точно так Василий Теркин
И вступил на берег тот.

На заре туман кудлатый,
Спутав дымы и дымки,
В берегах сползал куда-то,
Как река поверх реки.

И еще в разгаре боя,
Нынче, может быть, вот-вот,
Вместе с берегом, с землею
Будет в воду сброшен взвод.

Впрочем, всякое привычно,—
Срок войны, что жизни век.
От заставы пограничной
До Москвы-реки столичной
И обратно — столько рек!

Вот уже боец последний
Вылезает на песок
И жует сухарь немедля,
Потому — в Днепре намок.

Мокрый сам, шуршит штанами.
Ничего! — На то десант.
— Наступаем. Днепр за нами,
А, товарищ лейтенант?..

Бой гремел за переправу,
А внизу, южнее чуть —
Немцы с левого на правый,
Запоздав, держали путь.

Но уже не разминуться,
Теркин строго говорит:
— Пусть на левом в плен сдаются,
Здесь пока прием закрыт.

А на левом с ходу, с ходу
Подоспевшие штыки
Их толкали в воду, в воду,
А вода себе теки...

И еще меж берегами
Без разбору, наугад
Бомбы сваи помогали
Загонять, стелить накат.

Но уже из погребушек,
Из кустов, лесных берлог
Шел народ — родные души —
По обочинам дорог...

К штабу на берег восточный
Плелся стежкой, стороной
Некий немец беспорточный,
Веселя народ честной.

— С переправы?
— С переправы.
Только-только из Днепра.
— Плавал, значит?
— Плавал, дьявол,
Потому — пришла жара...

— Сытый, черт!
Чистопородный.
— В плен спешит, как на привал...

Но уже любимец взводный —
Теркин, в шутки не встревал.
Он курил, смотрел нестрого,
Думой занятый своей.
За спиной его дорога
Много раз была длинней.
И молчал он не в обиде,
Не кому-нибудь в упрек, —
Просто, больше знал и видел,
Потерял и уберег...

— Мать-земля моя родная,
Вся смоленская родня,
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня!
Не в плену тебя жестоком,
По дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
Оставляет Теркин твой.
Минул срок годины горькой,
Не воротится назад.

— Что ж ты, брат, Василий Теркин,
Плачешь вроде?..
— Виноват...

ПРО СОЛДАТА-СИРОТУ

Нынче речи о Берлине.
Шутки прочь,— подай Берлин.
И давно уж не в помине,
Скажем, древний город Клин.

И на Одере едва ли
Вспомнят даже старики,
Как полгода с бою брали
Населенный пункт Борки.

А под теми под Борками
Каждый камень, каждый кол
На три жизни вдался в память
Нам с солдатом-земляком.

Был земляк не стар, не молод,
На войне с того же дня
И такой же был веселый,
Наподобие меня.

Приходилось парню драпать,
Бодрый дух всегда берег,
Повторял: «Вперед, на запад»,
Продвигаясь на восток.

Между прочим, при отходе,
Как сдавали города,
Больше вроде был он в моде,
Больше славился тогда.

И по странности, бывало,
Одному ему почет,
Так что даже генералы
Были будто бы не в счет.

Срок иной, иные даты.
Разделен издревле труд:
Города сдают солдаты,
Генералы их берут.

В общем, битый, тертый, жженый,
Раной меченный двойной,
В сорок первом окруженный,
По земле он шел родной.

Шел солдат, как шли другие,
В неизвестные края:
«Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?..»

И, в плену семью кидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей.

Но какая ни морока,
Правда правдой, ложью ложь.
Отступали мы до срока,
Отступали мы далеко,
Но всегда твердили:
— Врешь!..

И теперь взглянуть на запад
От столицы. Край родной!
Не на шутку был он заперт
За железною стеной.

И до малого селенья
Та из плена сторона
Не по щучьему веленью
Вновь сполна возвращена,

По веленью нашей силы,
Русской, собственной своей.
Ну-ка, где она, Россия,
У каких гремит дверей!

И, навеки сбив охоту
В драку лезть на свой авось,
Враг ее — какой по счету! —
Пал ничком и лапы врозь.

Над какой столицей круто
Взмыл твой флаг, отчизна-мать!
Подождемте до салюта,
Чтобы в точности сказать.

Срок иной, иные даты.
Правда, ноша не легка...
Но продолжим про солдата,
Как сказали, земляка.

Дом родной, жена ли, дети,
Брат, сестра, отец иль мать
У тебя вот есть на свете,—
Есть куда письмо послать.

А у нашего солдата —
Адресатом белый свет.
Кроме радио, ребята,
Близких родственников нет.

На земле всего дороже,
Коль имеешь про запас
То окно, куда ты сможешь
Постучаться в некий час.

На походе за границей,
В чужедальней стороне,
Ах, как бережно хранится
Боль-мечта о том окне!

А у нашего солдата,—
Хоть сейчас войне отбой,—
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сынка, а был, ребята,—
Рисовал дома с трубой...

Под Смоленском наступали.
Выпал отдых. Мой земляк
Обратился на привале
К командиру: так и так,—

Отлучиться разрешите,
Дескать, случай дорогой,
Мол, поскольку местный житель,
До двора — подать рукой.

Разрешают в меру срока...
Край известный до куста.
Но глядит—не та дорога,
Местность будто бы не та.

Вот и взгорье, вот и речка,
Глушь, бурьян солдату в рост,
Да на столбике дощечка,
Мол, деревня Красный Мост.

И нашлись, что были живы,
И скажи ему спроста
Все по правде, что служивый —
Достоверный сирота.

У дощечки на развилке,
Сняв пилотку, наш солдат
Постоял, как на могилке,
И пора ему назад.

И, подворье покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей...

Но, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.

На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,

Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой,— сирота.

Плакал, может быть, о сыне,
О жене, о чем ином,
О себе, что знал: отныне
Плакать некому о нем.

Должен был солдат и в горе
Закусить и отдохнуть,
Потому, друзья, что вскоре
Ждал его далекий путь.

До земли советской края
Шел тот путь в войне, в труде,

А война пошла такая —
Кухни сзади, черт их где!

Позабудешь и про голод
За хорошею войной.
Шутки, что ли, сутки — город,
Двое суток — областной.

Срок иной, пора иная —
Бей, гони, перенимай.
Белоруссия родная,
Украина золотая,
Здравствуй, пели, и прощай.

Позабудешь и про жажду,
Потому что пиво пьет
На войне отнюдь не каждый
Тот, что брал пивной завод.

Так-то с ходу ли, не с ходу,
Соступив с родной земли,
Пограничных речек воду
Мы с боями перешли.

Счет сведен, идет расплата
На свету, начистоту.
Но закончим про солдата,
Про того же сироту.

Где он нынче на поверку.
Может, пал в бою каком,
С мелкой надписью фанерку
Занесло сырым снежком.

Или снова был он ранен,
Отдохнул, как долг велит,
И опять на поле брани
Вместе с нами брал Тильзит?

И, Россию покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей.

Может, здесь еще бездомней
И больней душе живой,
Так ли, нет,— должны мы помнить
О его слезе святой.

Если б ту слезу руками
Из России довелось
На немецкий этот камень
Донести,— прожгла б насквозь.

Счет велик, идет расплата.
И за той большой страдой
Не забудемте, ребята,
Вспомним к счету про солдата,
Что остался сиротой.

Грозен счет, страшна расплата
За мильоны душ и тел.
Уплати — и дело свято,
Но вдобавок за солдата,
Что в войне осиротел.

Далеко ли до Берлина,
Не считай, шагай, смоли,—
Вдвое меньше половины
Той дороги, что от Клина,
От Москвы уже прошли.

День идет за ночью следом,
Подведем штыком черту.
Но и в светлый день победы
Вспомним, братцы, за беседой
Про солдата-сироту...

ПО ДОРОГЕ НА БЕРЛИН

По дороге на Берлин
Вьется серый пух перин.

Провода умолкших линий,
Ветки вымокшие лип
Пух перин повил, как иней,
По бортам машин налип.

И колеса пушек, кухонь
Грязь и снег мешают с пухом.
И ложится на шинель
С пухом мокрая метель...

Скучный климат заграничный,
Чуждый край краснокирпичный,
Но война сама собой,
И земля дрожит привычно,
Хрусткий щебень черепичный
Отряхая с крыш долой...

Мать-Россия, мы полсвета
У твоих прошли колес,
Позади оставив где-то
Рек твоих раздольный плес.

Долго-долго за обозом
В край чужой тянулся вслед
Белый цвет твоей березы
И в пути сошел на нет.

С Волгой, с древнею Москвою
Как ты нынче далека.

Между нами и тобою —
Три не наших языка.

Поздний день встает не русский
Над немилой стороной.
Черепичный щебень хрусткий
Мокнет в луже под стеной.

Всюду надписи, отметки,
Стрелки, вывески, значки,
Кольца проволочной сетки,
Загородки, дверцы, клетки —
Все нарочно для тоски...

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

Помышляя о солдатской
Непредсказанной судьбе,
Даже лечь в могиле братской
Лучше, кажется, в тебе.

А всего милей до дому,
До тебя дойти живому,
Заявиться в те края:
— Здравствуй, родина моя!

Воин твой, слуга народа,
С честью может доложить:
Воевал четыре года,
Воротился из похода
И теперь желает жить.

Он исполнил долг во славу
Боевых твоих знамен.
Кто еще имеет право
Так любить тебя, как он!

День и ночь в боях сменяя,
В месяц шапки не снимая,
Воин твой, защитник-сын,

Шел, спешил к тебе, родная,
По дороге на Берлин...

По дороге неминучей
Пух перин клубится тучей.
Городов горелый лом
Пахнет паленым пером.

И под грохот канонады
На восток, из мглы и смрада,
Как из адовых ворот,
Вдоль шоссе течет народ.

Потрясенный, опаленный,
Всех кровей, разноплеменный,
Горький, вьючный, пеший люд...
На восток — один маршрут.

На восток, сквозь дым и копоть,
Из одной тюрьмы глухой
По домам идет Европа.
Пух перин над ней пургой.

И на русского солдата
Брат француз, британец брат,
Брат поляк и все подряд
С дружбой будто виноватой,
Но сердечною глядят.

На безвестном перекрестке
На какой-то встречный миг —
Сами тянутся к прическе
Руки девушек немых.

И от тех речей, улыбок
Залит краской сам солдат:
Вот Европа, а спасибо
Все по-русски говорят.

Он стоит, освободитель,
Набок шапка со звездой.
Я, мол, что ж, помочь любитель,
Я насчет того простой.

Мол, такая служба наша,
Прочим флагам не в упрек...

— Эй, а ты куда, мамаша?
— А туда ж,— домой, сынок.

В чужине, в пути далече,
В пестром сборище людском
Вдруг слова родимой речи,
Бабка в шубе, с посошком.

Старость вроде, да не дряхлость
В ту котомку впряжена.
По-дорожному крест-накрест
Вся платком оплетена.

Поздоровалась и встала,
Земляку-бойцу под стать,
Деревенская, простая
Наша труженица-мать.

Мать святой извечной силы,
Из безвестных матерей,
Что в труде неизносимы
И в любой беде своей;

Что судьбою, повторенной
На земле сто раз подряд,
И растят в любви бессонной,
И теряют нас, солдат;

И живут, и рук не сложат,
Не сомкнут своих очей,
Коль нужны еще, быть может,
Внукам вместо сыновей.

Мать одна в чужбине где-то!
— Далеко ли до двора?
— До двора? Двора-то нету,
А сама из-за Днепра...

Стой, ребята, не годится,
Чтобы этак с посошком

Шла домой из-за границы
Мать солдатская пешком.

Нет, родная, по порядку
Дай нам делать, не мешай.
Перво-наперво лошадку
С полной сбруей получай.

Получай экипировку,
Ноги ковриком укрой.
А еще тебе коровку
Вместе с приданной овцой.

В путь-дорогу чайник с кружкой
Да ведерко про запас,
Да перинку, да подушку, —
Немцу в тягость, нам как раз...

— Ни к чему. Куда, родные? —
А ребята — нужды нет —
Волокут часы стенные
И ведут велосипед.

— Ну, прощай. Счастливо ехать! —
Что-то силится сказать.
И закашлялась от смеха,
Головой качает мать.

— Как же, детки, путь не близкий,
Вдруг задержат где меня:
Ни записки, ни расписки
Не имею на коня.

— Ты об этом не печалься,
Поезжай да поезжай.
Что касается начальства,—
Свой у всех передний край.

Поезжай, кати, что́ с горки,
А случится что-нибудь,
То скажи, не позабудь:
Мол, снабдил Василий Теркин,—
И тебе свободен путь.

Будем живы, в Заднепровье
Завернем на пироги.
— Дай господь тебе здоровья
И от пули сбереги...

Далеко, должно быть, где-то
Едет нынче бабка эта,
Правит, щурится от слез.
И с боков дороги узкой,
На земле еще не русской —
Белый цвет родных берез.

Ах, как радостно и больно
Видеть их в краю ином!..

Пограничный пост контрольный,
Пропусти ее с конем!

В БАНЕ

На околице войны —
В глубине Германии —
Баня! Что там Сандуны
С остальными банями!

На чужбине отчий дом —
Баня натуральная.
По порядку поведем
Нашу речь похвальную.

Дом ли, за́мок, все равно,
Дело безобманное:
Банный пар занес окно
Пеленой туманною.

Стулья графские стоят
Вдоль стены в предбаннике.
Снял подштанники солдат,
Докурил без паники.

Докурил, рубаху с плеч
Тащит через голову.
Про солдата в бане речь,—
Поглядим на голого.

Невысок, да грудь вперед
И в кости надежен.
Телом бел,— который год
Загорал в одеже.

И хоть нет сейчас на нем
Форменных регалий,
Что знаком солдат с огнем,
Сразу б угадали.

Подивились бы спроста,
Что остался целым.
Припечатана звезда
На живом, на белом.

Неровна, зато красна,
Впрямь под стать награде,
Пусть не спереди она,—
На лопатке сзади.

С головы до ног мельком
Осмотреть атлета:
Там еще рубец стручком,
Там иная мета.

Знаки, точно письмена
Памятной страницы.
Тут и Ельня, и Десна,
И родная сторона
В строку с заграницей.

Столько верст и столько вех,
Не забыть иную.
Но разделся человек,
Так идет в парную.

Он идет, но как идет,
Проследим сторонкой:
Так ступает, точно лед
Под ногами тонкий;

Будто делает с трудом
Шаг — и непременно:
— Ух, ты! — крякает, притом
Щурится блаженно.

Говор, плеск, веселый гул,
Капли с потных сводов...
Ищет, руки протянув,
Прежде пар, чем воду.

Пар бодает в потолок,
Ну-ка, с ходу на полок!

В жизни мирной или бранной,
У любого рубежа,

Благодарны ласке банной
Наше тело и душа.

Ничего, что ты природой
Самый русский человек,
А берешь для бани воду
Из чужих, далеких рек.

Много хуже для здоровья,
По зиме ли, по весне,
Возле речек Подмосковья
Мыться в бане на войне.

— Ну-ка ты, псковской, елецкий
Иль еще какой земляк,
Зачерпни воды немецкой
Да уважь, плесни черпак.

Не жалей, добавь на пфенник,
А теперь погладить швы
Дайте, хлопцы, русский веник,
Даже если он с Литвы.

Честь и слава помпохозу,
Снаряжавшему обоз,
Что советскую березу
Аж за Кенигсберг завез.

Эй, славяне, что с Кубани,
С Дона, с Волги, с Иртыша,
Занимай высоты в бане,
Закрепляйся не спеша!

До того, друзья, отлично
Так-то всласть, не торопясь,
Парить веником привычным
Заграничный пот и грязь.

Пар на славу, молодецкий,
Мокрым доскам горячо.
Ну-ка, где ты, друг елецкий,
Кинь гвардейскую еще!

Кинь еще, а мы освоим
С прежней дачей заодно.
Вот теперь спасибо, воин,
Отдыхай. Теперь — оно!

Кто не нашей подготовки,
Того с полу на полок
Не встянуть и на веревке,—
Разве только через блок.

Тут любой старик любитель,
Сунься только, как ни рьян,
Больше двух минут не житель,
А и житель — не родитель,
Потому не даст семян.

Нет, куда, куда, куда там,
Хоть кому, кому, кому
Браться париться с солдатом, —
Даже черту самому.

Пусть он жиловатый парень,
Да такими вряд ли он,
Как солдат, жарами жарен
И морозами печен.

Пусть он, в общем, тертый малый,
Хоть, понятно, черта нет,
Да поди сюда, пожалуй,
Так узнаешь, где тот свет.

На полке́, полке́, что тесан
Мастерами на войне,
Ходит веник жарким чесом
По малиновой спине.

Человек поет и стонет,
Просит:
— Гуще нагнетай.—
Стонет, стонет, а не донят:
— Дай! Дай! Дай! Дай!

Не допариться в охоту,
В меру тела для бойца —
Все равно, что немца с ходу
Не доделать до конца.

Нет, тесни его, чтоб вскоре
Опрокинуть навзничь в море,
А который на земле —
Истолочь живьем в «котле».

И за всю войну впервые —
Немца нет перед тобой.
В честь победы огневые
Грянут следом за Москвой.

Грянет залп многоголосый,
Заглушая шум волны.
И пошли стволы, колеса
На другой конец войны.

С песней тронулись колонны
Не в последний ли поход?
И ладонью запыленной
Сам солдат слезу утрет.

Кто-то свистнет, гикнет кто-то,
Грусть растает, как дымок.
И война — не та работа,
Если праздник недалек.

И война — не та работа,
Ясно даже простаку,
Если по три самолета
В помощь придано штыку.

И не те как будто люди,
И во всем иная стать,
Если танков и орудий —
Сверх того, что негде стать.

Сила силе доказала:
Сила силе — не ровня.
Есть металл прочней металла,
Есть огонь страшней огня!

Бьют Берлину у заставы
Судный час часы Москвы...

А покамест суд да справа —
Пропотел солдат на славу,
Кость прогрел, разгладил швы,
Новый с ног до головы —
И слезай, кончай забаву...

А внизу — иной уют,
В душевой и ванной
Завершает голый люд
Банный труд желанный.

Тот упарился, а тот
Борется с истомой.
Номер первый спину трет
Номеру второму.

Тот, механик и знаток,
У светца хлопочет,
Тот макушку мылит впрок,
Тот мозоли мочит;

Тот платочек носовой,
Свой трофей карманный,
Моет мыльною водой,
Дармовою банной.

Ну, а наш слегка остыл
И — конец лежанке.
В шайке пену нарастил,
Обработал фронт и тыл,
Не забыл про фланги.

Быстро сладил с остальным,
Обдался и вылез.
И невольно вслед за ним
Все поторопились.

Не затем, чтоб он стоял
Выше в смысле чина,
А затем, что жизни дал
На полке мужчина.

Любит русский человек
Праздник силы всякий,
Оттого и хлеще всех
Он в труде и драке.

И в привычке у него
Издавна, извечно
За лихое удальство
Уважать сердечно.

И с почтеньем все глядят,
Как опять без паники
Не спеша надел солдат
Новые подштанники.

Не спеша надел штаны
И почти что новые,
С точки зренья старшины,
Сапоги кирзовые.

В гимнастерку влез солдат,
А на гимнастерке —
Ордена, медали в ряд
Жарким пламенем горят...

— Закупил их, что ли, брат,
Разом в военторге?

Тот стоит во всей красе,
Занят самокруткой.
— Это что! Еще не все,—
Метит шуткой в шутку.

— Любо-дорого. А где ж
Те, мол, остальные?..
— Где последний свой рубеж
Держит немец ныне.

И едва простился он,
Как бойцы в восторге
Вслед вздохнули:
— Ну, силен!
— Все равно, что Теркин.

ОТ АВТОРА

«Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна...»

Теркин, Теркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

И как будто оглушенный
В наступившей тишине,
Смолкнул я, певец смущенный,
Петь привыкший на войне.

В том беды особой нету:
Песня, стало быть, допета.
Песня новая нужна,
Дайте срок, придет она.

Я сказать хотел иное,
Мой читатель, друг и брат,
Как всегда, перед тобою
Я, должно быть, виноват.

Больше б мог, да было к спеху,
Тем, однако, дорожи,
Что, случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам вздохнул не раз, не два,
Повторив слова героя,
То есть Теркина слова:

«Я не то еще сказал бы,—
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу».

И хотя иные вещи
В годы мира у певца
Выйдут, может быть, похлеще
Этой книги про бойца, —

Мне она всех прочих боле
Дорога, родна до слез,
Как тот сын, что рос не в холе,
А в годину бед и гроз...

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Эти строки и страницы —
Дней и верст особый счет,
Как от западной границы
До своей родной столицы,
И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

Смыли весны горький пепел
Очагов, что грели нас.

С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

С кем я только не был дружен
С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня.

Скольких их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
Словно бедной книге этой
Много, много, много лет.

И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умник тот,
Что читает без улыбки,
Ищет, нет ли где ошибки,—
Горе, если не найдет.

Не о том с надеждой сладкой
Я мечтал, когда украдкой
На войне, под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей,

Чтобы радостью нежданной
У бойца согрелась грудь,
Как от той гармошки драной,
Что случится где-нибудь.

Толку нет, что, может статься,
У гармошки за душой

Весь запас, что на два танца,—
Разворот зато большой.

И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад,
Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым — солдат;

Пусть в какой-нибудь каптерке
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй ты, Теркин!» —
Про какого-то бойца;

Пусть о Теркине почтенный
Скажет важно генерал,—
Он-то скажет непременно,—
Что медаль ему вручал;

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:
— Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Я доволен был бы, право,
И — не гордый человек —
Ни на чью иную славу
Не сменю того вовек.

Повесть памятной годины,
Эту книгу про бойца,
Я и начал с середины
И закончил без конца

С мыслью, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Павшим памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.

1941—1945

ДОМ У ДОРОГИ

ЛИРИЧЕСКАЯ
ХРОНИКА

ГЛАВА 1

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

Но я с тобою был, солдат,
С тобою неизменно —
До той и с той зимы подряд
В одной страде военной.

Твоей судьбой я только жил
И пел ее доныне,
А эту песню отложил,
Прервав на половине.

И как вернуться ты не мог
С войны к жене-солдатке,
Так я не мог
Весь этот срок
Вернуться к той тетрадке.

Но как ты помнил на войне
О том, что сердцу мило,
Так песня, начавшись во мне,
Жила, кипела, ныла.

А я ее в себе берег,
Про будущее прочил,
И боль и радость этих строк
Меж строк скрывая прочих.

Я нес ее и вез с собой
От стен родной столицы —

Вслед за тобой,
Вслед за тобой —
До самой заграницы.

От рубежа до рубежа —
На каждом новом месте
Ждала с надеждою душа
Какой-то встречи, вести...

И где бы ни переступал
Каких домов пороги,
Я никогда не забывал
О доме у дороги,

О доме горестном, тобой
Покинутом когда-то.
И вот в пути, в стране чужой
Я встретил дом солдата.

Тот дом без крыши, без угла,
Согретый по-жилому,
Твоя хозяйка берегла
За тыщи верст от дому.

Она тянула кое-как
Вдоль колеи шоссейной —
С меньшим, уснувшим на руках,
И всей гурьбой семейной.

Кипели реки подо льдом,
Ручьи взбивали пену,
Была весна, и шел твой дом
На родину из плена.

Он шел в Смоленщину назад,
Что так была далече...
И каждый наш солдатский взгляд
Теплел при этой встрече

И как там было не махнуть
Рукой: «Бывайте живы!»,
Не обернуться, не вздохнуть
О многом, друг служивый.

О том хотя бы, что не все
Из тех, что дом теряли,
На фронтовом своем шоссе
Его и повстречали.

Ты сам, шагая в той стране
С надеждой и тревогой,
Его не встретил на войне, —
Другою шел дорогой.

Но дом твой в сборе, налицо.
К нему воздвигнуть стены,
Приставить сени и крыльцо —
И будет дом отменный.

С охотой руки приложить —
И сад, как прежде, дому
Заглянет в окна.
Жить да жить,
Ах, жить да жить живому!

А мне бы петь о жизни той,
О том, как пахнет снова
На стройке стружкой золотой,
Живой смолой сосновой.

Как, огласив войне конец
И долголетье миру,
Явился беженец-скворец
На новую квартиру.

Как жадно в рост идет трава
Густая на могилах.
Трава — права,
И жизнь жива,
Но я про то хочу сперва,
Про что забыть не в силах.

Так память горя велика,
Глухая память боли.
Она не стишится, пока
Не выскажется вволю.

И в самый полдень торжества,
На праздник возрожденья
Она приходит, как вдова
Бойца, что пал в сраженье.

Как мать, что сына день за днем
Ждала с войны напрасно,
И позабыть еще о нем,
И не скорбеть всечасно
Не властна.

Пусть меня простят,
Что снова я до срока
Вернусь, товарищи, назад,
К той памяти жестокой.

И все, что выразится здесь,
Да вникнет в душу снова,
Как плач о родине, как песнь
Ее судьбы суровой.

ГЛАВА 2

В тот самый час воскресным днем,
По праздничному делу,
В саду косил ты под окном
Траву с росою белой.

Трава была травы добрей —
Горошек, клевер дикий,
Густой метелкою пырей
И листья земляники.

И ты косил ее, сопя,
Кряхтя, вздыхая сладко.
И сам подслушивал себя,
Когда звенел лопаткой:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

Таков завет и звук таков,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьем бежала.

Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно,
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.

И с мягким махом тяжело
Косье в руках скрипело.
И солнце жгло,

И дело шло,
И все, казалось, пело:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

И палисадник под окном,
И сад, и лук на грядах —
Все это вместе было дом,
Жилье, уют, порядок.

Не тот порядок и уют,
Что, никому не веря,
Воды напиться подают,
Держась за клямку двери.

А тот порядок и уют,
Что всякому с любовью
Как будто чарку подают
На доброе здоровье.

Помытый пол блестит в дому
Опрятностью такою,
Что просто радость по нему
Ступить босой ногою.

И хорошо за стол свой сесть
В кругу родном и тесном,
И, отдыхая, хлеб свой есть,
И день хвалить чудесный.

Тот вправду день из лучших дней,
Когда нам вдруг с чего-то —
Еда вкусней,
Жена милей
И веселей работа.

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

Домой ждала тебя жена,
Когда с нещадной силой
Старинным голосом война
По всей стране завыла.

И, опершися на косье,
Босой, простоволосый,
Ты постоял — и понял все,
И не дошел прокоса.

Не докосил хозяин луг,
В поход запоясался,
А в том саду все тот же звук
Как будто раздавался:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

И был ты, может быть, уже
Забыт самой войною,
И на безвестном рубеже
Зарыт иной землею.

Не умолкая, тот же звук,
Щемящий звон лопатки,
В труде, во сне тревожил слух
Твоей жене-солдатке.

Он сердце ей насквозь изжег
Тоскою неизбытой,
Когда косила тот лужок
Сама косой небитой.

Слепили слезы ей глаза,
Палила душу жалость.
Не та коса,
Не та роса,
Не та трава, казалось...

Пусть горе женское пройдет,
Жена тебя забудет

И замуж, может быть, зайдет
И будет жить, как люди.

Но о тебе и о себе,
О давнем дне разлуки
Она в любой своей судьбе
Вздохнет при этом звуке:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

ГЛАВА 3

Еще не здесь, еще вдали
От этих нив и улиц
Стада недоеные шли
И беженцы тянулись.

Но шла, гудела, как набат,
Беда по всей округе.
За черенки взялись лопат,
За тачки бабьи руки.

Готовы были день и ночь
Копать с упорством женским,
Чтоб чем-нибудь войскам помочь
На рубеже смоленском.

Чтоб хоть в родимой стороне,
У своего порога,
Хотя б на малый срок войне
Перекопать дорогу.

И сколько рук — не перечтешь! —
Вдоль той канавы длинной
Живьем приваливали рожь
Сырой тяжелой глиной.

Живьем хлеба, живьем траву
Приваливали сами.

А *он* уж бомбы на Москву
Возил над головами.

Копали ров, валили вал,
Спешили, будто к сроку.

А *он* уж по земле ступал,
Гремел неподалеку.

Ломал и путал фронт и тыл
От моря и до моря,
Кровавым заревом светил,
В ночи смыкая зори.

И страшной силой буревой,
В медовый срок покоса,
В дыму, в пыли перед собой
От фронта гнал колеса.

И столько вывалило вдруг
Гуртов, возов, трехтонок,
Коней, подвод, детей, старух,
Узлов, тряпья, котомок...

Моя великая страна,
У той кровавой даты
Как ты была еще бедна
И как уже богата!

Зеленой улицей села,
Где пыль легла порошей,
Огромный край война гнала
С поспешно взятой ношей.

Смятенье, гомон, тяжкий стон
Людской страды горячей.
И детский плач, и патефон,
Поющий, как на даче,—
Смешалось все, одной беды —
Войны знаменьем было...

Уже до полудня воды
В колодцах не хватило.

И ведра глухо грунт скребли,
Гремя о стенки сруба,
Полупустые кверху шли,
И к капле, прыгнувшей в пыли,
Тянулись жадно губы.

А сколько было там одних —
С жары совсем соловых —
Курчавых, стриженых, льняных,
Чернявых, русых и иных
Ребяческих головок.

Нет, ты смотреть не выходи
Ребят на водопое.
Скорей своих прижми к груди,
Пока они с тобою.

Пока с тобой,
В семье родной,
Они, пускай не в холе,
В любой нужде,
В своем гнезде —
Еще на зависть доля.

И приведись на горький путь
Сменить свое подворье —
Самой детей одеть, обуть —
Еще, поверь,— полгоря.

И, притерпевшись, как-никак
Брести в толпе дорожной
С меньшим, уснувшим на руках,
С двумя при юбке — можно!

Идти, брести,
Присесть в пути
Семьей на отдых малый.
Да кто сейчас
Счастливей вас!

Смотри-ка, есть, пожалуй.

Где светит свет хоть краем дня,
Где тучей вовсе застится.
И счастье счастью не ровня,
И горе — горю разница.

Ползет, скрипит кибитка-дом,
И головы детишек

Хитро укрыты лоскутом
Железной красной крыши.

И служит кровлей путевой
Семье, войной гонимой,
Та кровля, что над головой
Была в краю родимом.

В краю ином
Кибитка-дом,
Ее уют цыганский
Не как-нибудь
Налажен в путь,—
Мужской рукой крестьянской.

Ночлег в пути, ребята спят,
Зарывшись в глубь кибитки.
И в небо звездное глядят
Оглобли, как зенитки.

Не спит хозяин у огня.
На этом трудном свете
Он за детей, и за коня,
И за жену в ответе.

И ей, хоть лето, хоть зима,
Все ж легче путь немилый.
А ты реши-ка все сама,
Своим умом и силой.

В полдневный зной
И в дождь ночной
Укрой в дороге деток.

Далекий мой,
Родимый мой,
Живой ли, мертвый — где ты?..

Нет, ни жена, ни даже мать,
Что думала о сыне,
Не в силах были угадать
Всего, что станет ныне.

Куда там было в старину, —
Все нынче по-иному:
Ушел хозяин на войну,
Война подходит к дому.

И, чуя гибель, этот дом
И сад молчат тревожно.
И фронт — уж вот он — за холмом
Вздыхает безнадежно.

И пыльных войск отход, откат
Не тот, что был вначале.
И где колонны кое-как,
Где толпы зашагали.

Все на восток, назад, назад,
Все ближе бьют орудья.
А бабы воют и висят
На изгороди грудью.

Пришел, настал последний час,
И нет уже отсрочки.
А на кого ж вы только нас
Кидаете, сыночки?..

И то, быть может, не упрек,
А боль за них и жалость.
И в горле давящий комок
За все, что с жизнью сталось.

И сердце женское вдвойне
Тоска, тревога гложет,
Что своего лишь там, в огне,
Жена представить может.

В огне, в бою, в чадном дыму
Кровавой рукопашной.
И как, должно быть, там ему,
Живому, смерти страшно.

Не подсказала б та беда,
Что бабьим воем выла,
Не знала б, может, никогда,
Что до смерти любила,

Любила — взгляд не оброни
Никто, одна любила.
Любила так, что от родни,
От матери отбила.

Пускай не девичья пора,
Но от любви на диво —
В речах остра,
В делах быстра,
Как змейка вся ходила.

В дому — какое не житье —
Детишки, печь, корыто —
Еще не видел он ее
Нечесаной, немытой.

И весь она держала дом
В опрятности тревожной,
Считая, может, что на том
Любовь вовек надежней.

И та любовь была сильна
Такою властной силой,
Что разлучить одна война
Могла.
И разлучила.

Глава 4

Томила б только ты бойца,
Война, тоской знакомой
Да не пылила б у крыльца
Его родного дома.

Давила б грузным колесом
Тех, что твои по списку,
Да не губила б детский сон
Пальбой артиллерийской.

Гремя, бесилась бы спьяна
У своего предела,—
И то была бы ты, война,
Еще святое дело.

Но ты повыгнала ребят
В подвалы, в погребушки,
Ты с неба наземь наугад
Свои кидаешь чушки.

И люди горькой стороны
У фронта сбились тесно,
Боясь и смерти и вины
Какой-то неизвестной.

А ты все ближе ко двору,
И дети, чуя горе,
Пугливым шепотом игру
Ведут в углу, не споря...

В тот первый день из горьких дней,
Как собрался в дорогу,
Велел отец беречь детей,
Смотреть за домом строго.

Велел детей и дом беречь,—
Жена за все в ответе.
Но не сказал, топить ли печь
Сегодня на рассвете.

Но не сказал, сидеть ли тут,
Бежать ли в свет куда-то.
Все бросить вдруг.
А где нас ждут,
Где просят?
Свет — не хата.

Здесь потолок над головой,
Здесь — дом, в хлеву — корова...
А немец, может, он иной
И не такой суровый,—
Пройдет, минет.

А вдруг как нет?
Не тою славен славой.
А что ж, тогда ты в сельсовет
Пойдешь искать управы?

Каким сгрозишь ему судом,
Как встанет на пороге,
Как в дом войдет?
Нет, кабы дом
Подальше от дороги...

...Последних четверо солдат
Калитку в сад открыли,
Железом кованых лопат
Устало грюкнули не в лад,
Присели, закурили.

И улыбнулся, обратясь
К хозяйке, старший вроде:
— Хотим тут пушечку у вас
Поставить в огороде.

Сказал, как будто человек
Проезжий, незнакомый,
С конем просился на ночлег,
С телегой возле дома.

Ему и ласка и привет.
— Не уходите только,
Не покидайте нас...
— Да нет,—
Переглянулись горько.

— Да нет, от этой конопли
Мы не уйдем, мамаша.
Затем, чтоб все уйти могли, —
Такая служба наша.

— И ты спеши, — сказал боец, —
Поскольку эту пушку,
А заодно и твой дворец
Уж *он* возьмет на мушку.
А впрочем, малость погоди,—
Прислушавшись, добавил: —
Кладет уж вон где, впереди,
Как раз по переправе.

Земля вокруг как на волне,
И день оглох от грома.
— Вот жизнь: хозяин на войне,
А ты, выходит, дома.

А у нее про всех готов
Один вопрос печальный:
— Сивцов — фамилия. Сивцов.
Не слышали случайно?

— Сивцов? Постой, подумать дай.
Ну да, слыхал Сивцова.
Сивцов — ну как же, Николай,
Так он — живой, здоровый.
Не твой? Ага, а твой Андрей?
Андрей, скажи на милость...

Но чем-то вроде дорог ей
И тот однофамилец.

— Ну, что, друзья, кончай курить.—
Разметил план лопатой
И стал усердно землю рыть
Солдат в саду солдата.

Не для того, чтоб там взросла
Какая-либо штука,
И не нарочно, не со зла,
А как велит наука.
Он рыл окоп, по форме чтоб
И глубина и бруствер...

Ах, сколько в том рытье одном
Покорной делу грусти.

Он делал дело — землю рыл,
Но, может, думал мельком
И даже, может, говорил,
Вздыхал:
— Земля, земелька...

Уже они по грудь в земле,
Зовет к столу солдатка,
Как будто помочи в семье,
Обед и отдых сладкий.

— Устали, кушайте.
— Ну что ж,
Горячего, покамест...

— Еще, признаться, грунт хорош,
А то бывает — камень...

И первым старший ложку нес,
А вслед за ним солдаты.
— А что, богатый был колхоз?
— Нет, не сказать богатый,
Не так, а все-таки. Хлеба
Сильнее за Угрою...
— Смотри, притихнула пальба.
— Детишек трое?
— Трое...

И общий вздох:
— С детьми — беда.—
И разговор с заминкой.
Жирна не вовремя еда,
Грустна, как на поминках.

— Спасибо наше за обед,
Хозяюшка, спасибо.
А что касается... так — нет,
Не жди, беги как-либо.

— Постой,— сказал другой солдат,
В окно с тревогой глядя: —
Смотри, народ как раз назад
Потек.
— Чего бы ради?

Дорога пыльная полна,
Идут, бредут понуро.
С востока к западу война
Оглобли завернула.

— Выходит, он уж впереди.
— А что ж теперь, куда же?
— Молчи, хозяйка, и сиди,
Что дальше — день покажет.
А нам стеречь твой огород,
Хозяйка,— дело худо,
Выходит, наш теперь черед
Искать ходов отсюда.

И по лихой нужде своей
Теперь они, солдаты,
Казалось, женщины слабей,
И не виновны перед ней,
А все же виноваты.

— Прощай, хозяйка, жди, придем,
Настанут наши сроки.
И твой найдем приметный дом
У столбовой дороги.
Придем, найдем, а может, нет;
Война,— нельзя ручаться.
Еще спасибо за обед.

— И вам спасибо, братцы.
Прощайте.—
Вывела людей.
И с просьбой безнадежной:
— Сивцов, — напомнила, — Андрей,
Услышите, возможно...

Шагнула вслед, держась за дверь,
В слезах, и сердце сжалось,
Как будто с мужем лишь теперь
Навеки распрощалась.
Как будто он ушел из рук
И скрылся без оглядки...

И ожил вдруг в ушах тот звук,
Щемящий звон лопатки:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой...

ГЛАВА 5

Вам не случилось быть при том,
Когда в ваш дом родной
Входил, гремя своим ружьем,
Солдат земли иной?

Не бил, не мучил и не жег,—
Далеко до беды.
Вступил он только на порог
И попросил воды.

И, наклонившись над ковшом,
С дороги весь в пыли,
Попил, утерся и ушел
Солдат чужой земли.

Не бил, не мучил и не жег,—
Всему свой срок и ряд.
Но он входил, уже он мог
Войти, чужой солдат.

Чужой солдат вошел в ваш дом,
Где свой не мог войти.
Вам не случилось быть при том?
И бог не приведи!

Вам не случилось быть при том,
Когда, хмельной, дурной,
За вашим тешится столом
Солдат земли иной?

Сидит, заняв тот край скамьи,
Тот угол дорогой,
Где муж, отец, глава семьи
Сидел, — не кто другой.

Не доведись вам злой судьбой
Не старой быть при том
И не горбатой, не кривой
За горем и стыдом.

И до колодца по селу,
Где есть чужой солдат,
Как по толченому стеклу,
Ходить вперед-назад.

Но если было суждено
Все это, все в зачет,
Не доведись хоть то одно,
Чему еще черед.

Не доведись вам за войну,
Жена, сестра иль мать,
Своих
Живых
Солдат в плену
Воочью увидать.

...Сынов родной земли,
Их стыдным, сборным строем
По той земле вели
На запад под конвоем.

Идут они по ней
В позорных сборных ротах,
Иные без ремней,
Иные без пилоток.

Иные с горькой, злой
И безнадежной мукой
Несут перед собой
На перевязи руку...

Тот хоть шагать здоров,
Тому ступить задача,—
В пыли теряя кровь,
Тащись, пока ходячий.

Тот, воин, силой взят
И зол, что жив остался.

Тот жив и счастью рад,
Что вдруг отвоевался.

Тот ничему цены
Еще не знает в мире.
И все идут, равны
В колонне по четыре.

Ботинок за войну
Одних не износили,
И вот они в плену,
И этот плен — в России.

Поникнув от жары,
Переставляют ноги.
Знакомые дворы
По сторонам дороги.

Колодец, дом и сад
И все вокруг приметы.
День или год назад
Брели дорогой этой?

Год или только час
Прошел без проволочки?..

«А на кого ж вы нас
Кидаете, сыночки!..»

Теперь скажи в ответ
И встреть глаза глазами,
Мол, не кидаем, нет,
Глядите, вот мы с вами.

Порадуй матерей
И жен в их бабьей скорби.
Да не спеши скорей
Пройти. Не гнись, не горбись...

Бредут ряды солдат
Угрюмой вереницей.
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица.

Не муж, не сын, не брат
Проходят перед ними,
А только свой солдат —
И нет родни родимей.

И сколько тех рядов
Ты молча проводила
И стриженых голов,
Поникнувших уныло.

И вдруг — ни явь, ни сон —
Послышалось как будто,—
Меж многих голосов
Один:
— Прощай, Анюта...

Метнулась в тот конец,
Теснясь в толпе горячей,
Нет, это так. Боец
Кого-то наудачу
Назвал в толпе. Шутник.
До шуток здесь кому-то.

Но если ты меж них,
Окликни ты Анютой.

Ты не стыдись меня.
Что вниз сползли обмотки,
Что, может, без ремня
И, может, без пилотки.

И я не попрекну
Тебя, что под конвоем
Идешь. И за войну
Живой, не стал героем.

Окликни — отзовусь.
Я здесь, твоя Анюта.
Я до тебя прорвусь,
Хоть вновь навек прощусь
С тобой. Моя минута!

Но как спросить сейчас,
Произнести хоть слово:

А нет ли здесь у вас,
В плену, его, Сивцова
Андрея?

Горек стыд.
Спроси, а он, пожалуй,
И мертвый не простит,
Что здесь его искала.

Но если здесь он, вдруг
Идет в колонне знойной,
Закрыв глаза...
— Цурюк!
Цурюк! — кричит конвойный.

Ему ни до чего
И дела нету, право,
И голос у него,
Как у ворон, картавый:

— Цурюк! —
Не молод оп,
Устал, до черта жарко,
До черта обозлен,
Себя — и то не жалко...

Бредут ряды солдат
Угрюмой вереницей.
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица.

Глазами поперек
И вдоль колонны ловят.
И с чем-то узелок,
Какой ни есть кусок
У многих наготове.

Не муж, не сын, не брат,
Прими, что есть, солдат,
Кивни, скажи что-либо,
Мол, тот гостинец свят
И дорог, мол. Спасибо.

Дала из добрых рук,
За все, что стало вдруг,
С солдата не спросила.
Спасибо, горький друг,
Спасибо, мать-Россия.

А сам, солдат, шагай
И на беду не сетуй;
Ей где-то есть же край,
Не может быть, что нету.

Пусть пахнет пыль золой,
Поля — горелым хлебом
И над родной землей
Висит чужое небо.

И жалкий плач ребят,
Не утихая, длится,
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица...

Нет, мать, сестра, жена
И все, кто боль изведал,
Та боль не отмщена
И не прошла с победой.

За этот день один
В селе одном смоленском —
Не отплатил Берлин
Своим стыдом вселенским.

Окаменела память,
Крепка сама собой.

Да будет камнем камень,
Да будет болью боль.

ГЛАВА 6

Еще не та была пора,
Что входит прямо в зиму
Еще с картошки кожура
Счищалась об корзину.

Но становилась холодна
Земля нагрева летнего.
И на ночь мокрая копна
Впускала неприветливо.

И у костра был сон — не сон.
Под робкий треск валежника
Теснила осень из лесов
Тех горьких дней ночлежника.

Манила памятью жилья,
Тепла, еды и прочего.
Кого в зятья,
Кого в мужья,—
Куда придется прочила.

Внушала голосом молвы,
Дождем, погодой золкою,
Что из-под Ельни до Москвы
Идти — дорога долгая...

...В холодной пуне, у стены,
От лишних глаз украдкой,
Сидел отставший от войны
Солдат с женой-солдаткой.

В холодной пуне, не в дому,
Солдат, под стать чужому,
Хлебал, что вынесла ему
Жена тайком из дому.

Хлебал с усердьем горевым,
Забрав горшок в колени.
Жена сидела перед ним
На том остывшем сене,
Что в давний час воскресным днем,
По праздничному делу
В саду косил он под окном,
Когда война приспела.

Глядит хозяйка: он — не он
За гостя в этой пуне.
Недаром, видно, тяжкий сон
Ей снился накануне.

Худой, заросший, словно весь
Посыпанный золою.
Он ел, чтоб, может быть, заесть
Свой стыд и горе злое.

— Бельишка пару собери
Да свежие портянки,
Чтоб мне в порядке до зари
Сниматься со стоянки.

— Все собрала уже, дружок,
Все есть. А ты в дороге
Хотя б здоровье поберег,
И первым делом ноги.

— А что еще? Чудные вы,
С такой заботой, бабы.
Начнем-ка лучше с головы,—
Ее сберечь хотя бы.

И на лице солдата — тень
Усмешки незнакомой.
— Ах, я как вспомню: только день
Ты этот дома.

— Дома!
Я б тоже рад не день побыть,—
Вздохнул.— Прими посуду.
Спасибо. Дай теперь попить.
С войны вернусь,— побуду.

И сладко пьет, родной, большой,
Плечьми упершись в стену,
По бороде его чужой
Катятся капли в сено.

— Да, дома, правду говорят,
Что и вода сырая
Куда вкусней,— сказал солдат,
В раздумье утирая
Усы бахромкой рукава,
И помолчал с минуту.—
А слух такой, что и Москва
На очереди, будто...

Идти — не штука, был бы толк,—
Добавил он с заминкой
И так невесело примолк,
Губами сжав сенинку.

Жена подвинулась к нему
С участливой тревогой.
Мол, верить стоит не всему,
Болтают нынче много.
А немец, может, он теперь
К зиме остепенится...

А он опять:
— Ну, что же, верь
Тому, что нам годится.
Один хороший капитан
Со мной блуждал вначале.
Еще противник по пятам
За нами шел. Не спали,
Не ели мы тогда в пути.
Ну, смерть. Так он, бывало,
Твердил: идти, ползком ползти —
Хотя бы до Урала.
Так человек был духом зол
И ту идею помнил.

— И что же?
— Шел и не дошел.
— Отстал?

— От раны помер.
Болотом шли. А дождь, а ночь
А тоже холод лютый.
— И не могли ничем помочь?
— И не могли, Анюта...

Лицом к плечу его припав,
К руке — девчонкой малой,
Она схватила за рукав
Его и все держала,
Как будто думала она
Сберечь его хоть силой,
С кем разлучить одна война
Могла, и разлучила.

И друг у друга отняла
В воскресный день июня.
И вновь ненадолго свела
Под крышей этой пуни.

И вот он рядом с ней сидит
Перед другой разлукой.
Не на нее ли он сердит
За этот стыд и муку?

Не ждет ли он, чтобы сама
Жена ему сказала:
— Сойти с ума — идти. Зима.
А сколько до Урала!

И повторяла бы:
— Пойми,
Кому винить солдата,
Что здесь жена его с детьми,
Что здесь — родная хата.
Смотри, пришел домой сосед
И не слезает с печи...

А он тогда сказал бы:
— Нет,
Жена, дурные речи...

Быть может, горький свой удел,
Как хлеб щепоткой соли,
Приправить, скрасить он хотел
Таким геройством, что ли?

А может, просто он устал,
Да так, что через силу
Еще к родным пришел местам,
А дальше — не хватило.

И только совесть не в ладу
С приманкой — думкой этой:
Я дома. Дальше не пойду
Искать войну по свету.

И неизвестно, что верней,
А к горю — в сердце смута.
— Скажи хоть что-нибудь, Андрей.
— Да что сказать, Анюта?
Ведь говори не говори,
А будет легче разве
Сниматься завтра до зари
И пробираться к Вязьме?
Никем не писанный маршрут
Распознавать на звездах.
Дойти до фронта — тяжкий труд,
Дойдешь, а там — не отдых.
Там день один, как год, тяжел,
Чтó день, порой минута...
А тот — он шел и не дошел,
Но все идет как будто.
Ослабший, раненый идет,
Что в гроб кладутся краше.
Идет.
«Товарищи, вперед.
Дойдем. Настанет наше!
Дойдем, иному не бывать,
Своих достигнем линий.
И воевать — не миновать.
А отдыхать?
В Берлине!»
На каждом падая шагу
И поднимаясь снова,
Идет. А как же я могу
Отстать, живой, здоровый?
Мы с ним прошли десятки сел,
Где как, где смертным лазом.
И раз он шел, да не дошел,

Так я дойти обязан.
Дойти. Хоть я и рядовой,
Отстать никак не волен.
Еще добро бы он живой,
А то он — павший воин.
Нельзя! Такие вот дела...—
И ей погладил руку.

А та давно уж поняла,
Что боль — не боль еще была,
Разлука — не разлука.

Что все равно — хоть наземь ляг,
Хоть вдруг лишись дыханья...
Прощалась прежде, да не так,
А вот когда прощанье!

Тихонько руку отняла
И мужние колени
С покорным плачем обняла
На том угретом сене...

И ночь прошла у них.
И вдруг
Сквозь кромку сна на зорьке,
Сквозь запах сена в душу звук
Вошел ей давний, горький:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой...

ГЛАВА 7

Все сборы в путь любой жены
И без войны не сладки.
И без войны тревог полны
Все сборы в жизни краткой.

Но речь одна, когда добром,—
Не по нужде суровой
Мы край на край и дом на дом
Иной сменить готовы.

Другая речь — в годину бед
Жене самой, без мужа,
Из дома выйти в белый свет
И дверь закрыть снаружи.

С детьми из теплого угла,
С гнезда родного сняться,
Где, может быть, еще могла
Ты весточки дождаться.

С котомкой выйти за порог —
И, всей той мукой мучась,
Брести...
Но если на Восток,—
То как бы ни был путь жесток,—
Бывает горше участь.

Как на родной земле своей,
Так ты, и дом теряя,
Хоть под кустом, а все ж на ней —
В любом далеком крае.

А вот когда чужим судом
Обмен решен иначе,—

Не край на край, не дом на дом,
А плен —
На плен с придачей.

С какой придачей — погоди:
Расчеты эти впереди.

Еще он твой — последний час
В твоем дому, пока
Переведут тебе приказ
С чужого языка.

Но твой — он выбран не тобой —
Лежит на Запад путь.
И взять ни имени с собой,
Ни отчества. Забудь.

Забудь себя еще живой
И номер получи.
И только этот номер свой
На память заучи.

И только можешь ты молчать,
Приказ в дорогу дан.
На нем недвижная печать
И подпись: комендант.

И в нем твой дом, и хлеб, и соль,
Что от немых властей.
И хоть самой — на снег босой,
Троих одеть успей.

Рукой дрожащею лови
Крючки, завязки, мать.
Нехитрой ложью норови
Ребячий страх унять.

Зови меньших живей, живей,
Как в гости, в тот поход.
И только старшенькой своей
Не лги — и так поймет.

И соберись, и уложись,
И в час беды такой

Еще хозяйкой окажись
Проворной и лихой.

И всю свою в дорогу кладь,
Как из огня, схвати.
И перед тем, как выйти, мать,
Не оглянись и не присядь,—
Нельзя.
И дом — прости!..

Прости-прощай, родимый дом,
Раскрытый, разоренный,
И пуня с давешним сенцом,
И садик занесенный.

Прости-прощай, родимый дом,
И двор, и дровосека,
И все, что памятно кругом
Заботой, замыслом, трудом,—
Всей жизнью человека.

Дом, где он жил среди хлопот
И всем хозяйством правил.
И, чтоб годам был виден счет,
Он надпись: тыща девятьсот
Такой-то год поставил.

Среди такой большой земли,
Родной, заветный угол,
Где эти девочки росли
И наряжали кукол.

И где как будто жизнь прошла,
Куда хозяйка дома
Как будто девочкой вошла
К парнишке молодому.

Где пел по веснам свой скворец
И жил, как все на свете,
Порядком вечным: мать, отец,
Потом скворчата-дети.

Пришла в родную сторону
Чужая злая сила.

И порознь мужа и жену
Из дома проводила.

И где-то, где-то он сейчас,
Какой идет дорогой,
Солдат, что воинскую часть
Свою искал с тревогой.

Теперь меж небом и землей,
Огнем вокруг объятой,
Она была его семьей,
Его родною хатой.

И человек среди людей,
Как хлебом и одеждой,
Он был обязан только ей
Своей мечтой-надеждой.

В пути, за тридевять земель,
У Волги ли, у Дона
Свою в виду держал он цель,
Солдат,— дойти до дома.

Хоть крупным, может быть, путем —
Дойдем, придем с победой
Домой!
А что уже тот дом —
Не все ты знал и ведал.

В тот первый день из горьких дней,
Как собрался в дорогу,
Велел отец беречь детей,
Смотреть за домом строго.

Велел сидеть в своем углу
В недобрую годину,
А сам жену в чужом тылу,
В глухом плену покинул.

Ну что ж, солдат, взыщи с нее,
С жены своей, солдатки,
За то, что, может быть, жилье
Родное не в порядке;

Что не могла глядеть назад,
Где дом пылал зажженный.
Как гнал ее чужой солдат
На станцию с колонной;

Что не могла она сберечь
В саду трехлеток-яблонь;
Что шла, покинув дом и печь,
А так детишки зябли!

Что шла, как пленные, в толпе
На Запад под конвоем;
Что не отправила тебе
Письма с дороги, воин.

За все с того, кто виноват,
По всем статьям устава
Взыщи со строгостью, солдат,
Твое, хозяин, право.

Всего и нужно для суда
И для сведенья счетов
Прийти с победою туда,
Проверить, как и что там.

Отдать поклон краям своим,
Припав к земле с винтовкой,
Сквозь смерть прийти туда живым,—
За малым остановка.

Сквозь смерть иди, не умирай,
В жару лица не утирай,
В снегах пе мерзни в зиму.
Там, впереди, твой отчий край,
Солдат, твой дом родимый.

Шагай, солдат, свои права
Имея в этом мире,
Шагай, воюй и год, и два,
И три, и все четыре!..

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:

Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.

Пускай всегда годину ту
На память нам приводит
И первый снег, и рожь в цвету,
Когда под ветром ходит.

И каждый дом и каждый сад
В ряду — большой и малый.
И дня восход и дня закат
Над темным лесом — алый.

Пускай во всем, чем жизнь полна,
Во всем, что сердцу мило,
Нам будет памятка дана
О том, что в мире было.

Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколенья.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье — не в забвенье!

ГЛАВА 8

Родился мальчик в дни войны,
Да не в отцовском доме,—
Под шум чужой морской волны
В бараке на соломе.

Еще он в мире не успел
Наделать шуму даже,
Он вскрикнуть только что посмел —
И был уже под стражей.

Уже в числе всех прочих он
Был там, на всякий случай,
Стеной-забором огражден
И проволокой колючей.

И часовые у ворот
Стояли постоянно,
И счетверенный пулемет
На вышке деревянной.

Родился мальчик, брат меньшой
Троих детей крестьянки,
И подают его родной
В подаренной портянке.

И он к груди ее прирос —
Беда в придачу к бедам,
И вкус ее соленых слез
Он с молоком отведал.

И начал жить, пока живой,
Жилец тюрьмы с рожденья.
Чужое море за стеной
Ворочало каменья.

Свирепый ветер по ночам
Со свистом рвался в щели,
В худую крышу дождь стучал,
Как в полог колыбели.

И мать в кругу птенцов своих
Тепло, что с нею было,
Теперь уже не на троих,
На четверых делила.

В сыром тряпье лежала мать,
Своим дыханьем грея
Сынка, что думала назвать
Андреем — в честь Андрея,
Отцовским именем родным.

И в каторжные ночи
Не пела — думала над ним:
— Сынок, родной сыночек.

Зачем ты, горестный такой,
Слеза моя, росиночка,
На свет явился в час лихой,
Краса моя, кровиночка?

Зачем в такой недобрый срок
Зазеленела веточка?
Зачем случился ты, сынок,
Моя родная деточка?

Зачем ты тянешься к груди
Озябшими ручонками,
Не чуя горя впереди,
В тряпье сучишь ножонками?

Живым родился ты на свет,
А в мире зло несытое.
Живым — беда, а мертвым — нет,
У смерти под защитою.

Целуя зябкий кулачок,
На сына мать глядела:

— А я при чем, — скажи, сынок, —
А мне какое дело?

Скажи: какое дело мне,
Что ты в беде, родная?
Ни о беде, ни о войне,
Ни о родимой стороне,
Ни о немецкой чужине
Я, мама, знать не знаю.

Зачем мне знать, что белый свет
Для жизни годен мало?
Ни до чего мне дела нет,
Я жить хочу сначала.

Я жить хочу, и пить, и есть,
Хочу тепла и света,
И дела нету мне, что здесь
У вас зима, не лето.

И дела нету мне, что здесь
Шумит чужое море
И что на свете только есть
Большое, злое горе.

Я мал, я слаб, я свежесть дня
Твоею кожей чую,
Дай ветру дунуть на меня —
И руки развяжу я.

Но ты не дашь ему подуть,
Не дашь, моя родная,
Пока твоя вздыхает грудь,
Пока сама живая.

И пусть не лето, а зима,
И ветошь греет слабо,
Со мной ты выживешь сама,
Где выжить не могла бы.

И пусть ползет сырой туман
И ветер дует в щели,
Я буду жить, ведь я так мал,
Я теплюсь еле-еле.

Я мал, я слаб, я нем, и глуп,
И в мире беззащитен;
Но этот мир мне все же люб —
Затем, что я в нем житель.

Я сплю крючком, ни встать, ни сесть
Еще не в силах, пленник,
И не лежал раскрытый весь
Я на твоих коленях.

Я на полу не двигал стул,
Шагая вслед неловко,
Я одуванчику не сдул
Пушистую головку.

Я на крыльцо не выползал
Через порог упрямый,
И даже «мама» не сказал,
Чтоб ты слыхала, мама.

Но разве знает кто-нибудь,
Когда родятся дети,
Какой большой иль малый путь
Им предстоит на свете?

Быть может, счастьем был бы я
Твоим, твой горький, лишний,—
Ведь все большие сыновья
Из маленьких повышли.

Быть может, с ними белый свет
Меня поставит вровень.
А нет, родимая, ну, нет,—
Не я же в том виновен,

Что жить хочу, хочу отца
Признать, обнять на воле.
Ведь я же весь в него с лица —
За то и люб до боли.

Тебе приметы дороги,
Что никому не зримы.
Не дай меня, побереги...
— Не дам, не дам, родимый.

Не дам, не дам, уберегу
И заслоню собою,
Покуда чувствовать могу,
Что ты вот здесь, со мною.

...И мальчик жил, со всех сторон
В тюрьме на всякий случай
Стеной-забором огражден
И проволокой колючей.

И часовые у ворот
Стояли постоянно,
И счетверенный пулемет
На вышке деревянной.

И люди знали: мальчик им —
Ровня в беде недетской.
Он виноват, как все, одним:
Что крови не немецкой.

И по утрам, слыхала мать,
Являлся Однорукий,
Кто жив, кто помер, проверять
По правилам науки.

Вдоль по бараку взад-вперед
С немецким табелем пройдет:
Кто умер — ставит галочку,
Кто жив — тому лишь палочку.

И ровным голосом своим,
Ни на кого не глядя,
Убрать покойников — живым
Велит порядка ради.

И мальчик жил. Должно быть, он
Недаром по природе
Был русской женщиной рожден,
Возросшей на свободе.

Должно быть, он среди больших
И маленьких в чужбине
Был по крови крепыш мужик,
Под стать отцу — мужчине.

Он жил да жил. И всем вокруг
Он был в судьбе кромешной
Ровня в беде, тюремный друг,
Был свой — страдалец здешний.

И чья-то добрая рука
В постель совала маме
У потайного камелька
В золе нагретый камень.

А чья-то добрая рука
В жестянке воду грела,
Чтоб мать для сына молока
В груди собрать сумела.

Старик поблизости лежал
В заветной телогрейке
И, умирая, завещал
Ее мальцу, Андрейке.

Из новоприбывших иной —
Гостинцем не погребуй —
Делился с пленною семьей
Последней крошкой хлеба.

И так, порой полумертвы,
У смерти на примете,
Все ж дотянули до травы
Живые мать и дети.

Прошел вдоль моря вешний гром
По хвойным перелескам.

И очутились всем двором
На хуторе немецком.

Хозяин был ни добр, ни зол, —
Ему убраться с полем.
А тут работницу нашел —
Везет за двух,— доволен.

Харчи к столу отвесил ей
По их немецкой норме,
А что касается детей,—
То он рабочих кормит.

А мать родную не учить,
Как на куски кусок делить,
Какой кусок ни скудный,
Какой дележ ни трудный.

И не в новинку день-деньской,
Не привыкать солдатке
Копать лопатою мужской
Да бабьей силой грядки.

Но хоть земля — везде земля,
А как-то по-другому
Чужие пахнут тополя
И прелая солома.

И хоть весна — везде весна,
А жутко вдруг и странно:
В Восточной Пруссии она
С детьми, Сивцова Анна.

Журчал по-своему ручей
В чужих полях нелюбых,
И солона казалась ей
Вода в бетонных трубах.

И на чужом большом дворе
Под кровлей черепичной
Петух, казалось, на заре
Горланит непривычно.

Но там, в чужбине, выждав срок,—
Где что — не разбирая,—
Малютка вылез за порог
Хозяйского сарая.

И дочка старшая в дому,
Кому меньшого нянчить,
Нашла в Германии ему
Пушистый одуванчик.

И слабый мальчик долго дул,
Дышал на ту головку.
И двигал ящик, точно стул,
В ходьбе ловя сноровку.

И, засмотревшись на дворе,
Едва не рухнул в яму.
И все пришло к своей поре,
Впервые молвил:
— Мама.

И мать зажмурилась от слез,
От счастья и от боли,
Что это слово произнес
Ее меньшой в неволе...

Покоса раннего пора
За дальними пределами
Пришла. Запахли клевера,
Ромашки, кашки белые.

И эта памятная смесь
Цветов поры любимой
Была для сердца точно весть
Со стороны родимой.

И этих запахов тоска
В тот чуждый край далекий
Как будто шла издалека —
Издалека с востока.

И мать с детьми могла тогда
Подчас поверить в чудо:
— Вот наш отец придет сюда
И нас возьмет отсюда.

Могло пригрезиться самой
В надежде и тревоге,
Как будто он спешит домой
Да припоздал в дороге.

А на недальнем рубеже,
У той границы где-то,
Война в четвертое уже
Свое вступала лето.

И по дорогам фронтовым
Мы на дощечках сами
Себе самим,
Кто был живым,
Как исповедь писали:

Не пощади
Врага в бою,
Освободи
Семью
Свою.

ГЛАВА 9

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

И завершаю в год иной,
Когда от стен Берлина
Пришел солдат с войны домой
Своей дорогой длинной.

Чего, чего не повидал,
Казалось, все знакомо.
Но вот пришел, на взгорке стал —
И ни двора, ни дома.

И там, где канули в огне
Венцы, столбы, стропила,—
Темна, жирна по целине,
Как конопля, крапива.

Да груда глины с кирпичом,
Золою перебитая,
Едва видна на месте том,
Уже травой прошитая.

Глухой, нерадостный покой
Хозяина встречает.
Калеки-яблони с тоской
Гольем ветвей качают.

Глядит солдат: ну, ладно — дом,
А где жена, где дети?..

Да, много лучше о другом,
О добром петь на свете.

Но не минуешь горьких слез,
Которым срок не минул.
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Не каждой женщине — жене,
Родной сестре, невесте —
О тех, что сгинули в войне,
В конце дождаться вести.

Ответ не каждому письму,—
Иное без ответа.
Привет не каждому тому,
Чье сердце ждет привета.

Но если та горька печаль,
Чье место свято в доме,
То, может, легче, да едва ль,
Печаль особой доли.

Печаль подвижника-бойца,
Что год за годом кряду
Войну исполнил до конца,
И вот тебе награда!

Присел на камушке солдат
У бывшего порога,
Больную с палочкою в ряд
Свою устроил ногу.

Давай солдат курить табак,
Сходиться люди стали,
Не из чего-нибудь, а так —
В свидетели печали.

Стоят над нею, опершись
На грабли, на мотыги.
Вздохнул один и молвил:
— Жизнь... —

Другой сказал:
— Как в книге...

А третьи только и могли
Добавить осторожно:
— Еще не все домой пришли
Из той дали острожной.

И отвести старались взгляд
Соседи в разговоре,
Чтоб не видать, как он, солдат,
Давясь, глотает горе.

Не мог он душу освежить
Тем трудным, скрытым плачем...
Все так.
А надо было жить.
И жить хозяин начал.

Погостевал денек-другой.
— Ну что ж, на том спасибо.—
И потянул с больной ногой
На старую селибу.

Перекурил, шинель долой,
Разметил план лопатой.
Коль ждать жену с детьми домой,
Так надо строить хату.

А где боец за столько лет
Себе жилья не строил!
Не только там, где лесу нет,
А нет земли порою.

Где нет земли, один песок,
А то, как камень, грунт жесток,
А то — болото. Мука!
А на земле — не штука.

Так-сяк, колхоз
Леску подвез,
Помог до крыши сруба.
А дальше сам
Мостил, тесал,—
Займись — оно и любо.

И все спешил покончить в срок,
Как будто в хате новой
Скорей солдат увидеть мог
Семью живой-здоровой.

К покосу был окончен дом,
Как раз к поре горячей.
А сам солдат ютился в нем
Со дня, как строить начал.

На свежеструганом полу,
Что облекал прохладой,
Он отдыхал в своем углу
С великою отрадой.

Да что! У смерти на краю,
На каждом новоселье,
И то любитель был свою
Обжить, устроить келью.

Не знаешь, год иль день там быть,
А все же и в землянке
Охота гвоздь какой-то вбить,
Зажечь фитиль в жестянке.

Водой, дровами запастись,
Соломой побогаче.
А там — приказ. И в ночь снялись,
И с тем жильем навек простись! —
А жить нельзя иначе.

Соорудил хозяин стол,
Лежанку возле печи.
И все в порядок произвел
Желанной ради встречи.

Гадал, старался что к чему
Приладить, вспомнить кстати...

И так тоскливо самому
Вдруг стало в этой хате.
Такая горькая нашла
Душе его минута.

— Зачем не ты меня ждала,
А я тебя, Анюта?

И не мила, не дорога
Ему своя светлица...

Пошел солдат с людьми в луга,
Чтоб на людях забыться.

Чтоб горе делом занялось,
Солдат вставал с рассвета
И шире, шире гнал прокос —
За все четыре лета.

Вслед за косой качал солдат
Спиной, от пота серой.
И точно время на свой лад,
Своею мерял мерой.

И добрым ладом шли часы,
И грудь дышала жадно
Цветочным запахом росы,
Живой травы из-под косы —
Горькавой и прохладной.

И сладкий пек июльский зной,
Как в годы молодые,
Когда еще солдат с женой
Ходил в луга впервые.

В луга верст за пять от села.
И пот кипел на коже,
И точно сила, как была, —
Не та, не та, а все же!..

И косу вытерши травой
На остановке краткой,
Он точно голос слушал свой,
Когда звенел лопаткой.

И голос тот как будто вдаль
Взывал с тоской и страстью.
И нес с собой его печаль,
И боль, и веру в счастье.

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

1942—1946

ПРИМЕЧАНИЯ[1]

[1] Литературоведческая часть примечаний написана Ю. Г. Буртиным, справочно-библиографическая — Р. М. Романовой.

1

Второй том включает стихотворные произведения Твардовского, созданные в годы Великой Отечественной войны и предшествовавшей ей Финской кампании 1939—1940 годов. Наряду со стихотворениями сюда входят обе его военные поэмы — «Василий Теркин» и «Дом у дороги», принадлежащие к числу выдающихся произведений русской поэтической классики.

Поэзия военных лет составляет особый целостный этап в творчестве Твардовского — особый как по своим непосредственным творческим результатам, так и по своему влиянию на весь его дальнейший путь. Помимо само собой разумеющейся новизны «материала», война внесла в поэзию Твардовского столько качественно нового, совершила в его творческом сознании такие глубокие сдвиги, что есть все основания говорить как бы о «втором рождении» поэта.

Первый раздел настоящего тома, охватывающий стихотворения 1940—1945 годов [1], позволяет с достаточной наглядностью проследить, как шел этот процесс, выявить его основные ступени и внутреннюю логику.

Первая из таких ступеней — стихи периода Финской кампании. Они обладают многими достоинствами: точные подробности фронтового быта, реальное ощущение тяжести этой «незнаменитой», но жестокой и кровопролитной войны; жанром новеллы в стихах («Григорий Пулькин», «Шофер Артюх», «Высшая честь», «Давай-ка, товарищ, вставай, помогу...») поэт на новом материале пользуется с тем же искусством, что и до войны, а выбор персонажей — кузнец, шофер — подтверждает его всегдашнее любовное внимание прежде всего к рядовому, обыкновенному человеку, хотя бы и с «Золотой Звездой Героя» на груди. Вместе с тем нельзя не видеть, что в преобладающем большинстве это произведения специфического агитационно-воспитательного назначения,

---

[1] В пятитомнике они составляли цикл «Фронтовая хроника», в свою очередь подразделявшийся на циклы «В снегах Финляндии», «Юго-Западный фронт», «Смоленщина» и «Возмездие». В настоящем собрании сочинений названия циклов сняты и стихотворения расположены в хронологической последовательности их создания и публикации (подробнее об этом см. в примеч. к т. 1 наст. собр. соч.).

стихи для фронтовой газеты. В них почти нет «самого себя» — как в непосредственно личном, «биографическом» плане, так и в смысле попыток собственного (исторического, философского, нравственного) осмысления описываемых событий, — иначе говоря, нет лирики как таковой. Объясняется это, очевидно, не столько внешними причинами (необходимостью писать «в номер» и т. п.), сколько внутренними: как ни сильны были впечатления от боев на Карельском перешейке, переворота в душе поэта они все же не совершили.

Его совершила Великая Отечественная война. Знаки такого переворота можно видеть уже в самых первых стихотворениях июля—августа 1941 года, в которые острота переживаемых чувств вновь вводит прямое лирическое «я» («Тебе, Украина», «Пускай до последнего часа расплаты...»). В первом из названных стихотворений есть чрезвычайно характерные строки:

Вздохни, оглянись — и увидишь впервые,
Как вольно раскинулась эта земля...

Действительно, война как бы прорезала новое зрение: многое виделось, ощущалось, понималось словно бы впервые.

Прежде всего это относится к чувству родины. И у довоенного Твардовского оно было живым и сильным («За тысячу верст», «Поездка в Загорье» и др.). Однако теперь, обращаясь к родной смоленской стороне, он, при всей своей нелюбви к преувеличениям, скажет: «Ты, огнем опаленная // До великой черты, // Ты, за фронтом плененная, // Оскорбленная, — // Ты // Никогда еще ранее // Даже мне не была // Так больна, так мила — // До рыдания...» («Партизанам Смоленщины»). И в самом деле, это многократно возросшее чувство — любви и ответственности, гордости и боли — наполнит собою, в сущности, всю поэзию Твардовского военных лет, не исключая и тех ее страниц, где непосредственно не говорится ни о Смоленщине, ни о России.

Сказанное не означает, однако, что, обусловленное войной и вместе с нею начавшееся, «второе рождение» поэта было быстрым и легким. Не случайно на протяжении 1941-го и первой половины 1942 года основным жанром его поэтической работы остается по-прежнему стихотворная новелла героического содержания: «Рассказ танкиста», «Сержант Василий Мысенков», «Баллада об отречении» и др. Многие из этих стихотворений удачны, сравнимы с лучшими произведениями советской стихотворной эпики военных лет, а некоторые («Дом бойца», «Баллада о товарище») интересны и в том смысле, что представляют собой первоначальную разработку мотивов, которые будут развернуты впоследствии

в поэмах «Василий Теркин» и «Дом у дороги». И все же, как отмечал позднее сам автор, хотя «за каждым из этих стихотворений было... живое фронтовое впечатление», «собственно литературный момент как-то отдалял от читателя реальность и жизненность этих впечатлений, фактов, людских судеб» (пятитомник, т. 2, с. 384, и т. 5 наст. изд.).

То, что поэт называет здесь «собственно литературным моментом», — было, по сути дела, своего рода инерцией формы и содержания, шедшей от стихов периода той же Финской кампании и, шире, от того понимания воспитательной роли литературы, которое в годину великой общей беды уже не выражало реальных взаимоотношений писателя и читателя. Преодоление такой инерции, требовавшее глубокой внутренней самоперестройки, не могло быть ни легким, ни безболезненным. В статье «Как был написан «Василий Теркин» Твардовский говорит о «чувстве неудовлетворенности всеми видами нашей работы в газете», которое нарастало в нем и где-то на рубеже 1941—1942 годов стало прямо-таки «личной бедой» (пятитомник, т. 2, с. 384, и т. 5 наст. изд.).

Выйти из творческого кризиса помогла Твардовскому сама же война. Остановка, а затем разгром немцев под Москвой качественно изменили не только характер военных действий, но и состояние народного духа. Война превращалась в быт, в «работу», тяжкую, но устойчивую в своей повседневности.

В творчестве Твардовского знамением такого превращения стало стихотворение «Армейский сапожник» (1942). Будничная, «мирная» сцена: «В лесу, возле кухни походной, // Как будто забыв о войне, // Армейский сапожник холодный // Сидит за работой на пне». Неторопливо и подробно лепит автор портрет рядового, никакими особыми заслугами не отмеченного труженика войны: важную хмурость мастера, скупую точность его движений, окурок, лихо висящий у него на губе. И с полнейшей естественностью входит в эту картину штрих, в котором — вся глубина перелома совершившегося в народном сознании: «И в сторону гулкой, недальней // Пальбы — перелет, недолет — // Неспешно и как бы похвально // Кивает сапожник: // — Дает? // — Дает, — отзывается здраво // Боец. И не смотрит. Война. // Налево война и направо. // Война поперек всей державы, // Давно не в новичку она». В этом народном — трезво-реалистическом и оптимистическом вместе — ощущении войны — психологическая почва, на которой выросли и «Книга про бойца», и лучшие страницы фронтовой лирики поэта.

С весны — лета 1942 года характер стихотворений Твардовского заметно меняется. Особенно — если судить о нем не только

по изданиям военных лет (куда включались в основном вещи непосредственно публицистического звучания), а принять во внимание и «Стихи из записной книжки», родившиеся в 1943—1945 годы, но опубликованные лишь после войны.

Одна из отличительных особенностей этого периода — новое обращение поэта к бытовым подробностям войны. Не к тому внешнему «колориту» фронтовой жизни («мороз, иней, разрывы снарядов, землянки» и т. п.), который был душевно и поэтически освоен (и исчерпан) Твардовским еще в дни Финской кампании. Теперь он больше и пытливее приглядывается к человеческим лицам и будничным сценам — индивидуально-многообразным ликам времени и народной судьбы. Точность и трезвость, нежелание уклоняться от горького, сложного сближает многие поэтические этюды Твардовского с его прозой военных лет — очерками, вошедшими в книгу «Родина и чужбина» (см.: пятитомник, т. 4, и т. 4 наст. изд.). Есть и прямые переклички: например, очерк «Дети и война» — стихотворения «В пилотке мальчик босоногий...», «Армейский сапожник» («Сынишка сидит сиротою // С немецкой гармошкой губною // На чьей-то холодной печи»), очерк «С дороги» — стихотворение «В литовской усадьбе», очерк «Тетя Зоя» — стихотворение «Дом по дороге фронтовой...», и др.

Как в прозу, так и в стихи Твардовского входит в эту пору интонация раздумья, внутреннего диалога, вопросов самому себе — с отнюдь не простым и не однозначным «ответом», готовность без предвзятости учесть реальные сложности жизни («Ветром, что ли, подунуло...», «За Вязьмой», «Зачем рассказывать о том...»). Эта заметно проявившаяся проблемность и осознанный антисхематизм знаменовали собой значительный сдвиг в творческом сознании автора. Сдвиг в сторону художественной объективности, «исследовательского» начала его реализма. А с другой стороны, теми же вопросами и раздумьями непосредственно и открыто заявляла о себе сама личность поэта, которую единочувствие с народом, воюющим за правое дело, укрепляло в ее духовном суверенитете, в доверии к собственному пониманию и постижению вещей, к собственному чувству.

Лиризм — без сомнения, господствующая стихия в творчестве Твардовского этих лет, наполняющая собой все его формы как собственно лирические, так и эпические по своей жанровой природе: и обе поэмы, и прозу, и все виды стихотворений. Это относится и к стихотворной публицистике, в которой уже в годы войны зазвучали величавые «пушкинские» ямбы («Возмездие»), и к таким, казалось бы, чисто повествовательным вещам, как «Дорога до дому», — в них также слышится ощутимый лириче-

ский подтекст. Но есть тут и лирика, так сказать, в чистом виде, и именно с нею связаны едва ли не самые глубокие и сильные страницы фронтовых стихов: «Две строчки», «На Днепре», «В поле, ручьями изрытом...».

Знаменитая лирическая миниатюра «Две строчки» (1943), может быть, больше других стихотворений Твардовского говорит о тех глубоких изменениях, которые внесла война в его мироощущение и творчество. Поразительная краткость — результат емкости каждого слова, зрелости мысли и мастерства. Пронзительный реализм подробностей, мужественная прямота взгляда на беспощадность войны и смерти. И в то же время во всех этих горестных подробностях, в этом отцовском слове «мальчик» столько боли и сострадания к чужой загубленной жизни, что сила этих чувств вызывает у самого поэта даже недоумение, как бы вопрос самому себе:

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незнаменитой,
Забытый, маленький, лежу.

Чувство, до этого лишь проступавшее в четких линиях «объективного» рисунка, прорывается здесь прямым лирическим изъяснением, подчиняя себе и ритмику, и интонацию, и синтаксис горячей, бьющейся в напряженных повторах стихотворной фразы. Поэзия Твардовского и в 30-е годы привлекала своей человечностью; однако, читая такие произведения, как «Две строчки», нельзя не почувствовать в них существенно иную, чем прежде, степень близости к человеку, иной градус сердечного тепла.

Особого внимания достойно то обстоятельство, что «среди большой войны жестокой» любовь и жалость поэта со всей остротой непосредственно личного переживания обращены к безымянному «бойцу-парнишке» другой и притом «малой» войны, давно заслоненной последующими грозными событиями. В этом особенно явственно проступает высший, общечеловечески-гуманный смысл стихотворения. А с другой стороны, не менее знаменательно и то, что, сделав свою запись в 1940 году (и, значит, тогда же увидев эту смерть так, как видит ее читатель теперь), поэт лишь много позже, в совсем ином состоянии души, сумел и смог поэтически претворить свое давнее впечатление на таком уровне чувства, мысли, мастерства. На уровне «Теркина» и «Дома у дороги», на уровне нравственно-философских вершин русской литературы.

В состав лирики Твардовского органически входят и стихи, писавшиеся как куски и целые главы его военных поэм, но впоследствии ставшие самостоятельными стихотворениями. В их числе «В пути» (глава из первоначального варианта «Дома у дороги»), одно из наиболее значительных произведений военных лет, в обобщенных образах солдата и солдатки дающее как бы синтез генеральных тем обеих поэм Твардовского о войне. С «Домом у дороги» связаны своим происхождением также стихотворения «Отцов и прадедов примета...» и «Огонь», с «Книгой про бойца» — «Когда пройдешь путем колонн...» и «Рассказ старика». Наряду с этими стихотворениями, давно известными читателю, в настоящее собрание сочинений впервые включены некоторые значительные, внутренне законченные фрагменты упомянутых поэм, опубликованные лишь посмертно («Война, война. Любой из нас...», «Под вражьим тяжким колесом...» и др.). В остальном содержание раздела стихотворений совпадает с составом цикла «Фронтовая хроника» в пятитомнике, строго отобранным автором из большого числа его стихов, публиковавшихся в армейской печати.

2

Главным итогом духовного развития поэта в рассматриваемый период явился тот *народный взгляд на войну и человека на войне*, который выразился и в лучших его стихотворениях военного времени, и в его прозе, и — с особенной полнотой — в поэмах «Василий Теркин» и «Дом у дороги». Именно он в наибольшей степени определил как своеобразие военного этапа в творчестве Твардовского, так и место обеих поэм в нашей литературе, в ее историческом движении.

О содержании и особенностях этого взгляда дают представление некоторые устойчивые мотивы, проходящие через произведения Твардовского самых различных жанров. Соединенные между собою глубокой внутренней связью, они в совокупности составляют целостную народную философию войны.

Исходным среди таких мотивов является ощущение войны как неимоверного по своей тяжести *бедствия*, обрушившегося на родную землю. Исходным — прежде всего в том смысле, что именно это значение войны безраздельно овладело душой поэта, вместе с миллионами других душ, в первую же минуту, когда пришла весть о гитлеровском нашествии. В очерке «Память первого дня», из книги «Родина и чужбина», Твардовский так опи-

сывает колхозников подмосковной деревни, услышавших эту весть: «Они сидели и молчали и ответили на мое приветствие так тихо, скупо и строго, как будто тут был покойник. Властью суровой, тяжкой думы о *непоправимой и ясной с самого начала беде, касающейся всех и каждого,* — этой властью они были повержены в немоту или какой-то смутный и трудный полусон». И добавляет: «Но и эти люди *в самом глубоком своем, унаследованном от предков* глубоко личном осознании начавшейся беды не могли, конечно, в тот день довести ее мысленно до занятия немцами их деревни Грязи» (пятитомник, т. 4, с. 156—157, и т. 4 наст. изд. Курсив мой. — *Ю. Б.*).

Об особом характере и социально-политическом содержании Великой Отечественной войны, о величии всемирно-исторического подвига, совершенного советским народом, Твардовский скажет в «Василии Теркине» словами поистине несравнимой масштабности и силы. И в то же время, без какого-либо противоречия с этим, в его размышлениях о войне всегда скрыто или явно присутствует «та память вынесенных мук», которая, накапливаясь от войны к войне, от поколения к поколению, жила в глубинах народного сознания и с известием о вторжении на нашу землю врага выступила наружу чувством огромной общей беды. С особенной настойчивостью звучит этот мотив в поэме «Дом у дороги» и в стихотворениях-фрагментах, выделившихся из ее первоначального варианта: «В крови у женщины живет чутье беды — войны»; «Ей по наследству мать ее // Успела передать // Войны великое чутье,// А той — другая мать...»

Картины этой жестокой беды во всей своей многоликой и неприкрашенной правде многократно возникают и в лирике Твардовского («Отец и сын», «В Смоленске» и мн. др.) и в поэмах. И самое слово «беда» не раз повторяется на страницах произведений Твардовского как определение войны, ее синоним. «Перед войной, как будто в знак беды...», «Черна на небе туча, // Страшна беда-война» («В пути»); «Заняла война полсвета, // Стон стоит второе лето... К Волге двинулась беда» («Василий Теркин»); «Смешалось все, одной беды — // Войны знаменьем было» («Дом у дороги»). И если, говоря о войне, поэт прибегает к уподоблениям, то это всегда образы страшных стихийных бедствий: пожара, бури, потопа.

Ощущение «глубины всенародно-исторического бедствия» составляет общую основу всех размышлений поэта о войне.

Вот один ряд таких размышлений. Раз война идет «потопом по лицу земли живой», смертельно угрожая всем и каждому, то смысл ее для нас прост и ясен: изгнать захватчиков, освобо-

дить родную землю. «Друг-читатель, я ли спорю, // Что войны милее жизнь? // Да война ревет, // Как море, // Грозно в дамбу упершись. // Я одно скажу, что нам бы // Поуправиться с войной, // Отодвинуть эту дамбу // За предел земли родной» («Василий Теркин», глава «От автора»). А поскольку сделать это можно лишь единым, дружным усилием всех, то сам собою вступает в действие извечный, неписаный, но непреложный закон: встречать общую беду сообща, всей массой наличных человеческих сил.

Любопытную эволюцию претерпевает в этом смысле у Твардовского понятие воинского долга. Если духу и смыслу стихов периода Финской кампании отвечали главным образом формулы типа: «Подвиг — это долг» («Шофер Артюх») или «Врага уничтожить — большая заслуга, // Но друга спасти — это высшая честь» («Высшая честь»), то в стихотворении «Когда пройдешь путем колонн...» (1943), выросшем из «заготовок» к «Теркину», поэт, словно отвечая себе вчерашнему, скажет: «И про отвагу, долг и честь // Не будешь зря твердить. Они в тебе, // Какой ты есть, // Каким лишь можешь быть». Дело тут, понятно, не только в нелюбви к «громким» словам: просто эти слова, вполне уместные и «достаточные» в условиях мирного времени или малой, «тактической» войны, уже не выражали всей личностной глубины, той связи советского человека с Родиной, что обнаружила себя в годину всенародного бедствия.

В «Книге про бойца» и в «Доме у дороги» чувство долга, многократно усиленное, претворяется в более широкое, всеобъемлющее чувство причастности каждого человека к великому народному целому, тревоги за него, ответственности перед ним и неотклонимой нравственной обязанности подставить плечо под навалившуюся на всех тяжесть. Глава из «Василия Теркина», которая так и называется «О войне», внешне шутливо-легко, но по существу серьезно и глубоко формулирует этот обращенный к каждому категорический императив эпохи великих бедствий: «Грянул год, пришел черед, // Нынче мы в ответе // За Россию, за народ // И за все на свете. // От Ивана до Фомы, // Мертвые ль, живые, // Все мы вместе — это мы, // Тот народ, Россия. // И поскольку это мы, // То скажу вам, братцы, // Нам из этой кутерьмы // Некуда податься. // Тут не скажешь: я — не я, // Ничего не знаю, // Не докажешь, что твоя // Нынче хата с краю... // Раз война — про все забудь // И пенять не вправе, // Собирался в долгий путь, // Дан приказ: «Отставить!»

Определяемое непреложной жизненной необходимостью, участие Теркина в «святом и правом» бою за Родину естественно и органично. Защищая свое, кровное, он воюет, что называется,

не за страх, а за совесть и потому воюет хорошо: отважно, инициативно, успешно. А с другой стороны, по тем же самым причинам это его участие в общем ратном труде легко обходится без лишней патетики, выражаясь предельно просто: «Ну, война — так я же здесь» (глава «На привале»).

Народный взгляд на войну сказался, однако, не только в том, как по-своему, по-особому говорил автор «Теркина» о всеобщей беде и солдатском долге. Еще в большей степени этот взгляд выразился в том, что ни «Василий Теркин», ни «Дом у дороги» не замкнуты на теме долга, его осознания и исполнения. Глубоко знаменательно, что «Книга про бойца» начинается со слов о воде, еде, шутке и правде, то есть не о том, что̀ солдат «должен» войне, а о том, что̀ ему самому в его фронтовой жизни дорого и необходимо. Как ни страшна угроза целому: Советскому государству, самому существованию всех советских наций, как ни велика та цель, во имя которой сражается солдат, поэт менее всего согласен видеть в нем только орудие достижения этой цели, отдельное от нее самой. Для Твардовского солдат прежде всего человек, живая, неотъемлемая частица народного целого, вместе с ним подверженная губительной силе «беды-войны» и вместе с ним ее преодолевающая. «Какой палец ни укуси — все больно», — этим народным речением, пожалуй, ближе всего передается то соотношение частного и общего, которое отличает подход поэта к теме «Народ на войне».

Обилие «быта» в военных книгах Твардовского — фронтового в «Книге про бойца», домашнего, затем концлагерного в «Доме у дороги» — чрезвычайно значительная, принципиальная их черта. Достаточно взять любую из бытовых тем в «Теркине», этой, по выражению читателя-фронтовика, «энциклопедии фронтовой жизни бойца», чтобы почувствовать постоянство и силу гуманизма Твардовского, его глубоко демократический, народный характер. Вот, к примеру, тема солдатского сна, ночлега, проходящая по многим главам: «Спят бойцы, как сон застал, // Под сосною вповкат. // Часовые на постах // Мокнут одиноко» («На привале»); «И усталая с похода, // Что б там ни было, — жива, // Дремлет, скорчившись, пехота, // Сунув руки в рукава» («Переправа»); «Утомленные ночлегом, // Шли бойцы из всех берлог // Греться бегом, мыться снегом, // Снегом жестким, как песок» («Теркин ранен»); «Сон-забвенье на пороге, // Ровно, сладко дышит грудь. // Ах, как холодно в дороге // У объезда где-нибудь! // Как прохватывает ветер, // Как луна теплом бедна! // Ах, как трудно все на свете: // Служба, жизнь, зима, война» («Отдых Теркина»).

Бытовое здесь — больше самого себя, это форма, плоть *чело-*

веческого. Война принесла в поэзию Твардовского понимание того, «что̀ человеку надо», осознание его действительных жизненных потребностей, согретое вместе с тем такой теплотой сопереживания, что книги поэта становились живым выражением этих потребностей, их прямым представительством в литературе. Душевно приблизив поэта к «человеку на войне», то есть в той «экстремальной ситуации», когда отходит в сторону все мнимозначительное и поверхностное, сама жизнь создала почву для главного философского и поэтического открытия, совершенного Твардовским в те годы, — постижения коренных ценностей человеческого бытия. Вода и хлеб. Тепло жилья, наслаждение отдыха. Счастье мирного труда, семьи, родного дома («Помытый пол блестит в дому // Опрятностью такою, // Что просто радость по нему // Ступить босой ногою. // И хорошо за стол свой сесть // В кругу родном и тесном, // И, отдыхая, хлеб свой есть, // И день хвалить чудесный. // Тот вправду день из лучших дней, // Когда нам вдруг с чего-то // Еда вкусней, // Жена милей // И веселей работа» — «Дом у дороги», гл. 2). Мать, дети, великая сила любви, которая воистину «на войне сильней войны и, быть может, смерти». Надежность дружбы, фронтового товарищества. Правда, «как бы ни была горька». Земля со всей своей живой красотой, противящаяся и противостоящая огню, разрушению. Родина, малая и большая, ее прошлое и будущее... Ни «вечный» характер этих ценностей, ни то, что в большей или меньшей степени они существовали для поэта и в довоенные годы (см., например, в т. 1 наст. собр. соч. такие стихотворения, как «Ивушка», «Дед Данила в лес идет»), не отменяют того факта, что это было именно открытие и огромный шаг вперед, возводивший поэзию Твардовского (а тем самым в известной мере и советскую литературу в целом) на новую, более высокую ступень.

Что̀ человек *должен* в годину всенародного бедствия и что̀ сам он терпит от «беды-войны», в чем испытывает насущную жизненную потребность — обо всем этом автор «Василия Теркина» и «Дома у дороги» сумел сказать полновесное народное слово. Более того: не в ущерб ни одному из этих начал он смог органически соединить их в едином философском и поэтическом целом. Чтобы понять «секрет» такого единства, следует присмотреться в особенности к решению в «Книге про бойца» темы жизни и смерти — самой коренной и трудной из военных тем.

Пожалуй, ни в каком другом крупном произведении периода Великой Отечественной войны мотив смерти не занимает такого места, как в этой знаменитой своей бодростью и юмором книге. Картины смерти не раз встают на ее страницах с той же неуклон-

пой правдивостью и остротой сопереживания, как «холод, страх, усталость, грязь» и прочие тяготы солдатской доли. Вспомнить хотя бы «Переправу»: «И столбом поставил воду // Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд. // Густо было там народу — // Наших стриженых ребят... // И увиделось впервые, // Не забудется оно: // Люди теплые, живые // Шли на дно, на дно, на дно...» Или, чуть позже, о тех, кому удалось-таки переправиться: «А быть может, там с полночи // Порошит снежком им в очи, // И уже давно // Он не тает в их глазницах // И пыльцой лежит на лицах — // Мертвым все равно». Трагические несоответствия, вносимые смертью в живой человеческий порядок, выступают здесь с поразительной простотой и силой: «Стужи, холода не слышат, // Смерть за смертью не страшна, // Хоть еще паек им пишет // Первой роты старшина. // Старшина паек им пишет, // А по почте полевой // Не быстрей идут, не тише // Письма старые домой...»

О смерти, об опасности, изо дня в день грозящей солдату, поэт думает не реже и не беззаботнее его самого. Ему понятен страх, естественный для всякого живого существа. «И какой ты вдруг покорный // На груди лежишь земной, // Заслонясь от смерти черной // Только собственной спиной» («Кто стрелял?»). И автор не спешит уверить читателя, что страх этот напрасен — все останутся целы и невредимы. Напротив, он не раз возвращается к мысли о «бомбе-дуре» и «осколке-дураке», о слепой воле случая, которая «жизнь, как веточку, колышет», о том, «что, быть может, эта сила // Уцелевшим из огня // Человека выносила // До сегодняшнего дня, — // До вот этой борозденки, // Где лежит, вобрав живот, // Он, обшитый кожей тонкой // Человек. Лежит и ждет...» («В наступлении»).

В постоянном роковом соседстве со смертью жизнь человеческая предстает у Твардовского как величайшая, ни с чем не сравнимая ценность. Ее «жалко дозарезу» («Кто стрелял?»), «Жалко жизни той, приманки, // Малость хочется пожить, // Хоть погреться на лежанке, // Хоть портянки просушить...» («Теркин ранен»). И поэт не стремится умалить в солдате эту его жалость к себе, даже не обещает ему никакой награды, никакой особой личной славы: «С мелкой надписью фанерку // Занесло сырым снежком» («Про солдата-сироту»).

Нужно в полной мере осознать эту позицию Твардовского, чтобы оптимизм «Книги про бойца», ее могучее мобилизующее воздействие, подтвержденное множеством писем читателей-фронтовиков, предстали в настоящем, полном своем значении. Что же позволяло этой книге возвышать дух «человека на войне», ни

на йоту не расходясь с самой трезвой и горькой правдой его переживаний?

Самым главным здесь было, конечно, то обстоятельство, которое и сам автор выделил, подчеркнул, трижды повторив слова, ставшие в нашем историческом сознании своего рода символом Великой Отечественной войны:

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Столь же высокие, сколь и простые, они вместили в себя всю суть одного из величайших и решающих событий всемирной истории.

В поэмах Твардовского нет прямых упоминаний ни о Гитлере, ни о фашизме. Но именно к *этой* войне, в которой наша страна, Советская Армия заслонили мир от смертельной угрозы, были приложимы слова поэта. И только к ней, в ее особом всемирно-историческом смысле и значении. Давая идейный, нравственный, художественно-эстетический камертон всему широкому и многообразному содержанию «Книги про бойца», эти слова ставили тяжкий ратный труд солдата, его жизнь и смерть в прямую неоспоримую связь с самым высшим и безусловным из всего, что знает человеческий разум. И это была та единственная мыслимая точка, с какой жизнь каждого отдельного человека, не переставая быть величайшей ценностью, охватывалась чем-то бо̀льшим, чем она сама, соподчинялась ему. «Сколько жить еще на свете, — // Год, иль два, иль тыщи лет, — // Мы с тобой за все в ответе», — говорит Теркин товарищу («О потере»). То, что до̀лжно, и то, что нужно человеку на войне, представало с этой позиции одинаково важным и в конечном счете единым.

«Жизнь одна и смерть одна». В поэтическом контексте «Книги про бойца» эта строка, заключавшая одну из центральных по своему смыслу глав — «Бой в болоте», соединяла в себе сразу три взаимосвязанных значения, важных для понимания философской идеи книги: перед лицом жизни и смерти все равны; у человека одна-единственная жизнь, и нет ценности выше ее; существует единая жизнь человеческого рода, которой ныне грозит общая беда, тотальная смерть; значит, надо ради жизни на земле сломить силу смерти, хотя бы и ценой величайшей для человека ценности — его собственной жизни. Отсюда в «Теркине» (с той же естественностью, с той же мерой правды, с какой говорится здесь о страхе смерти, о «неохоте» умирать) — идея *преодоления* страха, духовной, нравственной победы человека над смертью, один из важнейших, стержневых мотивов поэмы (в раз-

личных преломлениях проходящий и через все последующее творчество Твардовского — от «Дома у дороги» до поздней лирики). Не цитируя таких широкоизвестных страниц, как «Переправа», «Кто стрелял?», «Смерть и воин», напомним в данной связи лишь то место из главы «В наступлении», где цепь, залегшая под вражеским огнем, должна подняться в атаку: «И дождался, слышит Теркин: // — Взвод! За Родину! Вперед!..» Душевный «ответ» солдата поэт передает поразительными по силе и честности стихами, в которых заключена вся трагическая и возвышенная «диалектика» народной войны: «И хотя слова он эти — // Клич у смерти на краю — // Сотни раз читал в газете // И не раз слыхал в бою, — // В душу вновь они вступали // С одинаковою той // Властью правды и печали, // Сладкой горечи святой; // С тою силой неизменной, // Что людей в огонь ведет, // Что за все ответ священный // На себя уже берет. // — Взвод! За Родину! Вперед!..» И бойцы, «сорок душ — одна душа», поднимаются в атаку.

Проникнутая духом демократизма и коллективизма, поэзия Твардовского военных лет всем своим содержанием *соединяла* людей. Соединяла и теми своими страницами, где в переживаниях героев «Книги про бойца» читатели узнавали свою собственную усталость, тоску по жене и дому, боль от ран, страх смерти. И, соединяя, делала их сильнее.

Ощущение неистребимой жизненной силы народа, заступившего путь войне и смерти, проникает «Книгу про бойца», составляя основу и суть ее оптимизма. Это оптимизм действия; оптимизм, к которому можно было прийти, лишь полной мерой измерив всю глубину бедствия, посетившего родную землю, и потому противоположный тому легкомысленному или равнодушному бодрячеству, с которым на страницах поэмы не раз ведется прямой спор (см. главы «На привале», «Бой в болоте»). Оптимизм, о характере которого, может быть, лучше всего говорит концовка главы «Два солдата», где старик солдат, проникнувшись полным доверием к своему гостю, спрашивает его о самом главном: «И скажи мне откровенно, // Да не в шутку, а всерьез. // С точки зрения военной // Отвечай на мой вопрос. // Отвечай: побьем мы немца // Или, может, не побьем?»

Теркин не торопится с ответом на этот вопрос, который устами старого солдата задает ему как бы сама Россия. «Все припомнил, все проверил, // Подогнал и под конец // Он вздохнул у самой двери // И сказал: // — Побьем, отец...» В этом вздохе — вся тяжесть войны, вся безмерность цены, какую пришлось и еще придется уплатить за победу, однако ответ однозначен. Это —

своего рода «формула» оптимизма Твардовского. Не будь Теркин тверд в своем ответе, он не был бы Теркиным; не вздохни он перед тем — «Книга про бойца» утратила бы нечто чрезвычайно существенное в своем человеческом, гуманистическом звучании.

Народный по своей природе, оптимизм «военного» Твардовского естественно растет с ростом нашей воинской мощи, все более проникаясь радостным чувством победы. Это сказывается и на решении темы жизни и смерти — во всяком случае в той простейшей ее постановке, которая для солдата была, естественно, важнее всего: убьют или не убьют? Застрахованный неизменным чувством истины от пошлости как пессимистического, так и бодряческого, утешительского толка, поэт в начальных главах «Василия Теркина» (часто устами героя) отвечал на этот вопрос в духе, если можно так выразиться, «оптимистического фатализма»: «— Видно, бомба или пуля // Не нашлась еще по мне» («На привале»); «И пойдешь в огонь любой, // Выполнишь задачу. // И глядишь — еще живой // Будешь сам в придачу. // А застигнет смертный час, // Значит, номер вышел» («О войне»); «Буду ль жив еще? — Едва ли. // Тут воюй, а не гадай» («О награде»), — число подобных выдержек легко умножить. В стихотворении «В пути», написанном годом позже, та же мысль поворачивается уже несколько по-иному: «Убьют? Нельзя заране // Бояться никогда. // А может, прежде ранят, // И то — смотря куда». Иные ударения ставит теперь и Теркин: «— Брось, ребята, // Говорю — не попадет. // Сам сидит как будто в кресле, // Всех страхует от огня. // — Ну а если?.. // — А уж если... // Получи тогда с меня» («Бой в болоте»). Наконец, в главе «От автора», открывавшей во фронтовых, газетных и журнальных публикациях поэмы ее третью, заключительную часть, та же тема окрашивается уже интонацией веселого юмора, победительной и лукавой усмешки: «Нет, товарищи, герою, // Столько лямку протащив, // Выходить теперь из строя? — // Извините! — Теркин жив! // Жив-здоров. Бодрей, чем прежде. // Помирать? Наоборот, // Я в такой теперь надежде: // Он меня переживет».

Подводя итог сказанному: гуманизм, коллективизм, оптимизм, бестрепетная правда — все это не столько различные свойства лучших произведений «военного» Твардовского, сколько различные проявления одной целостной «философии жизни», одного и того же народного взгляда на войну, взаимосвязанные и переходящие друг в друга. Как всякое органическое целое, этот взгляд одновременно сложен и прост; в нем нет ничего неожиданного, парадоксального, но зато и ничего надуманного. Он абсолютно естествен и в силу своей естественности — убедителен без лиш-

них доказательств, спокоен и тверд. Глубоко (и притом многосторонне, каждый раз по-новому, во всем богатстве живых оттенков) выражая взгляд на вещи, подтвержденный многовековым жизненным опытом народа, автор «Василия Теркина» и «Дома у дороги» с редкой последовательностью «не пускает» в свой стих ничего не только противоречащего, но хотя бы постороннего этому взгляду. Отсюда удивительная поэтическая, философская, нравственная цельность его поэм о войне. И отсюда же, думается, в решающей мере — сила их воздействия на читателя.

Начиная с первых публикаций «Теркина», как читателями в сотнях писем автору, так и критикой предложено множество объяснений необыкновенной популярности этой книги — особенно в годы войны и более всего именно на фронте, «у смерти на краю». Говорили об ее удивительной человечности, об обаянии простоты и естественности, которой дышит здесь каждая строка, о юморе и психологизме, о широте художественных обобщений и точности деталей, о многом и многом другом. Все это, безусловно, справедливо. И все-таки трудно отделаться от ощущения: есть в этой почти беспрецедентной популярности нечто такое, что не улавливается любыми объяснениями, так сказать, внутрилитературного порядка. Вероятно, не менее всех чисто поэтических достоинств поэмы Твардовского (и в полном единстве с ними) имело значение то обстоятельство, что на страницах этой единственной в своем роде книги читатель находил именно то, в чем он испытывал самую острую, самую насущную, как вода и хлеб, духовную потребность, — ту истинную жизненную философию, которая делала его «на войне сильней войны // И, быть может, смерти».

3

Воплощая одну и ту же народную философию войны, две военные поэмы Твардовского тем не менее сильно разнятся между собою. И не только в том смысле, что, как отмечал сам автор, в «Доме у дороги» военная тема взята «с иной стороны, чем в «Теркине», — со стороны дома, семьи, жены и детей солдата, переживших войну» (см. т. 1 наст. изд., с. 27). Разница заключена в тональности обоих произведений и в самом содержании образа войны, возникающего на их страницах. Разница эта так существенна, что даже прямые сюжетные переклички между «Книгой про бойца» (главы «Перед боем», «Про солдата-сироту») и «Домом у дороги» выглядят соотносительно с ней не слишком значительными. На наш взгляд, это обстоятельство в решающей

степени обусловлено самим временем создания той и другой поэм [1].

«Книга про бойца» и образ Теркина могли родиться лишь на Великой Отечественной войне. Трудно сказать, какой была бы поэма о Теркине, если бы работа над ее первоначальным вариантом, начатая в 1940 году на материале Финской кампании, оказалась законченной до 22 июня 1941 года. По тому, с какой серьезной и широкой мыслью подходил автор к этой своей работе (см. статью «Как был написан «Василий Теркин», пятитомник, т. 2, с. 355, и т. 5 наст. изд.), можно предполагать, что это было бы произведение интересное и значительное, вобравшее в себя весьма многое из того, что впоследствии читатель нашел в бытовых картинах «Книги про бойца», в характере ее героя. Однако, в целом, по общему своему смыслу и духу, это была бы, конечно, совсем другая книга.

Не только содержание поэмы, но и ее художественная форма, вся внутренняя атмосфера книги, поистине пушкинская («онегинская») свобода и непринужденность ее интонации, стиха и слога обнаруживают органическую и многостороннюю связь с тем неповторимым умонастроением, с тем особым состоянием народного духа, которое было характерно для периода Великой Отечественной войны — эпохи великого единства личности, народа и Советского государства, всех слоев советского общества, всех наций и народностей, населяющих нашу страну.

Любовь к Родине, обостренное ощущение родства со своим народом, скорбь о погибших, воспоминания и мечты о мире, горечь отступления в первые месяцы войны, гордость растущей силой и успехами наших наступающих войск — такие чувства владели тогда всеми, составляя, так сказать, «верхний этаж» общественной психики, поднятый над многообразием частных, индивидуально-личных отношений, переживаний и помыслов, хотя и не отделенный от них никакой перегородкой. Масштабным, «энциклопедически»-всеобъемлющим поэтическим выражением этих общенародных чувств как раз и явилась «Книга про бойца», целиком состоявшая, по точному замечанию одного из читателей, «из тех самых мыслей, которыми живет и думает каждый из нас в дни войны». Духу времени, его насущным потребностям отвечал и характер героя книги.

Давно отмечена исключительная емкость этого характера, соединившего в себе свойства, присущие всем людям труда, с чер-

[1] В данном разделе примечаний автор во многом воспользовался своими ранее опубликованными работами о поэмах Твардовского.

тами, характерными именно для русского человека: добродушие, терпение, способность принимать неизбежное и с юмором переносить любые невзгоды. Вместе с тем это не значит, что Твардовский воплотил в Теркине чуть ли не все отличительные признаки русского национального характера. Не говоря уже о том, что герой поэмы свободен от каких бы то ни было ощутимых недостатков, он, в отличие от многих других положительных героев отечественной классики, не ищет смысла жизни — ему «ясно все до точки. // Надо, братцы, немца бить, // Не давать отсрочки», — черта, отличительная для времени, когда все физические и духовные силы советского народа были сосредоточены на одной жизненно важной и действительно вполне ясной задаче — разгромить врага, изгнать его с нашей земли. Вообще можно заметить, что в Теркине воплощены лишь те национальные и общечеловеческие черты, которые *нужны* были народу для войны и победы. Так же обстоит дело и с присущими герою качествами советского человека своего времени: это именно те лучшие свойства целого поколения (коллективизм, сознательность, вера в победу нашего правого дела), которые помогли этому поколению выстоять и победить. А главное, именно Теркин (вместе с автором, на равных правах с ним) несет в душе и высказывает в своих «политбеседах» весь тот круг идей и чувств, всю ту народную философию войны, о которой уже говорилось выше и которая составляет духовную суть книги.

Обусловленная особенностями военных лет «всеобщность» характера и чувств героя определила, в свою очередь, самую «форму» образа Теркина, особый способ его обрисовки. Не отрываясь от земли, оставаясь понятным и близким читателю в каждом своем душевном движении, Теркин как бы приподнят над всем тем, что имеет значение лишь для единичного человеческого существования. Это проявляется, между прочим, в том, что его фронтовая биография составлена лишь из таких положений, в которых не раз побывал почти каждый фронтовик; это опять-таки не личная, а, так сказать, общесолдатская судьба, — не развернутая в виде какого-либо связного «индивидуального» сюжета, но как бы наложенная вереницей отдельных картин и эпизодов на общий гигантский «сюжет» войны [1].

[1] О том, как «постепенно в процессе работы *угадывалась*» (курсив мой. — *Ю. Б.*) та особая, еще не существовавшая в литературе «форма», «какая была нужна... для этой собственно книги», и, в частности, о том, как, нащупывая такую форму, поэт боролся с «соблазном «сюжетности», рассказано в его статье «Как был написан «Василий Теркин» (пятитомник, т. 2, с. 386—389, 393—394, а также т. 5 наст. изд.).

Духовное богатство героя, в полной мере отвечающее типической широте его характера, органичность, с какой слиты в образе Теркина оба эти начала — «характер» и «дух», — определили место, которое занял он в советской литературе военных лет: это не просто один из литературных персонажей своей эпохи, а, если можно так выразиться, ее главный герой, наиболее глубокий, цельный и художественно совершенный образ народа, воюющего «ради жизни на земле».

В творческой истории обеих военных поэм Твардовского есть одна любопытная общая черта: и ту, и другую поэт начинал писать дважды, причем второй раз — после значительного перерыва и в большой мере по-иному, так что итоговый вариант коренным образом отличался от первоначального замысла. Совпадение это приобретет особый смысл, если вспомнить, что как в том, так и в другом случаях рубежом, отделившим возобновление работы от ее начала, явилось поворотное событие, открывшее новый этап в исторических судьбах советского народа: применительно к «Василию Теркину» таким событием было начало Великой Отечественной войны, применительно к «Дому у дороги» — ее окончание. И потому само сходство естественно становилось основой различия, разводя две поэмы Твардовского о войне по разным сторонам исторического рубежа 1945 года. И хотя работу над первоначальным вариантом «Дома у дороги» поэт начинал почти одновременно с возобновлением работы над «Теркиным» («Когда зимой студеной // Война стояла у ворот // Столицы осажденной»), а моменты завершения той и другой поэм разделены всего несколькими первыми послевоенными месяцами, есть все основания говорить о принадлежности этих произведений к двум различным периодам народной жизни.

Возвращаясь к сопоставлению двух поэм, отметим прежде всего тот резкий контраст, который составляет горестная интонация «Дома у дороги», с мажорным, бодрым тоном «Василия Теркина». В «Книге про бойца» то тут, то там звучит теркинская шутка, скрашивая даже самые трудные минуты фронтовой жизни; в «Доме у дороги» автор с самого начала предупреждает, что его слово будет печальным и скорбным: «Так память горя велика, // Глухая память боли. // Она не стишится, пока // Не выскажется вволю...». «И все, что выразится здесь, // Да вникнет в душу снова, // Как плач о родине, как песнь // Ее судьбы суровой» (гл. 1). И вся поэма, повествующая о позоре и горьком бессилии плена, когда человеческая жизнь и честь оказываются вдруг в полной власти врага, о жестоких лишениях, вынесенных нашими людьми в фашистской неволе, о трагедии материнства

в том царстве зла, где «живым беда, а мертвым — нет, // У смерти под защитою», — вся поэма действительно звучит как плач[1], и даже кончается она, после стольких страданий и мук, пережитых ее героями, не счастливой встречей солдата-победителя со своей семьей, а только неуверенным ожиданием такой встречи. «Дом у дороги» — это исключительное по остроте чувства, по искренности и поэтической силе выражение сострадания родному народу в тех бедствиях, которые он перенес и преодолел в военные годы.

В «Доме у дороги», как и в «Книге про бойца», поэт сказал неурезанную правду о войне в духе народного ее понимания. Но если нравственно-эстетические принципы Твардовского в обеих поэмах одинаковы, то содержание образа войны в них явно разнится. Тема «войны-работы», занимавшая столь важное место в «Книге про бойца», в «Доме у дороги» уходит на второй, даже на третий план (хотя все же присутствует, например, в стихах «Он рыл окоп, по форме чтоб // И глубина и бруствер...» и т. д. — гл. 4). Зато мотив «войны-беды», составлявший скорее ощутимую «подоснову», нежели непосредственное содержание «Василия Теркина», во второй поэме Твардовского становится основным, центральным.

Очевидна широкая обобщенность судеб Анны Сивцовой и мужа ее Андрея, за каждой из которых — тысячи подобных биографий военного времени. Но если в этом отношении герои поэмы вполне сродни Теркину, то во всем остальном между ними значительная художественная разница. Теркин — это в первую очередь *характер,* национально- и социально-исторически определенный человеческий тип. Анна же и Андрей — это прежде всего именно *судьбы*, людские судьбы на войне. В облике персонажей поэмы, конечно, тоже запечатлены черты советских людей — достаточно вспомнить главу шестую, где Андрей Сивцов заходит в родное село, уже занятое немцами, — заходит и идет дальше, вслед за удаляющимся фронтом. Однако, как ни важен этот эпизод, не он несет в себе основную идейную нагрузку произведения. Ведь не подари война мужу и жене той случайной встречи, трагическая история «Дома у дороги» и тогда сохранила бы свой печальный и высокий смысл, а читательские симпатии и сочув-

[1] Примечательно, что первоначальный вариант поэмы, создававшийся параллельно с «Василием Теркиным», не обещал такой тональности. Наряду с главой «Голошенье» там была и глава «Солдат и солдатка», ставшая впоследствии стихотворением «В пути», которая по общему своему настрою и, в особенности, по наличию в ней элементов юмора была гораздо ближе к «Книге про бойца», нежели к итоговой редакции «Дома у дороги».

ствие к Андрею и Анне едва ли стали бы меньше. Ибо сочувствие это вызвано не какими-то особыми достоинствами именно этих людей, о которых известно не так уж много. Но много ли нужно знать о матери, которую «чужая, злая сила» изгоняет с детьми из родного дома, чтобы пожалеть ее, почувствовать ее боль? И так ли уж важно в данном случае, кто она, эта женщина: колхозница или горожанка, русская или украинка, и многое другое, что при иных обстоятельствах могло быть существенным? Важно одно: она Жена и Мать перед лицом войны и смерти.

В «Доме у дороги», как и в «Книге про бойца», человек предстает в своем отношении к тому, что является самым изначальным и всеобщим в человеческой жизни: рождение и смерть материнство, семья, дом, хлеб, труд, мир, родина, свобода, но акцент на непреходящих ценностях этого рода во второй военной поэме Твардовского особенно силен.

Это, конечно, нельзя не связать с пониманием и ощущением войны самим народом в пору, когда она была завершена, ее всемирно-историческая задача выполнена.

Пока шла Отечественная война, она была для народа не только бедой, но прежде всего насущным, огромной важности *делом,* от успеха которого зависело самое существование Советского государства. И одним из главных условий успеха было осознание особого исторического характера этой войны, ее благородных целей. Мобилизуя все физические и духовные силы народа, в первую очередь такие, как чувства советского патриотизма, национальной солидарности и гордости, «война-работа» властно отодвигала на второй план все, что не могло служить ей непосредственно, «отнимала» человека даже у самого сильного личного горя, создавала основу для чувств активных, деятельных, бодрых. Но война, которая *идет,* и война, которая *прошла,* не могут восприниматься совершенно одинаково. В 1945—1946 годах, когда поэма «Дом у дороги» приобретала свой окончательный вид, война еще не ушла из жизни миллионов людей, еще во многом определяла их повседневное существование. Но теперь в жизнь, в быт почти каждой семьи она входила главным образом тем, что было отнято, разрушено и погублено ею. И вся та боль, все то страдание и горе, что до времени сдерживались и заслонялись словом «надо!», теперь без помех овладевали человеческой душой, переживались с новой остротой и силой. Не отсюда ли, не из этого ли прорвавшегося наружу человеческого страдания, глубоко разделявшегося поэтом, и проистекало в первую очередь то новое решение военной темы, которое мы находим в «Доме у дороги»?

Впрочем, и герой предыдущей книги Твардовского при одном из последних своих появлений перед читателем предстает в малохарактерном для него душевном состоянии: «Мать-земля моя родная, // Вся смоленская родня, // Ты прости, за что — не знаю, // Только ты прости меня!// Не в плену тебя жестоком // По дороге фронтовой, // А в родном тылу глубоком // Оставляет Теркин твой. // Минул срок годины горькой, // Не воротится назад. // — Что ж ты, брат, Василий Теркин, // Плачешь, вроде?.. // — Виноват...» («На Днепре»).

Эти строки — своего рода ступенька от «Книги про бойца» ко второй военной поэме Твардовского.

Только поэт, живущий одной жизнью с народом, мог написать «Книгу про бойца». И только такой поэт мог в заключительных ее строках, буквально на следующий день после Победы, сказать: «Теркин, Теркин, в самом деле, // Час настал, войне отбой. // И как будто устарели // Тотчас оба мы с тобой». Слова эти (в буквальном своем значении опровергнутые всей дальнейшей судьбой поэмы Твардовского) глубоко верны в том смысле, что в них сказалась всегдашняя чуткость поэта к меняющемуся духу времени, что и составляет решающее условие и главное проявление народности его искусства.

Ю. Буртин

СТИХОТВОРЕНИЯ

В подбитом танке (стр. 7). — Впервые, под названием «Рассказ танкиста», — в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины», 1939, 21 декабря. Стихотворению были предпосланы следующие строки: «В основу стихотворения положен эпизод из боевой практики танкового экипажа, которым командовал в одной операции комиссар части». В примечании к дневниковой записи от 6 декабря 1939 г. Твардовский приводит текст поздравления, полученного им к Новому, 1968, году от героя этого стихотворения М. И. Ламнусова (см.: «С Карельского перешейка», пятитомник, т. 5, с. 419, и т. 4 наст. собр. соч.). Название «В подбитом танке» дано автором при публикации стихотворения в книге: А. Твардовский. Книга лирики. М., «Советский писатель», 1949, с. 184—186. Включая стихотворение в четырехтомник (т. 2, с. 28), автор снял первую строку и внес в текст значительную правку. Датировка (1940) в четырехтомнике и в пятитомнике, очевидно, дана Твардовским по памяти.

Григорий Пулькин (стр. 9). — Впервые, под названием «Герой Советского Союза Григорий Пулькин», — в газете «На

страже Родины», 1940, 17 января. Там же дан фотопортрет Г. Пулькина. Название «Григорий Пулькин» и окончательный вариант текста, существенно разнившийся от первоначального, впервые — в газете «Смена» (Смоленск), 1940, 10 октября.

Шофер Артюх (стр. 13). — Впервые, под названием «Стихи о ленинградском шофере», — в газете «На страже Родины», 1940, 9 февраля. Там же помещена фотография Героя Советского Союза красноармейца В. Артюха. Подробная характеристика В. К. Артюха дана Твардовским в его дневниковых записях (см.: «С Карельского перешейка», пятитомник, т. 5, с. 452—455, и т. 4 наст. собр. соч.). Под названием «Шофер Артюх» стихотворение опубликовано в газете «Смена», 1940, 10 октября. Окончательный вариант стихотворения впервые — в книге: А. Твардовский. Книга лирики. М., 1949, с. 176—179, где взамен опущенных строф первоначального варианта появились новые (с 8-й по 12-ю, с 18-й по 23-ю) и была внесена другая авторская правка.

Тайпалеен-Йоки — река на Карельском перешейке (ныне — Бурная).

Наступление (стр. 16). — Впервые, под названием «Сто двадцать третья в бою», — в газете «На страже Родины», 1940, 15 февраля, под рубрикой «Дела и люди 123-й стрелковой ордена Ленина дивизии». Там же помещены фотографии воинов этой дивизии, в которой, по свидетельству автора, он находился в дни прорыва «линии Маннергейма». Это событие и было положено в основу стихотворения. Название «Наступление» и посвящение появились при перепечатке стихотворения в журнале «Знамя», 1940, № 6—7, с. 107—108. Окончательный вариант, значительно переработанный автором сравнительно с публикациями в периодике, напечатан в книге: А. Твардовский. Из фронтовых стихов. М., «Правда», 1941 (б-ка «Огонек», № 6), с. 3—5 (книга подписана в печать 11 февраля 1941 г.).

Высшая честь (стр. 18). — Впервые, под названием «Михаил Трусов», — в газете «На страже Родины», 1940, 22 февраля. Название «Высшая честь» дано автором при перепечатке стихотворения в газете «Смена» (Ленинград), 1940, 23 февраля. В нем описано подлинное событие — подвиг летчика Михаила Трусова (см.: «С Карельского перешейка», заметки «Из записей о подвиге Трусова», пятитомник, т. 5, с. 470—472, и т. 4 наст. собр. соч.). В дальнейшем из первого варианта стихотворения автором снята начальная строфа и сделана некоторая другая правка. В окончательной редакции стихотворение впервые напечатано в книге: А. Твардовский. Из фронтовых стихов. М., 1941, с. 19—21.

Баллада о красном знамени (стр. 20). — Впервые —

в газете «На страже Родины», 1940, 7 марта. Первоначальный вариант стихотворения был подвергнут значительной авторской правке. В окончательной редакции впервые напечатано в книге: А. Твардовский. Из фронтовых стихов. М., 1941, с. 22—25.

«Встала рано. День хороший...» (стр. 23). — При жизни автора не публиковалось. Посмертная публикация сделана М. И. Твардовской в альманахе «Поэзия», М., «Молодая гвардия», 1972, № 8, с. 139. Печатается по рукописи, где стихотворение датировано автором: «21. VII—1940».

Жеребенок (стр. 24). — Впервые — в смоленской газете «Смена», 1940, 10 октября. В дневниковых заметках Твардовского «С Карельского перешейка» есть такая запись: «Одного жеребенка, рассказывают, артиллеристы наши долго подкармливали хлебом. Так он и шел с батареей» (см.: пятитомник, т. 5, с. 428, и т. 4 наст. собр. соч.).

«Зима под небом необжитым...» (стр. 25). — Впервые, под названием «В землянке», — в газете «Известия», 1941, 1 января. Включая стихотворение в четырехтомник, автор снял заглавие, а в пятитомнике опустил четыре последних строфы.

Спичка (стр. 26). — Впервые — в книге: А. Твардовский. Фронтовые стихи. М.—Л., Детгиз, 1941, с. 38—39 (книга подписана в печать 7 февраля 1941 г.) и в смоленской газете «Юный пионер», 1941, 23 марта.

«Не дым домашний над поселком...» (стр. 27). — Впервые, под названием «Военная зима», — в газете «Литература и жизнь», 1958, 6 апреля. Заглавие снято автором при перепечатке стихотворения в журнале «Новый мир», 1958, № 7, в подборке «Из лирики разных лет (1936—1958)», с. 34.

«То к сыну старик, то к шинели сыновней...» (стр. 28). Танк (стр. 29). «Давай-ка, товарищ, вставай, помогу...» (стр. 30). — Впервые в журнале «Новый мир», 1958, № 7, в подборке «Из лирики разных лет (1936—1958)», с. 33—34.

«Велика страна родная...» (стр. 31). — Вариант первоначального зачина поэмы «Василий Теркин» (см. статью «Как был написан «Василий Теркин», пятитомник, т. 2, с. 370, и т. 5 наст. собр. соч.). В рабочей тетради А. Т. Твардовского датирован: «11. VI — 1941». Прижизненных публикаций не установлено. Посмертно опубликован М. И. Твардовской в альманахе «День поэзии. 1972», М., с. 197. Печатается по рукописи.

Тебе, Украина (стр. 32). — Публикаций в периодике на русском языке не установлено. Первая книжная публикация: А. Твардовский. Юго-Западный фронт. Стихи 1941—1942. М., «Молодая гвардия», 1942, с. 3, с пометой автора: «июль 1941».

18 сентября 1941 г. это стихотворение в переводе на украинский язык было опубликовано в «Литературной газете» (Киев).

Трое (стр. 33). — Впервые — в газете Юго-Западного фронта «Красная Армия», 1941, 10 июля и — одновременно — в газете «Известия». В последней — с пометой: «Действующая армия. 9 июля». Эпиграф и строфы с 6-й по 8-ю впервые даны автором при перепечатке стихотворения в четырехтомнике, т. 2, с. 48—49.

Песня о полковом знамени (стр. 35). — Впервые — в газете «Красная Армия», 1941. Такова помета автора под этим стихотворением в принадлежащей ему тетради с вырезками из фронтовых газет. Экземпляр газеты с данным стихотворением в доступных для работы книгохранилищах не найден, точная дата выхода номера не установлена. Ориентировочная дата публикации — между 15 и 18 июля. Позднее стихотворение перепечатано в журнале «Новый мир», 1959, № 2, с. 84, в подборке «Со страниц фронтовых газет». В газетной публикации предпосланный стихотворению эпиграф заканчивался словами: «Раненный в обе ноги тов. Валенко находится на излечении в госпитале».

Отец и сын (стр. 37). — Впервые — в газете «Красная Армия», 1941, 24 июля.

Сержант Василий Мысенков (стр. 39). — Впервые — в газете «Красная Армия», 1941, 1 августа. Стихотворение неоднократно подвергалось авторской правке. Окончательная редакция впервые — в четырехтомнике, т. 2, с. 53—55.

Когда ты летишь (стр. 42). — Впервые — в газете «Красная Армия», 1941, 18 августа. В первой публикации 8-я строфа начиналась строкой: «А там, за Днепром...».

«Пускай до последнего часа расплаты...» (стр. 44). — Впервые, под названием «Слово ненависти», — в газете «Красная Армия», 1941, 31 августа. Под названием «Мы час от часу будем бить сильней!..», с пометой «Действующая армия», — в газете «Известия», 1941, 16 сентября. Печатавшийся в указанных газетах вариант стихотворения состоял из 14 строф. Окончательный вариант, представляющий собой две последние строфы этого стихотворения, со снятым заглавием, впервые напечатан в книге: А. Твардовский. Стихотворения и поэмы в двух томах. М., Гослитиздат, 1954, т. 1, с. 207.

Рассказ танкиста (стр. 45). — Впервые — в газете «Красная Армия», 1941, 1 октября. В стихотворении рассказано о реальном событии, записанном со слов капитана В. С. Архипова, с которым Твардовский встречался во время войны с Финляндией, а затем осенью 1941 г. на Юго-Западном фронте под Полтавой (см.: «С Карельского перешейка», пятитомник, т. 5, примеч. 1

к с. 440, и т. 4 наст. собр. соч., а также очерк «Майор Василий Архипов» в книге: Александр Твардовский. Проза. Статьи. Письма. М., «Известия», 1974, с. 251—254).

Зима на фронте (стр. 47). — Впервые, под названием «Что русскому здорово, то немцу — гроб (Зима на фронте)», — в газете «Красная Армия», 1941, 18 ноября. Название «Зима на фронте» впервые — в четырехтомнике, т. 2, с. 78—79.

Бойцу Южного фронта (стр. 49). — Впервые — в газете «Красная Армия», 1941, 5 декабря.

Новогоднее слово (стр. 51). — Впервые, под названием «Новогоднее», — в газете «Красная Армия», 1942, 1 января. Название «Новогоднее слово» дано автором при включении стихотворения в четырехтомник, т. 2, с. 83—85.

Дом бойца (стр. 53). — Впервые — в газете «Красная Армия», 1942, 9 января.

Земляку (стр. 56). — Впервые, под названием «Бойцу-земляку», — в газете «Известия», 1942, 26 апреля, с пометой: «Юго-Западный фронт». Название «Земляку» дано автором впервые в книге: А. Твардовский. Фронтовая хроника. М., «Советский писатель», 1945.

Дорога на Запад (стр. 58). — Впервые — в газете «Правда», 1942, 4 мая, с пометой: «Юго-Западный фронт».

Баллада о товарище (стр. 60). — Впервые — в газете «Известия», 1942, 10 мая, с пометой: «Юго-Западный фронт». Позднее в стихотворение внесена значительная авторская правка. Окончательная редакция впервые — А. Твардовский. Книга лирики. М., 1949, с. 238—245.

Партизанам Смоленщины (стр. 67). — Впервые — в газете «Известия», 1942, 24 мая. Стихотворение было написано в апреле — мае 1942 г. и в виде листовки сброшено с самолета на территорию Смоленской области. «13 апреля 1942 года, — вспоминает один из организаторов партизанского движения на Смоленщине Т. Н. Засыпка, — карательный отряд напал на деревню Сельцо Починковского района... Фашистские мерзавцы сожгли деревню, расстреляли больше половины жителей. Я с большой болью вспоминаю об этом. Ведь Сельцо — родина Александра Трифоновича Твардовского, всеми любимого поэта... Никогда не забуду, как спустя недели три после случившейся трагедии разведчики принесли небольшую листовку Главного политического управления Красной Армии — в ней было напечатано стихотворение Твардовского «К партизанам Смоленщины» (Т. Засыпка. Сторона партизанская. М., «Московский рабочий», 1975, с. 57—58).

За Починками, Глинками... — Починок — один из районных центров Смоленской области. Глинка — железнодорожная станция в Ельнинском районе Смоленской области.

Баллада об отречении (стр. 71). — Впервые, под названием «Отречение», — в газете «Красная звезда», 1942, 31 июля. Под названием «Баллада об отречении» впервые — в журнале «Знамя», 1942, № 8, с. 122—123.

«Война, война. Любой из нас...» (стр. 76). — Один из вариантов зачина первой главы поэмы «Дом у дороги», опубликованной под названием «Голошенье», в газете «Красноармейская правда», 1943, 2 декабря. В рабочей тетради автора датировано: «12.VIII—1942». Газетная публикация начиналась строфой:

Из века в век, из рода в род,
Из дальней старины
В крови у женщины живет
Чутье беды — войны.

В окончательный текст поэмы глава «Голошенье» не вошла. Прижизненных публикаций данного варианта зачина не установлено. Посмертная публикация, в качестве самостоятельного стихотворения, сделана М. И. Твардовской в альманахе «День поэзии. 1972», М., с. 197. Печатается по рукописи.

«Под вражьим тяжким колесом...» (стр. 77). — Один из вариантов заключительных строф главы «Голошенье» (см. примеч. к предыдущему стихотворению). В первую публикацию полностью вошли 2-я и 3-я строфы данного варианта. После слов «Воды один глоток...» в первой публикации следовала концовка:

Бежал народ из городов,
Из сел и деревень.

И горем сирот, горем вдов
Уже был полон день.

Был полон день, потом был год,
Другой... И лучше нас

Об этом бабы наперед
В тот первый знали час.

В рабочей тетради автора приводимый в настоящем томе вариант датирован: «12.VIII—1942». Прижизненных публикаций не установлено. Посмертная публикация, в качестве самостоятельного стихотворения, сделана М. И. Твардовской в альманахе «День поэзии. 1972», М., с. 197. Печатается по рукописи.

Армейский сапожник (стр. 78). — Впервые, под названием «Под праздник», — в газете «Красноармейская правда», 1942, 7 ноября. Под названием «Сапожник в лесу», с некоторой автор-

ской правкой, — в журнале «Новый мир», 1943, № 10—11, с. 2. Название «Армейский сапожник» появилось при перепечатке стихотворения в книге: А. Твардовский. Книга лирики. М., 1949, с. 253—255.

...*Достанет ему до Сычевки...* — Сычевка — один из районных центров в Смоленской области.

«И цветут — и это страшно...» (стр. 81). — Рукописный набросок к поэме «Василий Теркин». При жизни автора не публиковался. Посмертная публикация сделана М. И. Твардовской в альманахе «День поэзии. 1972», М., с. 196. Печатается по рукописи, датированной автором: «29. XI—1942».

«Отцов и прадедов примета...» (стр. 82). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1943, 2 декабря, как вступление к поэме «Дом у дороги». В окончательный текст поэмы не вошло. В качестве самостоятельного стихотворения с некоторой авторской правкой впервые — в журнале «Знамя», 1946, № 1, с. 96. Дата написания (1942) проставлена автором при перепечатке стихотворения в книге: А. Твардовский. Дом у дороги. Лирическая хроника. О родине. Стихи из записной книжки. М., «Московский рабочий», 1946, с. 129—130.

Рассказ старика (стр. 83). — Впервые, под названием «Рассказ партизана», — в газете «Красноармейская правда», 1943, 15 января, как одна из глав второй части поэмы «Василий Теркин». В окончательный текст поэмы не вошло. В качестве самостоятельного стихотворения, под названием «Рассказ старика», впервые — в книге: А. Твардовский. Возмездие. М., Воениздат, 1945, с. 37—41. По сравнению с первой публикацией текст значительно сокращен и подвергнут авторской правке.

...*Их, мол, праздник и престол.* — Престол — в значении престольный (религиозный) праздник.

...*Кто на скатерть, кто под кут.* — Кут (или передний, красный угол) *(обл.)* — как бы «гостевая» часть крестьянской избы (прежде — под иконами), где обычно находится стол; центральное место за столом принадлежит хозяину или его почетному гостю.

Большое лето (стр. 87). — Впервые, под названием «Дорога», — в газете «Красноармейская правда», 1943, 1 августа. Название «Большое лето» впервые дано автором в книге: А. Твардовский. Фронтовая хроника. М., 1945, с. 30—34.

Героям Орла и Белгорода (стр. 90). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1943, 6 августа, на следующий день после освобождения советскими войсками городов Орла и Белгорода. Включая стихотворение в четырехтомник (т. 2, с. 148), автор сократил его на одну строфу.

«Когда пройдешь путем колонн...» (стр. 91) — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1943, 7 августа. «Были наброски к «Теркину» и ямбами, из этих «заготовок» как-то потом образовалось стихотворение: «Когда пройдешь путем колонн...» (см. статью «Как был написан «Василий Теркин». Пятитомник, т. 2, с. 370, и т. 5 наст. собр. соч).

«Позарастали стежки-дорожки...» (стр. 93). «День победу нам несет...» (стр. 95). — Впервые — там же, где и предыдущее стихотворение. В дальнейшем подвергались некоторой авторской правке.

Немые (стр. 96). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1943, 29 августа.

Имя его — имя полка (стр. 98). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1943, 18 сентября. Стихотворение написано в связи с присвоением имени Героя Советского Союза Александра Матросова 254-му гвардейскому полку, где он служил.

У славной могилы (стр. 99). — Впервые — в газете «Правда», 1943, 22 октября.

Иван Громак (стр. 101). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1943, 29 октября. Первой публикации предпослано посвящение: «Героям Первой Смоленской штурмовой комсомольской инженерной бригады». В стихотворении описан подвиг одного из солдат этой молодежной бригады, состоявшей из добровольцев — недавних школьников старших классов и воспитанников ремесленных училищ. На следующий день после публикации стихотворения «Красноармейская правда» отвела целую полосу рассказу о «штурмовой комсомольской», где описан подвиг Ивана Громака и его товарищей. После выздоровления Иван Громак как танкист участвовал в освобождении Литвы, Латвии, Эстонии, Варшавы, штурмовал Берлин. В настоящее время он живет в г. Приморске (см.: В. Худый. Иван Громак в дни войны и мира. — «Советская культура», М., 1975, 29 июля).

Огонь (стр. 104). — Впервые, под названием «Россия», с подзаголовком «Из поэмы», — в газете «Красноармейская правда», 1943, 6 ноября. В окончательный текст поэмы «Дом у дороги» не вошло. Название «Огонь» дано автором при включении стихотворения в книгу: А. Твардовский. Избранные стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1947, с. 163—166. Включая стихотворение в четырехтомник (т. 2, с. 164—166), автор опустил часть строф, добавил теперешние 8-ю и 9-ю строфы и внес ряд других изменений.

В Смоленске (стр. 107). — Впервые, без названия, — в журнале «Новый мир», 1943, № 10—11, с. 3, с пометой автора: «1943,

ноябрь» — под первым, «1943, декабрь» — под вторым стихотворением (номер журнала подписан в печать 29 января 1944 г.). Включая стихотворения в книгу: А. Твардовский. Фронтовая хроника. М., 1945, автор объединил их под общим названием «В Смоленске» и внес во второе стихотворение ряд изменений.

Чертов ров — овраг в Смоленске за Никольскими воротами близ бывшей Запольной улицы, переименованной в октябре 1974 г. в улицу имени Твардовского.

«Зачем рассказывать о том...» (стр. 109). — Впервые, под названием «Прощание с домом», — в газете «Красноармейская правда», 1944, 9 января, как глава из поэмы «Дом у дороги». В окончательный текст поэмы не вошло. В качестве самостоятельного стихотворения с указанием времени написания (1943) впервые — в книге: А. Твардовский. Из лирики. 1936—1945. М., «Правда», 1946 (б-ка «Огонек», № 1, с. 25—26). Включая стихотворение в четырехтомник, автор несколько сократил его, внес ряд добавлений и изменений. Один из вариантов этого стихотворения опубликован посмертно в газете «Комсомольская правда», 1975, 24 мая. Публикация сделана М. И. Твардовской.

В пути (стр. 111). — Впервые, под названием «Солдат и солдатка», — в газете «Красноармейская правда», 1944, 18 января, как последняя глава первого варианта поэмы «Дом у дороги». В качестве самостоятельного стихотворения, под заглавием «В пути», впервые напечатано в книге: А. Твардовский. Фронтовая хроника. М., 1945, с. 10—15.

Ноябрь (стр. 116). Со слов старушки (стр. 117). Отец и сын (стр. 118). За Вязьмой (стр. 120). Две строчки (стр. 121). «В пилотке мальчик босоногий...» (стр. 122). Награда (стр. 123). — Впервые — в журнале «Знамя», 1946, № 1, с. 97—99.

«Ветром, что ли, подунуло...» (стр. 124). — Впервые — в журнале «Знамя», 1947, № 11, с. 141—142, в тексте очерков «Родина и чужбина».

Здесь немцы были (стр. 125). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1944, 20 июля. Включая стихотворение в книгу: А. Твардовский. Стихи из записной книжки. 1936—1958. М., «Правда», 1959 (б-ка «Огонек», № 12), с. 20, автор снял предпоследнюю строку.

«В жизни воина дорожной...» (стр. 127). — Один из вариантов заключительных строф главы «На Днепре» из поэмы «Василий Теркин», опубликованной под названием «Отчий дом» в журнале «Красноармеец», 1944, № 7, с. 10. Строфы 2—4-я публикуемого отрывка — несколько измененный вариант 37-й и 38-й

строф главы «Отчий дом». При жизни автора не печатался. Посмертно опубликован М. И. Твардовской в альманахе «День поэзии. 1972», М., с. 197. Печатается по рукописи, датированной автором «13. VIII — 1944».

Минское шоссе (стр. 128). — Впервые, под названием «На Запад», — в журнале «Огонек», 1944, № 28—29, с. 14 (номер подписан в печать 15 августа 1944 г.). Под названием «Шоссе» — в журнале «Красноармеец», 1944, № 16, с. 11 (номер подписан в печать 23 сентября 1944 г.). Включая стихотворение в книгу: А. Твардовский. Избранные стихотворения и поэмы. М., 1947, с. 169—170, автор озаглавил его «Минское шоссе» и добавил концовку теперешней третьей строфы, начиная со слов: «*Ему* ни отдыху, ни сроку...»

Граница (стр. 130). — Впервые — в газете «Комсомольская правда», 1944, 23 августа, с пометой: «3-й Белорусский фронт».

Возмездие (стр. 132). — Первое стихотворение («Мы сотни верст и тыщи верст земли...»), под названием «Возмездие», впервые — в газете «Красноармейская правда», 1944, 24 ноября. Второе («Хрустит чужое под ногой...»), под названием «Расплата», — в газете «Красноармейская правда», 1945, 23 февраля. Включая стихотворения в книгу: А. Твардовский. Избранные стихотворения и поэмы. М., 1947, с. 175—179, автор объединил их под общим заглавием «Возмездие», опустил в первом стихотворении одну строфу, во второе включил четыре новых строки (со слов: «Нас привела сюда нужда...») и внес другие изменения.

Об этих днях (стр. 137). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1945, 21 января. Включая стихотворение в пятитомник, автор сократил его на одну строфу.

У Днепра (стр. 138). — Несколько видоизмененный и сокращенный вариант одной из ранних редакций начала главы «На Днепре» из поэмы «Василий Теркин» (автограф находится в архиве А. Т. Твардовского, хранящемся у М. И. Твардовской). Посмертно опубликован в книге: А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., «Наука», 1976, с. 377—378. Строфы 1 и с 5 по 8 впервые — в журнале «Красноармеец», 1944, № 8, с. 15, как зачин варианта главы «На Днепре», не вошедшей в канонический текст поэмы. В качестве самостоятельного стихотворения, с добавлением заключительной строфы, впервые — в журнале «Знамя», 1946, № 1, с. 99. Включая стихотворение «У Днепра» в пятитомник, автор опустил третью строфу:

И казалось, что прощалась
Навек с матерью родной,

Если замуж выходила
Девка на берег иной... —

позднее перенесенную им в несколько измененном виде в стихотворение «Ты откуда эту песню...» из цикла «Памяти матери» (см. пятитомник, т. 1, с. 601—603, и т. 3 наст. собр. соч.).

Ночлег (стр. 140). Стихотворение неизвестного бойца (стр. 141). На походе (стр. 142). «Война — жесточе нету слова...» (стр. 143). — Впервые — в журнале «Знамя», 1946, № 1, с. 99—100. Включая стихотворение «Ночлег» в пятитомник, автор изменил начало второй строфы и сократил ее на одну строку. «Стихотворение неизвестного бойца» написано под впечатлением события, о котором Твардовский рассказывает в очерке «О ласточке» (см. «Красноармейская правда», 1944, 30 июня, пятитомник, т. 4, с. 250—254, и т. 4 наст. собр. соч.). В письме к П. С. Выходцеву от 17 февраля 1957 г. Твардовский писал: «Стихотворение неизвестного солдата» — действительно стихотворение неизвестного автора. Я его нашел в литературной почте... нашей фронтовой редакции, занимаясь ответами начинающим. Ответить было некому — ни имени, ни адреса... и поэтому «присвоил» стихотворение, немного его поправив...» («Русская литература», 1976, № 4, с. 180).

В литовской усадьбе (стр. 144). — Впервые — в журнале «Знамя», 1946, № 1, с. 100.

...под крышей поветки... — поветка, поветь, повить — покрытая крышей часть крестьянского двора, предназначенная для хранения сельскохозяйственного инвентаря.

Берлин (стр. 145). — Впервые, под названием «Стихи без заглавия», — в газете «Красноармейская правда», 1945, 3 мая, на следующий день после взятия советскими войсками Берлина. Название «Берлин» дано автором при включении стихотворения в книгу: А. Твардовский. Книга лирики. М., 1949, с. 304.

В час мира (стр. 146).— Впервые — в газете «Известия», 1945, 4 сентября. Включая стихотворение в четырехтомник (т. 2, с. 196), автор опустил две строфы. Стихотворение написано в связи с победой над Японией и окончанием 2-й мировой войны.

Отчизне (стр. 147). — Впервые — в газете «Правда», 1945, 5 ноября. Включая стихотворение в пятитомник, автор снял последнюю строфу.

Дорога до дому (стр. 148). — Впервые — в газете «Известия», 1945, 7 ноября. Включая стихотворение в пятитомник, автор опустил две строфы и внес некоторую правку.

Звенел по лугам пересохший звонец... — звонец (или погре-

мок) — малоценная кормовая трава, распространенная на тощих почвах Смоленщины.

Копец (*обл.*) — межевой знак.

О скворце (стр. 152). «В поле, ручьями изрытом...» (стр. 153). — Впервые — в журнале «Знамя», 1946, № 1, с. 100—101.

«Дом по дороге фронтовой...» (стр. 154). — Впервые там же, где и два предыдущие стихотворения, с. 101.

...У печки на загнетке... — загнетка — место в русской печи, куда загребают жар.

Из писем (стр. 155). — Впервые, под названием «Письмо», там же, где и предыдущее стихотворение, с. 101. Название «Из писем» дано автором при включении стихотворения в книгу: А. Твардовский. Стихотворения и поэмы в двух томах. М., 1954, т. 1, с. 324—325.

«Перед войной, как будто в знак беды...» (стр. 156). — Впервые — там же, где и предыдущее стихотворение, с. 102. В дневниковых записях, сделанных Твардовским в первые дни после освобождения Смоленска (город освобожден 25 сентября 1943 г.), помечено: «Надо бы сделать записи о природе-погоде, об умерших в сороковом году садах как черном предзнаменовании войны...» («Родина и чужбина», очерк «За Смоленском», пятитомник, т. 4, с. 229, и т. 4 наст. собр. соч.). Включая стихотворение в книгу: А. Твардовский. Стихотворения и поэмы в двух томах. М., 1954, т. 1, с. 323, автор дополнил последнюю строку первой строфы словами: «и уничтожило».

Под их корой, как у бревна отхлупшею... — отхлупшая (*смол.*) — отставшая от древесины.

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

КНИГА ПРО БОЙЦА

(стр. 159)

Творческая история поэмы подробно изложена автором в статье «Как был написан «Василий Теркин» (Ответ читателям)» (пятитомник, т. 2, с. 355—412, и т. 5 наст. собр. соч.). См. также статью А. Л. Гришунина «Источники и движение текста...» в подготовленном им издании: А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., «Наука» (серия «Литературные памятники»), 1976.

Первые главы поэмы начали печататься в августе—сентябре 1942 года в газете Западного (впоследствии 3-го Белорусского) фронта «Красноармейская правда» и в двухнедельном литературно-художественном журнале Главного политического управления

Красной Армии — «Красноармеец» (в настоящее время — журнал «Советский воин»). В этих же двух изданиях параллельно публиковалось — по мере их создания — и большинство последующих глав «Теркина». Журнальный и газетный варианты поэмы отличались друг от друга порядком следования глав, их количеством; разнился во многих случаях и самый текст.

Отдельные главы «Теркина» публиковались также в газетах «Правда», «Известия», «Литература и искусство», «Литературная газета», «Красная звезда», «Рабочий путь» (Смоленск), в журналах «Знамя», «Крокодил» и др. Помимо этого в 1939—1940 годах Твардовским было опубликовано несколько стихотворений, «которые скорее всего даже и не осознавались как «заготовки» для «Теркина», но впоследствии частично или полностью вошли в текст «Книги про бойца» и перестали существовать как отдельные стихи» (см.: «Как был написан «Василий Теркин», пятитомник, т. 2, с. 355, и т. 5 наст. собр. соч.). В их числе: «На привале» («На страже Родины», 1939, 11 декабря); «Вася Теркин» (там же, 1940, 5 января); «Лучше нет» (газета «Смена», Смоленск, 1940, 10 октября); «Гармонь» («Красная звезда», 1940, 6 ноября); «Танк. Героям Советского Союза т.т. Д. Диденко, А. Крысюк, Е. Кривому» («На страже Родины», 1940, 30 ноября).

В конце декабря 1942 года было подписано в печать и вскоре вышло в свет первое отдельное издание поэмы (А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., «Молодая гвардия», 1942), включавшее одиннадцать глав поэмы, опубликованных ранее в газетах и журналах. Этот вариант автор, возможно, вначале считал завершенным, о чем свидетельствует помещенная в скобках после главы «Поединок» помета: «окончание» («Знамя», 1942, № 10). Указания на то, что этот вариант — лишь первая часть поэмы, нигде дано не было. Но уже 12 декабря 1942 года в газете «Красноармейская правда» начали печататься новые главы («От автора», «Кто стрелял?»). В предисловии к публикации было сказано, что автор «Василия Теркина» работает над второй частью поэмы, а 29 января 1945 года, как следовало из редакционного вступления к публикации главы «Про солдата-сироту», стала печататься и третья часть поэмы. Деление на части сохранялось вплоть до появления в свет одного из первых полных изданий поэмы (А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., Воениздат, 1946). Однако в изданиях «Василия Теркина», выпущенных в этом же году издательством «Советский писатель» и «Роман-газетой» (№ 4), автор отказался от такого деления. В 1946 году Твардовскому за поэму «Василий Теркин» была присуждена Государственная премия 1-й степени.

Почти каждое издание поэмы, вплоть до последнего прижизненного (А. Твардовский. Стихотворения. Поэмы. «Библиотека всемирной литературы». М., «Художественная литература», 1971), сохраняя нетронутым основной ее костяк, сопровождалось той или иной правкой автора и доработкой текста. Варианты текста поэмы опубликованы в вышеназванном ее издании (в серии «Литературные памятники»), где они занимают свыше ста страниц. Отсылая читателя к этой книге, отметим лишь, что, помимо большого значения указанной публикации для изучения творчества Твардовского, многие строфы и целые страницы поэмы, не вошедшие в окончательный текст, имеют самостоятельную художественную ценность.

Произведение во многих отношениях единственное в своем роде, «Книга про бойца» примечательна и своей судьбой. Уже со времени публикации первых глав и задолго до появления отдельного полного издания она приобрела поистине всенародную популярность. Из окопов и блиндажей, из госпитальных палат, из городов и деревень к поэту шло множество писем, исполненных восхищения и благодарности. Две выдержки, принадлежащие одна — малограмотному, по его признанию, бойцу, другая — взыскательнейшему мастеру литературы, лучше всяких определений говорят о силе этого поразительного в своем единодушии читательского чувства:

«Начнешь читать товарищам и боишься перелистывать страницу: а ну-ка вся! Я даже рад был бы, если бы на месте иллюстраций было бы написано несколько лишних строк. Зачем они? Каждая фраза, каждая строка и слово — прекрасная иллюстрация, как живые, образы проходят перед глазами. А слушатели вздохнут и многие в одно слово: если бы она длинная, длинная была. Но журналы редко нам попадают, если бы отдельной книгой да побольше экземпляров» (Н. А. Канатчиков, полевая почта 29143 — см.: А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. Письма читателей «Василия Теркина». М., «Современник», 1976, с. 262).

«...Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого, слова!» (И. А. Бунин. Письмо Н. Д. Телешову — см.: «День поэзии. 1972». М., 1972, с. 205).

Удивительным и, может быть, даже единственным в своем роде фактом в истории литературы стала также своеобразная читательская «теркиниана» — исчисляемые десятками и сотнями

стихотворные послания автору и герою «Книги про бойца», попытки «продолжить» ее на разнообразном военном и мирном материале (см.: «Стихи читателей «Василия Теркина». Предисловие и публикация Ю. Г. Буртина. — «Литературное наследство», т. 78, кн. 1. М., «Наука», 1965, с. 563—601, и А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. Письма читателей «Василия Теркина». М., «Современник», 1976).

От автора (стр. 159). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1942, 4 сентября, и в журнале «Красноармеец», 1942, № 16 (подписан к печати 30 августа 1942 г.). Зачин главы — переработанный автором вариант стихотворения «Лучше нет» (см.: А. Твардовский. Фронтовые стихи. М. — Л., Детгиз, 1941, с. 45).

На привале (стр. 161) — Впервые — там же, где и предыдущая глава. Первые строфы зачина — вторая строфа упомянутого выше стихотворения «На привале».

Перед боем (стр. 168). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1942, 5 сентября, и в журнале «Красноармеец», 1942, № 16.

Переправа (стр. 175). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1942, 6 сентября, и в журнале «Красноармеец», 1942, № 17 (подписан к печати 11 сентября 1942 г.). В данной главе автор использовал отдельные строфы ранее опубликованных стихотворений — «Танк» («На страже Родины», 1940, 30 ноября) и в «В землянке» (А. Твардовский. Избранные стихи. М., Воениздат, 1941, с. 82).

И, у заберегов корку ледяную обломав... — заберег — лед, застывший у берега.

О войне (стр. 182). — Впервые — в журнале «Знамя», 1942, № 9. В первом отдельном издании поэмы глава была несколько изменена и озаглавлена «После боя». В дальнейшем автор вновь вернулся к ее первоначальному названию.

Теркин ранен (стр. 184). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1942, 8 сентября, и в журнале «Красноармеец», 1942, № 17. В газетном тексте главы отсутствовала последняя строфа.

Он сидит за стенкой дзота... — дзот (дерево-земельная огневая точка) — полевое оборонительное сооружение.

О награде (стр. 193). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1942, 9 сентября, и в журнале «Красноармеец», 1942, № 18 (подписан к печати 1 октября 1942 г.).

Гармонь (стр. 196). — Впервые — в газете «Красноармей-

ская правда», 1942, 10 сентября, и в журнале «Красноармеец», 1942, № 18. В главе использовано упомянутое выше стихотворение «Гармонь».

Два солдата (стр. 203). — Впервые, под названием «В избе солдата», — в газете «Красноармейская правда», 1942, 11 сентября, и в журнале «Красноармеец», 1942, № 18.

Поищи-ка, дед, разводку... — разводка — инструмент для разведения (отгибания) зубьев пилы.

О потере (стр. 210). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1942, 1 октября.

...Перетертой как костра. — Костра, костёрь — жесткая кожица и деревянистые волокна растений, используемых для пряжи.

Поединок (стр. 215). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1942, 13 и 14 октября. В дальнейшем газетный вариант данной главы был подвергнут кардинальной авторской переработке: опущено двадцать восемь начальных строф и одиннадцать — в конце главы. Правка обусловлена изменением сюжетной линии. В первоначальном варианте подробно рассказывалось о том, как Теркин со своим фронтовым другом Савчуком, возвращаясь из разведки, столкнулись с немцем и после трудной схватки одолели его, захватив с собой в качестве «языка». Впоследствии Твардовский полностью снял эпизоды, где фигурировал Савчук, оставил лишь рассказ о рукопашной схватке Василия Теркина с немцем. Этой главой, по первоначальному авторскому замыслу, и заканчивалась поэма.

...Немец снова в санки сунул... — «санки» *(обл.)* — скулы, челюсть.

От автора (стр. 222). «Кто стрелял?» (стр. 226). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1942, 12 декабря, затем в журнале «Красноармеец», 1943, № 1 (подписан к печати 14 января 1943 г.).

О герое (стр. 231). — Впервые, под названием «Еще о награде», — в газете «Красноармейская правда», 1942, 18 декабря, затем в журнале «Красноармеец», 1943, № 2 (подписан к печати 29 января 1943 г.).

Генерал (стр. 234). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1942, 28 декабря, затем в журнале «Красноармеец», 1943, № 2. По первоначальному замыслу автора, Теркин засылался к партизанам «в край родной Смоленский свой». В связи с изменением этого замысла пять строф данной главы, после слов «что-то вспомнил генерал» (строфа 46-я), были опущены.

О себе (стр. 242).—Впервые, под названием «День в лесу»,— в газете «Красноармейская правда», 1943, 12 января, и в журнале

«Красноармеец», 1943, № 3 (подписан к печати 8 февраля 1943 г.). Текст журнальной публикации существенно разнился от текста, опубликованного в газете.

Бой в болоте (стр. 246). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1943, 21 апреля, и в журнале «Красноармеец», 1943, № 7 (подписан к печати 8 апреля 1943 г.).

О любви (стр. 255). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1943, 5 февраля, затем в журнале «Красноармеец», 1943, № 8 (подписан к печати 21 апреля 1943 г.).

Отдых Теркина (стр. 260). — Впервые, под названием «На отдыхе», — в газете «Красноармейская правда», 1943, 13 апреля, затем в журнале «Красноармеец», 1943, № 9—10 (подписан к печати 13 мая 1943 г.).

В наступлении (стр. 266). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1943, 12 мая, затем в журнале «Красноармеец», 1943, № 12 (подписан к печати 14 июня 1943 г.).

...*Как мальчонка с лодки в вир.* — Вир *(обл.)* — омут, водоворот.

Смерть и воин (стр. 272). — Впервые — в газете «Красноармейскяя правда», 1944, 23 мая.

Теркин пишет (стр. 279). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1943, 13 июня, затем в журнале «Красноармеец», 1943, № 15 (подписан к печати 2 августа 1943 г.). В газете текст главы предваряет фотография Александра Твардовского и редакционная врезка: «Начиная с 4 сентября 1942 года в «Красноармейской правде» печаталась с продолжением поэма «Василий Теркин»... поэта-орденоносца Александра Твардовского. Сегодня помещаем последнюю главу и заключение поэмы. В ближайшее время поэма «Василий Теркин» полностью выйдет отдельным изданием».

Теркин — Теркин (стр. 282). — Впервые, под названием «Неурочная глава», — в газете «Красноармейская правда», 1943, 13 марта, и в журнале «Красноармеец», 1943, № 4 (подписан к печати 1 марта 1943 г.).

От автора (стр. 288). — Впервые — в журнале «Красноармеец», 1944, № 6 (подписан к печати 30 марта 1944 г.), затем в газете «Красноармейская правда», 1944, 23 мая. Строфы с 24-й по 30-ю — значительно сокращенный и переработанный автором вариант стихотворения «Бойцу Западного фронта» («Красноармейская правда», 1943, 19 декабря).

Дед и баба (стр. 293). — Впервые — в журнале «Красноармеец», 1944, № 6, затем в газете «Красноармейская правда», 1944, 24 мая.

На Днепре (стр. 300). — Впервые, под названием «Отчий дом», — в журнале «Красноармеец», 1944, № 7 (подписан к печати 11 мая 1944 г.), и, под названием «На Днепре», в газете «Красноармейская правда», 1944, 26 мая.

За рекой еще Угрою... — р. Угра — левый приток Оки. Берет начало в Ельнинском районе Смоленской области.

...Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка, здравствуй, речка Лучеса... — Ельня — районный центр Смоленской области; Глинка — железнодорожная станция в Ельнинском районе. Речка Лучеса протекает в Починковском районе Смоленской области, в нескольких километрах от деревни Загорье, родины А. Т. Твардовского.

Про солдата-сироту (стр. 307). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1945, 29 января, затем в журнале «Красноармеец», 1945, № 13 (подписан к печати 31 июля 1945 г.). Перед текстом главы в газете дана редакционная врезка: «В 1942 году на страницах «Красноармейской правды» впервые были напечатаны главы поэмы лауреата Сталинской премии поэта А. Твардовского «Василий Теркин», первая и вторая части которой выпущены несколькими изданиями и приобрели широкую известность на фронте. Сегодня мы начинаем печатать новые главы из третьей части «Василия Теркина».

По дороге на Берлин (стр. 314). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1945, 16 марта, затем в журнале «Красноармеец», 1945, № 13.

...Не считай, шагай, смоли... — «смолить» *(простореч.)* — делать что-то энергично, с усердием.

В бане (стр. 320). — Впервые — в газете «Красноармейская правда», 1945, 15 апреля, затем в журнале «Красноармеец», 1945, № 14 (подписан к печати 20 августа 1945 г.).

...Баня! Что там Сандуны... — Сандуны — известные в Москве Сандуновские бани.

...Истолочь живьем в «котле». — «Котел» — полное окружение частей противника.

...У светца хлопочет... — светец — светильник в виде плошки, в которую наливают растопленное сало (масло) и кладут фитиль.

От автора (стр. 327). — Впервые — в «Литературной газете», 1945, 23 июня, затем в газете «Красноармейская правда», 1945, 30 июня, и в журнале «Красноармеец», 1945, № 14.

В «Красноармейской правде» тексту главы предшествует редакционная врезка: «Летом 1942 года, в тяжелые для нашей Родины дни, лауреат Сталинской премии поэт Александр Твардовский опубликовал первые главы «Василия Теркина» — книги

о бойце. С тех пор «Василий Теркин» отдельными главами печатался в «Красноармейской правде» и дошел с войсками фронта до Кенигсберга и Пиллау. Поэму А. Твардовского печатали также московские журналы «Красноармеец», «Знамя». Кроме того, поэма выходила отдельными изданиями. Можно смело сказать, что «Василий Теркин» стал любимейшим литературным героем бойцов. И не только на нашем фронте, но и во всей Действующей армии. Сегодня мы помещаем заключительную главу поэмы».

«Светит месяц, ночь ясна. Чарка выпита до дна...» — концовка первой строфы «Похоронной песни» из цикла «Песни западных славян» А. С. Пушкина.

...Пусть в какой-нибудь каптерке... — каптерка *(воен. жаргон)* — помещение для хранения и выдачи продовольствия, обмундирования и оружейного инвентаря.

ДОМ У ДОРОГИ

ЛИРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

(стр. 333)

Поэма была начата Твардовским в 1942 году[1]. Об этом свидетельствует авторская датировка поэмы: «1942—1946», а также датировка стихотворения «Отцов и прадедов примета...», по первоначальному замыслу, открывавшего поэму (см. примеч. к этому стихотворению). Публиковалась в газете «Красноармейская правда» в конце 1943 и в начале 1944 года (1943, 2 декабря — вступление и главы «Голошенье» и «Коси, коса...»; 1943, 11 декабря — «Беженцы»; 1943, 16 декабря — «Гостинчик»; 1944, 9 января — «Прощание с домом»; 1944, 18 января — «Солдат и солдатка»).

«Прервав на половине» работу над поэмой, автор, по его собственным словам, смог «вернуться к той тетрадке» лишь в 1945 году. Тогда же и начали появляться в печати («Литературная газета», «Известия», журнал «Советская женщина») новые ее главы, а в 1946 году в № 5—6 журнала «Знамя» был напечатан окончательный, существенно отличавшийся от первоначального, вариант поэмы. В 1947 году за поэму «Дом у дороги» Твардовскому была присуждена Государственная премия 2-й степени. Первое отдельное издание — А. Твардовский. Дом у дороги. Лирическая хроника. М., Воениздат, 1948.

---

[1] Творческая история поэмы в ее основных моментах изложена и прокомментирована в статье А. Кондратовича «Найти слой... (Из творческой истории поэмы А. Т. Твардовского «Дом у дороги»)» («Вопросы литературы», 1975, № 5).

Глава 1 (стр. 333). — Впервые — в газете «Известия», 1945, 28 июля, в тексте интервью автора о своей работе под рубрикой «Будущие книги». «...Помимо «Теркина» и многих стихов военного времени, составивших книжки «Юго-Западный фронт», «Возмездие» и «Фронтовая хроника», я писал и частично печатал во фронтовой газете «Красноармейская правда» поэму иного, чем «Теркин», плана и стиха — «Дом у дороги». Это тема не столько самой войны, сколько «дома», покинутого хозяином, ушедшим на фронт, пережившего войну, докатившуюся до него, «дома», в своем людском составе заброшенного из родных мест в далекую Германию, к берегам чужого моря, «дома», обретшего в нашей победе освобождение из плена и возрождение к жизни. Эта вещь — лирическая, развитие темы происходит по иным, чем в повествовательной форме, законам, и излагать ее содержание затруднительно. Начал я эту поэму

...в грозный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной...»

В этой первой публикации было дано семь строф (кончая строкой: «До самой заграницы»). «Сейчас, — заканчивалось интервью Твардовского, — работа над поэмой близится к концу». Полный текст 1-й главы впервые — в журнале «Знамя», 1946, № 5—6, с. 3—4.

...*Война стояла у ворот столицы осажденной.* — Наступление немецких войск под Москвой началось 2 октября 1941 г., с 20 октября Москва была объявлена на осадном положении. 6 декабря советские войска начали решительное контрнаступление, завершившееся 31 января 1942 г. полным разгромом противника под Москвой.

Глава 2 (стр. 337). — Впервые, под названием «Коси, коса...», — в газете «Красноармейская правда», 1943, 2 декабря, как вторая глава первого варианта поэмы. Затем — в книге: А. Твардовский. Фронтовая хроника. М., «Советский писатель», 1945, с. 3—5. В дальнейшем глава подвергалась значительной авторской правке.

...*И по косе вдоль жала...* — жало — острие косы.

...*Косье в руках скрипело.* — Косье, косовище — рукоятка (древко).

...*Держась за клямку двери.* — Клямка *(обл.)* — железный запор, задвижка у двери.

...*Сама косой небитой.* — Отбить косу — ударами молотка утончить, заострить ее лезвие.

Глава 3 (стр. 341). — Впервые, под названием «Беженцы», — в газете «Красноармейская правда», 1943, 11 декабря, как третья глава первого варианта поэмы. Текст газетной публикации был подвергнут в дальнейшем значительной авторской правке. Окончательный вариант — в журнале «Знамя», 1946, № 5—6, с. 6—8.

Глава 4 (стр. 347). — Впервые, под названием «Прощание с домом», — в газете «Красноармейская правда», 1944, 9 января, как пятая глава первого варианта поэмы. Зачин главы (57 строк) был переделан автором в самостоятельное стихотворение «Зачем рассказывать о том...» (см. с. 109—110 наст. тома). Окончательный вариант главы впервые — в журнале «Знамя», с. 8—10.

Он рыл окоп, по форме чтоб и глубина и бруствер... — бруствер *(воен.)* — насыпь для укрытия стрелков и орудий от неприятельского огня.

Хлеба сильнее за Угрою... — имеется в виду река Угра (см. примеч. к поэме «Василий Теркин», глава «На Днепре», с. 424 наст. тома).

Глава 5 (стр. 353). — Впервые — в журнале «Знамя», с. 10—13. Строфы 22-я, 25-я, 27-я и с 38-й по 44-ю после некоторой авторской правки перенесены в данную главу из главы «Гостинчик» первого варианта поэмы.

Глава 6 (стр. 359). — Впервые — в журнале «Знамя», с. 13—15.

...В холодной пуне у стены... — пуня *(обл.)* — сарай для хозяйственных надобностей: хранения сена, мякины и др.

Глава 7 (стр. 365). — Впервые — в журнале «Знамя», с. 15—18.

Прости-прощай, родимый дом, и двор, и дровосека... — дровосека — место на деревенском дворе, отведенное для колки дров.

Глава 8 (стр. 371). — Впервые, под названием «В неволе», с подзаголовком «Из поэмы «Домик у дороги», — в журнале «Советская женщина», 1946, № 1, с. 33—34. Под названием «Рождение», с подзаголовком «Глава из лирической хроники «Дом у дороги», — в газете «Известия», 1946, 31 марта.

Глава 9 (стр. 380). — Впервые — в журнале «Знамя», № 5—6, с. 21—23.

И потянул с больной ногой на старую селибу. — Селиба, селитьба *(обл.)* — вся усадьба, дом и двор со всеми угодьями.

Р. Романова

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

КНИГА ПРО БОЙЦА

ДОМ У ДОРОГИ

ЛИРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Твардовский А. Т.

Т26 Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 2. Стихотворения (1940—1945). Поэмы. Василий Теркин. Дом у дороги. Примеч. Ю. Буртина и Р. Романовой. М., «Худож. лит.», 1977.

431 с.

В том входят стихотворения Твардовского военных лет и поэмы «Василий Теркин» и «Дом у дороги».

Т $\frac{70402\text{-}192}{028(01)\text{-}77}$ **подписное** **Р2**

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ

Собрание сочинений в шести томах том II

Редактор
В. БОРИСОВА

Художественный редактор
В. ГОРЯЧЕВ

Технический редактор
Г. ЛЫСЕНКОВА

Корректоры
Н. ЗАМЯТИНА
и Л. КОНШИНА

ИБ № 482
Сдано в набор 6/VIII 1976 г. Подписано в печать А-13326 от 17/V 1977 г. Бумага типогр. № 1. Формат 84×108[1]/32 13,5 печ. л. 22,68 усл. печ. л. 18,633 уч-изд. л. Заказ № 292. Тираж 150 000 экз. Цена 2 р. 10 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29

2р.40к.